

Зарубежная фантастика

Алан Д. Фостер
ЧУЖОЙ-3

Алан Д. Фостер
ЧУЖОЙ-3
Научно-фантастический
роман

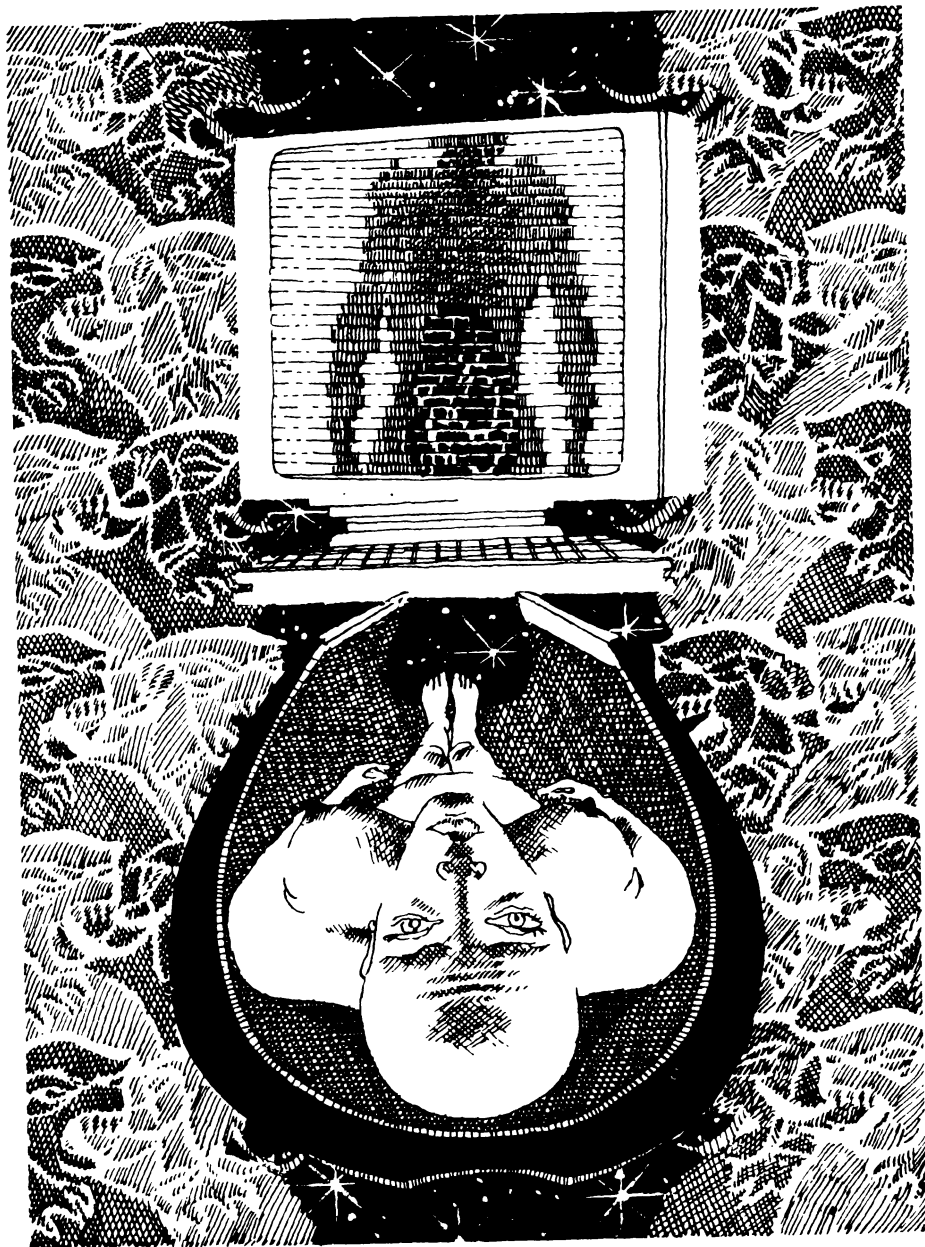

Издательство «Мир»

Зарубежная фантастика

Alan Dean Foster
ALIEN-3
New York Warner Books 1992

Зарубежная

фантастика

Алан Д. Фостер
ЧУЖОЙ-3

Научно-фантастический
роман

Перевод с английского
А.К. АНДРЕЕВА

Москва «Мир» 1994

ББК 84.7 США

Ф81

Фостер А.Д.

Ф81 Чужой-3: Науч.-фантаст. роман/Пер. с
англ. А.К. Андреева. – М.: Мир, 1994. –
287 с. – (Зарубеж. фантаст.)

ISBN 5-03-003098-0

Новеллизация одноименного популярнейшего научно-фантастического фильма, продолжение романов “Чужой” и “Чужие” (заключительная часть трилогии).

Для широкого круга любителей приключенческой и научно-фантастической литературы.

Ф $\frac{4703040100 - 028}{041(01) - 94}$ без объявл.

ББК 84.7 США

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ISBN 5-03-003098-0 (рус.)
ISBN 0-446-36216-6 (англ.)

© 1992 by Twentieth Century-
Fox Film Corporation
This edition published by
arrangement with Warner
Books, Inc., New York
© перевод на русский язык,
Мир, 1994
© художественное оформле-
ние, Сошинская К.А., 1994

1 Плохие сны.

Странная вещь эти ночные кошмары, что-то вроде приступов хронической болезни. Род психической малярии. Только тебе покажется, что ты их победил, как они подкрадываются и снова наносят удар в тот момент, когда ты совершенно расслабился и меньше всего этого ждешь. Но с кошмарами ничего не поделаешь. Ни черта. Не существует таких таблеток или микстур, которые помогали бы от кошмаров, не спасают и инъекции ретроактивных препаратов. Единственный способ лечения – нормальный, крепкий сон, но он-то и питает инфекцию.

Поэтому ты стараешься вообще не спать. Но в дальнем космосе у тебя нет выбора. Попробуй обойтись без сна, и на борту космического корабля ты умрешь со скуки. Или того хуже: останешься в живых, но после десяти, двадцати или тридцати лет бесцветной жизни отшельника отупеешь и разучишься говорить. Потратишь всю жизнь на созерцание приборов и на выискивание смысла в неизменном свечении их шкал, не отличающемся разнообразием цветовой гаммы. Ты можешь читать, смотреть видеofilмы или заниматься гимнастикой, но при

этом обязательно будешь задумываться, не лучше ли предпочесть этому тоскливому бодрствованию глубокий сон. Не много найдется таких профессий, когда на работе лучше спать. Вообще-то это не самый худший вариант. Неплохая зарплата плюс редкая возможность собственными глазами наблюдать социальный и технический прогресс. Продление жизни – это, конечно, не бессмертие, но что-то вроде того.

Все бы хорошо, если бы не ночные кошмары. На кораблях, летающих в дальний космос, это неизбежное бедствие. Лучшее средство от кошмара – побыстрее проснуться. Но человек не может сам пробудиться от гиперсна. Такого не допустят машины. Их задача в том и состоит, чтобы не дать человеку проснуться, замедлить все физиологические процессы. К сожалению, ученые и инженеры еще не придумали, как сделать, чтобы человек не видел снов, особенно эту их проклятую разновидность – кошмары. Пока в гиперсне подсознательное мышление, как и дыхание или кровообращение, только замедляется, растягивается во времени. Один сон – или один ночной кошмар – может длиться год, а то и два.

Наверно, иногда лучше умереть со скуки. Однако у человека, находящегося в состоянии гиперсна, нет выбора. Его организмом, да и всей его жизнью управляют машины, которые поддерживают низкую температуру, подают воздух определенного состава и по заранее заданным медицинским программам регулярно берут пробы и вводят нужные препараты.

Находясь в гиперсне, человек отдается на милость машин, полагается на них целиком и полностью. А почему бы и нет? Уже не одно десятилетие по надежности они намного превосходят своих конструкторов. Машины никогда не питают недобрых чувств, никогда не бывают враждебны. Их суждения и выводы основываются лишь на наблюдениях и анализе. От них никогда не требовали, чтобы они проявляли эмоции и уж тем более поддавались им, принимая решения.

Такой машиной был и мозг космического корабля «Сулако». На его борту четверо спящих, убаюкиваемые по специальной программе самыми совершенными аппаратами из тех, что когда-либо создавала человеческая цивилизация, то видели сны, то отдыхали от них. Машина и подчинявшиеся ей аппараты сохраняли людям жизнь, регулировали их важнейшие физиологические показатели, исправляли небольшие функциональные нарушения. Четырмя спящими были Рипли, Хикс, Ньют и Бишоп. Впрочем, то, что оставалось от Бишопа, не требовало почти никакого ухода. Он привык к тому, что его иногда включали, иногда выключали. Из всех четверых только он не видел снов, только его не мучили кошмары. Между прочим, сам Бишоп об этом нисколько не сожалел. Ему казалось, что сон без сновидений, — пустая трата времени. Но те, кто разрабатывал последнюю серию андроидов — а Бишоп относился именно к ней — сочли способность видеть сны слишком дорогим удовольствием и не стали мучить себя решением такой проблемы.

Разумеется, никому и в голову не пришло спросить у андроидов, что они сами думают об этом.

Бишоп был скорее одной из машин корабля, чем членом экипажа, поэтому его можно было и не брать в расчет. Из людей хуже всех дела обстояли у Хикса, но не потому что его ночные кошмары были ужаснее, чем у его товарищей, а потому что полученные им недавно раны сами собой толком не заживали. Хикс нуждался в помощи современного медицинского центра, оборудованного по последнему слову науки, а от ближайшего подобного центра «Сулако» отделяли еще два года полета и невообразимо огромное расстояние.

Рипли сделала для Хикса все, что было в ее силах, и предоставила право вынести окончательный диагноз и назначить метод лечения более осведомленным в медицине автоматам «Сулако». К несчастью, без подсказки со стороны медицинского персонала, из которого после трагедии на Ахеронте никого не осталось в живых, автоматы могли решиться только на консервативные методы лечения. В любом случае два года в гиперсне не способствуют быстрому выздоровлению. Когда Рипли опускала Хикса в капсулу для гиперсна, ей оставалось лишь надеяться, что анабиоз окажет на него благоприятное воздействие.

Пока медицинские автоматы старались изо всех сил, организм Хикса сам пытался залечить свои раны. Замедление физиологических процессов оказалось полезным, потому что при этом одновременно резко снижалась и скорость распространения

возможных инфекций, но с повреждениями внутренних органов автоматы ничего не могли поделать. Хикс долго держался на одной силе воли. Теперь его ресурсы были исчерпаны, ему требовалась сложная хирургическая операция.

В отсеке для гиперсна появилось еще одно существо. Оно не было частью корабля, хотя тоже было запрограммировано на выполнение единственной задачи и в этом смысле мало отличалось от холодных, бездушных машин или даже от безлюдных коридоров, по которым оно бродило. Существо толкала вперед и побуждала двигаться одна цель.

Этой целью была не пища, потому что существо не было голодно, да и вообще не употребляло пищу в обычном смысле слова, и не секс, потому что оно было бесполом. Его гнало одно лишь инстинктивное стремление к продолжению рода. Это живое существо было почти такой же машиной, что и управлявший космическим кораблем компьютер, но в отличие от машин оно обладало целеустремленностью и решимостью.

Если сравнивать с земными животными, то существо больше всего походило на мечехвоста, только хвост у него был гибкий. По гладкому полу отсека оно ловко передвигалось на многосуставчатых конечностях, защищенных плотной шкурой с необычно высоким содержанием углерода. Физиологически существо отличалось чрезвычайной простотой и прямолинейностью; его предназначением было выполнение одной единственной биологической функции, и с этой задачей оно справлялось лучше,

чем выполнял свои операции любой созданный человеком механизм.

Ведомое органами чувств, сочетавшими в себе самые примитивные и самые сложные системы, и подталкиваемое невероятной целеустремленностью, подобной которой никогда не обладал ни один другой живой организм, это существо быстро рыскало по отсеку.

Столь совершенному существу было совсем несложно вскарабкаться по гладкой боковой поверхности капсулы для гиперсна к крышке, которая была изготовлена из прочнейшего стекла. В этой капсуле спала девочка – крохотное создание, еще не вполне сформировавшееся, белокурое и невинное. Только ее сны были не менее страшными, а часто более длительными и подробными, чем ночные кошмары спавших неподалеку взрослых. Маленькое создание спало с закрытыми глазами и поэтому не могло видеть, как отвратительное существо-машина обследует тонкий купол ее капсулы.

Это не было сном. На этот раз кошмар оказался вполне реальным и конкретным. К счастью, девочка не подозревала о присутствии чудовища.

Начав с одного конца и постепенно продвигаясь к другому, существо нетерпеливо, но методично обследовало капсулу для гиперсна. Капсула была герметичной, тройные уплотнения в ряде отношений делали ее надежнее даже корпуса самого «Сулако». Существо явно беспокоилось, но впасть в отчаяние оно не умело. Близкая перспектива удачного выполнения единственной биологической функции лишь

возбуждала его, придавая новые силы. Из той части тела существа, которую можно было назвать брюшной, выдвинулась длинная трубка. Существо ощупывало ею неподдающийся прозрачный материал. Близость жертвы заставляла его трудиться с утроенной энергией.

Скользнув по боковой грани капсулы, существо в конце концов нащупало почти неразличимый паз между прозрачным куполом и металлическим основанием. Крепко уцепившись хвостом за приборы у изголовья, оно впилося когтями в ничтожную трещину. Все его небольшое туловище задрожало от напряжения. Герметизирующие прокладки капсулы слегка деформировались. Силе и настойчивости существа, казалось, не было границ.

Нижний край прозрачного купола лопнул, прочное стекло раскололось, а его осколок, острый как скальпель, насквозь пронзил агрессивное существо. Из капсулы вырвался поток охлажденного воздуха, но система автоматического самовосстановления снова мигом герметизировала капсулу, вернув прежнюю температуру и состав воздуха.

Погруженная в ночные кошмары, Ньют негромко застонала и повернула на бок головку. За опущенными веками забегали зрачки, но девочка не проснулась. Моментально восстановленная герметичность капсулы спасла ей жизнь.

С воплями, судорожно колотя конечностями и хвостом, смертельно раненное существо метнулось в сторону и свалилось на купол капсулы, где неподвижно лежал Хикс. Дергаясь и извиваясь,

существо пыталось вцепиться когтями в стекло, а из его раны, растворяя, казалось, неуязвимое стекло и металлическое основание, заструилась едкая жидкость. Попав на пол, она прожгла и его. Откуда-то снизу появился дым, постепенно заполнивший весь отсек.

Повсюду на корабле ожили системы аварийного оповещения, замигали предупреждающие огни и завывли сирены. Однако на борту этого никто не мог ни увидеть, ни услышать. Но на самом корабле это никак не отразилось – он делал свое дело в соответствии с заложенными в его машины программами. Тем временем из дыры в полу валил все более густой дым, а присосавшееся к капсуле Хикса мерзкое существо все еще истекало едкой кровью.

В помещении прозвучал неестественно спокойный, механический голос:

– Внимание. В отсеке для гиперсна накапливаются взрывоопасные газы. Повторяю: в отсеке для гиперсна накапливаются взрывоопасные газы.

Загудели вмонтированные в потолок вытяжные вентиляторы. А из тела уже мертвого существа по-прежнему сочилась кислота.

Вдруг под отсеком что-то взорвалось. Следом за ослепительной фиолетовой вспышкой из дыры вырвался столб ярко-желтого пламени. За ним повалил черный дым. Как бы в недоумении замигали укрепленные под потолком лампы.

Вентиляторы замерли.

– Пожар в отсеке для гиперсна, – невозмутимо сообщил тот же женский голос таким тоном, словно

речь шла о сущем пустяке. — Повторяю: пожар в отсеке для гиперсна.

Из потолочного перекрытия выдвинулся брандспойт и, выскивая цель, стал медленно поворачиваться, словно миниатюрная пушка на орудийной башне. Обнаружив отверстие в полу, откуда вырывались языки пламени и дым, он замер и обрушил туда мощную струю. На несколько секунд пламя утихло, но очень скоро из брандспойта посыпались искры, поток воды ослаб и превратился в безжизненную тоненькую струйку.

— Автоматическая система пожаротушения повреждена. Повторяю: автоматическая система пожаротушения повреждена. Вытяжная вентиляция вышла из строя. Повторяю: вытяжная вентиляция вышла из строя. В отсеке для гиперсна пожар; здесь накапливаются взрывоопасные газы.

Ожили двигатели. Замигали предупредительные огни. Гидравлические опоры оторвали включенные капсулы от оснований, и они медленно поползли в дальний угол отсека. Разгоравшееся пламя не препятствовало их перемещению. Мертвое чудовище, так и не сумев избавиться от осколка стекла, сползло с крышки капсулы и свалилось на пол.

— Всем членам экипажа незамедлительно погрузиться на аварийно-спасательные шлюпы, — твердил все тот же голос. — Эвакуация предусмотрена через одну минуту.

Капсулы со спящими людьми одна за другой быстро исчезли в транспортирующей трубе, которая, пересекая корабль, выходила к шлюзу правого борта.

Там их уже поджидали автоматические погрузчики; они тут же перенесли капсулы на готовый к старту спасательный шлюп. Четверо спящих оказались единственными членами экипажа и пассажирами корабля. Находишь здесь случайный зритель, он мог бы заметить сквозь прозрачную крышку, как Ньют вздрогнула во сне.

Вспыхнули сигнальные огни, загудели двигатели. Все тот же голос продолжал оповещать отсутствующих слушателей:

– Все аварийно-спасательные шлюпы будут сброшены за борт через десять секунд. Девять ...

Захлопнулись внутренние люки, открылись наружные. Голос продолжал отсчет.

При отсчете “ноль” из шлюзов «Сулако» были выброшены десять аварийно-спасательных шлюпов, девять из них – пустыми. В ту же секунду содержание взрывоопасных газов в отсеке для гиперсна достигло критического уровня, и небольшого языка пламени, вырвавшегося из прожженной кислотой дыры в полу, оказалось достаточно, чтобы на мгновение вся носовая часть левого борта «Сулако» вспыхнула, затмив свет далеких звезд.

Взрыв жестоко встряхнул часть только что сброшенных за борт спасательных корабликов. Два из них полностью потеряли управление и беспомощно закувыркались в космическом вакууме. Третий описал широкую дугу, на полной скорости устремился к грузовому отсеку только что покинутого им корабля и, не затормозив, врезался в его борт. Второй, еще более мощный взрыв встряхнул «Сулако». Иска-

леченное судно накренилось. Теперь взрывы следовали один за другим, и в космический вакуум летели оплавленные и искореженные обломки корабля.

Тем временем на борту спасательного шлюпа, где разместились капсулы со спящими, небольшие и не слишком сложные компьютеры старались локализовать и по возможности исправить повреждения, причиненные ему вторым взрывом базового корабля. Корпус шлюпа не пострадал, но взрывная волна вывела из строя часть особо чувствительного оборудования.

Компьютер шлюпа попытался получить разъяснения у материнского корабля. Не дождавшись никаких сообщений, он принялся сканировать свое непосредственное окружение. Приборы вышли из строя, успев бегло прощупать лишь половину пространства, но тут же подключились аварийные резервные системы. «Сулако» бороздил космос далеко в стороне от проторенных фотонных путей, особая миссия завела его на самый край той ничтожной части Вселенной, что была исследована человеком. Катастрофа произошла почти сразу после того, как корабль лег на курс, который должен был привести его к родному дому. Сюда же человек заглядывал крайне редко, его аванпосты были здесь весьма немногочисленны и находились на огромных расстояниях друг от друга.

Наконец локаторы шлюпа что-то обнаружили. Это не было идеальным вариантом, но в сложившихся обстоятельствах иного не оказалось. Компьютер не

мог оценить, как долго он сможет функционировать со столь серьезными повреждениями. Ему вменялось в обязанность прежде всего сохранять жизнь людей, находившихся на борту. Цель была выбрана, курс установлен. Двигатели аварийно-спасательного шлюпа ожили, спешно продолжая саморемонт прямо на ходу.

Фиорину нельзя было назвать привлекательной планетой, а вблизи она выглядела совсем отталкивающе, но во всем секторе Нероид она была единственной, где имелся действующий радиомаяк. Навигационная система шлюпа нацелилась на его сигнал. Будучи не вполне исправной, она дважды теряла его, но каждый раз находила вновь. Кораблик шел по заданному курсу. В памяти компьютера нашлась лишь очень скудная и изрядно устаревшая информация о Фиорине; при ее удаленности и особом статусе другого ожидать и не приходилось.

Компьютер сообщил:

– Фиорина. Фурия-361 – фабрика по обогащению минеральных руд, добываемых в коре планеты. Исправительно-трудовое учреждение максимальной степени надежности.

Для компьютера эти слова ничего не значили. Многое они могли бы сказать его пассажирам, но состояние людей не позволяло им что-либо осознать. “Требуется ли дополнительная информация?” – запырил компьютер. Однако на нужную клавишу никто не нажал, и экран послушно погас.

Спустя несколько дней шлюп вошел в грязно-серую атмосферу выбранной планеты. Темные облака,

за которыми скрывалась поверхность Фиорины, казались совершенно безрадостными. Ни единого голубого или зеленого пятна не проглядывало сквозь плотный облачный слой, ничто не говорило о возможности жизни. Но компьютер утверждал, что здесь есть возведенные человеком сооружения, а радиомаяк с завидным постоянством посылал в космос сигнал за сигналом.

Тем временем бортовые системы аварийного шлюпа отказывали одна за другой с обескураживающей регулярностью. Компьютер из последних сил пытался держать корабль под контролем, включая то одну, то другую резервную систему. Облака цвета угольной пыли проносились мимо пустых иллюминаторов, отражавших грозные разряды атмосферного электричества.

Компьютер не прилагал особых усилий, чтобы мягко посадить спасательный шлюп. Впрочем, в этом и не было особой необходимости. И при ясном небе и слабом ветерке, при исправно функционирующих системах он отдавал бы те же команды.

Устройства и механизмы посадки не прореагировали на команду "снижение", а для повторного захода на посадку не оставалось ни времени, ни топлива. Однако компьютер учел, что вокруг радиомаяка и посадочной площадки громоздятся скалы и обрывы, и решил попытаться посадить корабль на сравнительно ровном песчаном берегу.

При попытке компьютера увеличить мощность двигателей оказалось, что энергетические ресурсы корабля исчерпаны. Таково уж было предназначение

компьютера – отдавать команды. И все же аварийно-спасательный шлюп упал в море довольно далеко от берега, под острым углом врезавшись в волны.

Амортизаторы и крепления несколько смягчили силу удара. Конструкции из металла и композитных материалов застонали, подвергаясь нагрузкам, на которые не были рассчитаны. Ребра жесткости треснули или погнулись, стенки корпуса перекошились. Компьютер сосредоточил все свои усилия на том, чтобы сохранить в целости четыре капсулы. В эти секунды ничего другого он и не мог предпринять. О себе он не беспокоился – в него не ввели программу самосохранения.

Поверхность Фиорины была такой же неприветливой, как и ее небо: серо-черное каменное царство под пронзительным воем ветра. Кое-где, защищенные скалами, приютились скрюченные, будто покаленные растения. Капли никогда не прекращавшегося дождя колотили по холодным лужам.

Мрачный ландшафт дополняли неподвижные силуэты тяжелых машин. Погрузчики, самосвалы, гигантские экскаваторы и подъемники навечно остались там, где много лет назад их бросили люди. Когда-то здесь было невероятно богатое месторождение, но потом запасы руды иссякли, а машины были настолько тяжелы, что их переброска на другие планеты обошлась бы слишком дорого. Три бурильных экскаватора стояли, как навеки застывшие в одной позе гигантские плотоядные черви. Их бурильные конусы замерли, кабины операторов были пусты и темны. Будто проголодавшиеся падальщики, машины

и механизмы поменьше сбились в несколько кучек. Они словно поджидали, когда оживут крупные хищники, чтобы урвать свои крохи с барского стола.

Чуть ниже брошенного рудника темные волны методично бились о блестящий черный песок, понапрасну растрачивая свою энергию. В этом мрачном заливе не было ни изящных членистоногих, которые скользили бы по водной глади, ни птиц, которые в поисках мелкой рыбешки или другой пищи, складывая крылья, стремительно пикировали бы к гребням волн.

Впрочем, рыба в этих водах водилась. Это были странные создания с удлинённым телом, выпученными глазами и маленькими острыми зубами. Иногда люди, называвшие Фиорину своим домом, спорили об их биологической природе, однако долгие дискуссии о параллельных путях эволюции и проблемах таксономии не пользовались успехом; обычно все соглашались, что обитатели фиоринского океана вполне съедобны, а это самое главное. На Фиорине любая свежая пища была большой редкостью. Наверно, лучше не заглядывать слишком глубоко в проблему происхождения того существа, которое закончило свой жизненный путь в котле, — если только это существо достаточно аппетитно.

На лице неторопливо шедшего вдоль залива человека застыло выражение отрешенности. Капюшон его легкого пластикового плаща защищал совершенно лысую голову от дождя и ветра. Порой он раздраженно отбрасывал попадавшее под ноги насекомое — паразиты кишели вокруг, пытаясь найти

щель в гладком пластике плаща. В то время как прилетавшие на Фиорину люди не отказывались порой отведать сомнительные дары здешнего океана, более примитивные формы местной жизни были не прочь попить за счет самих пришельцев.

Человек, целиком погруженный в свои мысли, медленно брел среди брошенных дерриков и окаменевших подъемных кранов. На его мрачном лице не мелькнуло и тени улыбки, оно отражало лишь тихое смирение, порожденное не убеждениями или верой, а полным безразличием. Казалось, его очень мало интересует, что происходит сегодня и наступит ли завтра. Во всяком случае ему доставляло удовольствие лишь перебирать собственные мысли.

Необычный звук заставил мужчину поднять голову. Он смахнул холодные капли с защитной маски. Гул исходил сверху. Неожиданно из низкого облака вырвался блестящий металлический предмет. Со свистом рассекая воздух, он явно падал в океан.

Остановившись, человек долго смотрел на место, куда упал предмет, а потом возобновил свою неторопливую прогулку.

Пройдя ровно половину намеченного пути, он бросил взгляд на хронометр, повернулся и пошел назад, изредка посматривая в сторону океана, но не замечая там ничего необычного. Впрочем, ни на какое открытие он и не рассчитывал, поэтому не поверил своим глазам, когда увидел выброшенное на песок человеческое тело. Он немного ускорил шаг и, войдя в воду, склонился над телом. Впервые за много лет его сердце забилося чаще обычного. Оказалось,

море вынесло на берег женщину, и она была еще жива, хотя и без сознания. Он перевернул ее на спину, всмотрелся в испачканное лицо.

Потом поднял голову. Кроме него и этого так неожиданно появившегося пришельца, на всем берегу никого не было. Оставить ее здесь и отправиться за подмогой значило отложить первую медицинскую помощь, от которой, может быть, зависела ее жизнь, и к тому же отдать на растерзание крохотным, но весьма агрессивным здешним хищникам.

Ухватив женщину подмышки, мужчина приподнял ее, с трудом взвалил на плечо и медленно побрел назад, к шлюзу.

Миновав шлюз, он остановился, чтобы перевести дух, а потом направился к дезинфекционной душевой, где трое заключенных, только что вернувшихся с работы на поверхности, тщательно отмывались под струями горячего дезинфицирующего раствора. Будучи единственным врачом на планете, Клеменз обладал известной властью, которой он теперь и воспользовался.

– Внимание!

Заключенные с любопытством посмотрели на него. Врач не часто общался с остальными заключенными, разве если те приходили к нему с жалобами на здоровье. Стоило им увидеть безвольно обвисшее на плече Клеменза тело, как от их безразличия не осталось и следа.

– Упал аварийно-спасательный корабль, – объяснил Клеменз. Заключенные переглянулись. – Что стоите как вкопанные?! – рявкнул он, пытаясь

отвлечь их внимание от своей ноши. – Немедленно отправляйтесь на берег. Волны могут вынести еще и других. И не забудьте предупредить Эндрюза.

Заключенные помедлили и лишь спустя несколько секунд зашевелились. Переходя из душа в раздевалку, они не сводили глаз с женщины, которую принес Клеменз. Тот так и не осмелился опустить ее на пол.

2 Эндрюз не любил работать с коммуникатором. Каждое включение обязательно регистрировалось, и данные о нем навсегда сохранялись в памяти машины. Дальняя космическая связь – дорогое удовольствие, поэтому Эндрюзу разрешалось пользоваться ею только в случае крайней необходимости, когда нет иного выхода. Но ведь могло случиться и так, что его оценка степени необходимости разойдется с мнением какого-нибудь откормленного тупицы из Центрального управления. Тогда ему могут урезать зарплату или отказать в предполагающемся продвижении по службе. При этом у Эндрюза не было ни малейших шансов оправдаться и защитить себя, потому что к тому времени, когда он выберется из этой чертовой дыры под названием Фиорина и доберется до Земли, тот кретин, что подписал приказ о взыскании, скорее всего уже давно умрет или будет на пенсии.

Впрочем, какого черта ему так переживать? Когда он вернется домой, умрут не только его начальники, но и все друзья и знакомые. Правда, это пессимистическое соображение нисколько не притупляло желания поскорее совершить долгожданное путешествие к Земле.

Поэтому Эндрюз старался выполнять свою поганую работу как можно лучше и надеялся, что его не менее поганое начальство в конце концов обратит внимание на его мастерство и высочайший профессионализм и предложит уйти на пенсию пораньше.

А теперь появилось это крайне неприятное непредвиденное осложнение, появилось исключительно для того, чтобы усложнить жизнь ему, Эндрюзу. Он терпеть не мог все непредвиденное. Одним из немногих преимуществ его работы была ее неизменная предсказуемость.

Была. До сегодняшнего дня. Именно это обстоятельство заставило Эндрюза включить коммуникатор. Он яростно застучал по клавишам.

**ФУРИЯ-361 – ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ
КОЛОНИЯ КЛАССА С – ИРИС 12037154**

**РАПОРТ О КРУШЕНИИ АВАРИЙНО-
СПАСАТЕЛЬНОГО КОРАБЛЯ 2650**

НА БОРТУ НАХОДИЛИСЬ:

**АНДРОИД МОДЕЛИ БИШОП, В НЕРАБОЧЕМ
СОСТОЯНИИ;**

**КАПРАЛ ДЕСАНТНО-КОСМИЧЕСКИХ ВОЙСК
ХИКС, L 55321, К МОМЕНТУ ОБНАРУЖЕНИЯ
МЕРТВ;**

**ЛЕЙТЕНАНТ КОСМИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ
РИПЛИ, В 515617, ЖИВА;**

**НЕОПОЗНАННЫЙ РЕБЕНОК ЖЕНСКОГО
ПОЛА, К МОМЕНТУ ОБНАРУЖЕНИЯ МЕРТВ**

ПРОШУ СРОЧНО – ЧЕМ СКОРЕЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ –

**ЭВАКУИРОВАТЬ – НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕ ОТВЕТ.
НАЧАЛЬНИК КОЛОНИИ ЭНДРЮЗ М51021
(Передано с временем запаздывания 1844 –
Фиорина)**

Когда Клеменз нашел женщину, он поторопился поскорее отнести ее в комплекс. В тот момент всех волновало ее состояние, а не пол. Размышлять они стали позже, и лишь тогда Эндрюз понял, с какими проблемами им придется столкнуться.

Что до аварийно-спасательного корабля, то его вытащила на берег упряжка мутантов-буйволов. Конечно, справиться с такой задачей можно было бы проще и быстрее, взяв одну из тех машин, что работали в рудниках, но брошенные на поверхности механизмы давно вышли из строя, а находившиеся внутри комплекса машины представляли для его обитателей слишком большую ценность, чтобы ими можно было рисковать, заставляя работать в капризной атмосфере планеты. Да и удастся ли, не повредив, поднять на поверхность нужную машину. Проще и надежнее было положиться на буйволов, хотя те давно разучились работать. Животные отлично справились с задачей, только один буйвол через несколько минут свалился от непривычного перенапряжения.

Когда искореженный спасательный шлюп оказался в зоне досягаемости захватов единственного исправного подъемного крана, то застропить его и опустить в комплекс уже не составило труда. В присутствии Эндрюза в корабль вошли люди. Они пробыли там

недолго и уже через минуту сообщили, что женщина прилетела не одна, на корабле были и другие пассажиры.

Начальнику колонии это совсем не понравилось. Появились новые осложнения, новые отклонения от столь привычной повседневной рутины. Значит, нужно будет принимать какие-то решения, а этого он не любил. Ведь никогда не исключалась возможность, что ты примешь совсем не то решение.

Капрал десантно-космических войск оказался мертв. Никаких признаков жизни не было и у несчастного ребенка. Андроид – не в счет. Эндрюз немного успокоился. Стало быть, оставалась одна женщина. Ну и хорошо. С ней одной хлопот не оберешься.

Кто-то доложил, что коммуникатор принял ответное сообщение. Оставив аварийно-спасательный корабль и все его содержимое на попечение других, начальник колонии вернулся в свой кабинет. Он был крупным, подтянутым, сильным и решительным мужчиной лет под пятьдесят. Не будь он таким, его никогда не направили бы на Фиорину.

Ответ оказался еще более кратким, чем посланный Эндрюзом рапорт:

**ФУРИЯ 361 — ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ
КОЛОНИЯ КЛАССА С 1237154**

**ОТ: СЕТЬ КОСМИЧЕСКОЙ СВЯЗИ 01500 —
УЭЙЛЕНД-ЮТАНИ**

ВАШ РАПОРТ ПОЛУЧЕН

Вот это да! Не веря своим глазам, Эндрюз уставился на экран коммуникатора, но ничего нового

на нем так и не появилось. Никаких предложений, никаких запросов о дополнительной информации, даже никаких витиеватых и бессмысленных бюрократических фраз. Ни одобрения, ни критических замечаний. Почему-то начальник колонии ожидал большего.

Разумеется, он мог бы отправить еще один рапорт, потребовать разъяснений, но только его начальники скорее всего сочтут это непозволительным расточительством и все расходы удержат из его же зарплаты. Они же ответили, не так ли? Вроде бы ответили, а вроде и нет. Начальнику колонии ничего не оставалось, как действовать на свой страх и риск и... ждать.

Еще один сон. Во сне чувство времени теряется, в кошмарах события могут происходить в самой нелепой последовательности. Сны могут быть близкими к реальности или совершенно фантастическими, но почти никогда человек не видит во сне часы.

Держа в руках тяжелое двуствольное оружие — огнемёт с импульсным карабином, она осторожно подошла к капсулам для гиперсна. Беглого осмотра оказалось достаточно, чтобы убедиться, что все три обитателя капсул на месте, никто их не трогал, никто не потревожил их сон. Вот разорванный надвое Бишоп. А здесь Ньют; глядя на ее тонкие детские черты, невозможно было поверить, что совсем недавно девочка невольно едва не стала жертвой невероятно жестоких событий. В третьей капсуле спокойно спал умиротворенный Хикс. Она нерешит-

тельно подошла ближе – прозрачная крышка капсулы не сдвинулась, глаза Хикса остались закрытыми.

Подозрительный звук заставил ее резко повернуться. Она щелкнула тумблером на боковом щитке своего комбинированного оружия, а палец одновременно вдавил кнопку спускового устройства. Оружие лишь негромко щелкнуло – и все. Она снова попыталась выстрелить. Один из стволов выбросил короткий, не длиннее пары дюймов, ленивый факел, который тут же погас.

Она в панике проверила уровень напалма, магазинную коробку, спусковое устройство, все, что можно было осмотреть, не разбирая оружия. Вроде бы все было в порядке. Оружие должно стрелять, не может не стрелять...

Что-то неведомое было близко, совсем близко. Ей снилось, что она отступает, осторожно пятится, стараясь укрыться за прочной стеной и одновременно на ощупь выискивая неисправность в огнемете. Неведомое было рядом. Это она знала точно. Ее пальцы судорожно бегали по так не вовремя закапризничавшему оружию. Наконец она нашла неисправность, в этом она была уверена. Еще хотя бы минуту – это все, что ей было нужно. Вот здесь перезарядить, снова установить прицел, и оружие будет готово к бою. Полминуты. Она случайно бросила взгляд вниз.

Под ее ногами лежал хвост чужой твари.

Она закричала, бросилась куда-то. Оказалось, прямо в объятия поджидавшего ее чудовища. Она попыталась отгородиться от этой чужой твари

оружием. Но одна кошмарная, невероятной силы лапа уже схватила оружие и согнула оба ствола, а другая потянулась к ней. Она барабанила кулаками по осклизлой груди твари. Бесплезно, теперь все бесплезно.

Тварь развернула Рипли и швырнула ее на ближайшую капсулу для гиперсна. Рипли хотела было подняться, но чудовище снова отбросило ее. Рипли прижалась лицом к холодному, бесчувственному стеклу. Под стеклом лежал Хикс; он открыл глаза и широко улыбнулся.

Рипли закричала.

Лазарет размещался в небольшой, почти пустой комнате, которая примыкала к куда более обширным помещениям госпиталя, рассчитанного на ежедневный прием нескольких десятков пациентов. Но этими пациентами должны были быть горняки, которые уже давно покинули Фиорину. Много лет назад наиболее богатые месторождения истощились, бесценную руду отправили к Солнечной системе, а вслед за рудой потянулись домой и горняки. Теперь здесь работали только заключенные, а им такой просторный госпиталь был ни к чему.

Поэтому из госпиталя забрали все, что представляло какую-то ценность, а небольшое хирургическое отделение передали колонии. Так было дешевле. Небольшое помещение проще обогреть, не нужно расходовать уйму денег и энергетических ресурсов. Что касается заключенных, хозяева всегда старались сэкономить на чем только можно.

Нельзя сказать, что заключенным совсем ничего не оставили. Для небольшой исправительно-трудовой колонии оборудования и медикаментов здесь было больше чем достаточно. Компания могла позволить себе такую щедрость. Кроме того, перевозка даже самых необходимых материалов в удаленные уголки галактики обходилась очень дорого. Было разумнее оставить что похуже на Фиорине и таким образом завоевать репутацию добрых руководителей, занимающихся чуть ли не благотворительностью. Это тоже своего рода реклама, а хорошая реклама дороже любого оборудования.

Лазарет славился не только оборудованием, но и своим хозяином Клемензом. Как и некоторые медицинские приборы, он был слишком хорош для Фиорины, хотя в этом было бы нелегко убедить всякого мало-мальски знакомого с его делом. Впрочем, сам Клеменз и не стал бы никого убеждать. Как бы то ни было, заключенным, можно сказать, повезло, что он у них был, и они это понимали. Большинство из них вовсе не были тупицами, скорее оказались негодными людьми. Подобные личности иногда становятся выдающимися дельцами или столпами общества, а иногда, озлобляясь, скатываются на дно и деградируют. Если деградация личности не затрагивает окружающих, то такого человека на густонаселенных планетах, таких как Земля, лечат или изолируют от общества.

Если же озлобленность прорывается наружу и от нее страдают невинные люди, то такого человека отправляют куда-нибудь подальше. Например, на

Фиорину. Клеменз, как и многие другие, слишком поздно понял, что его жизненный путь настолько отклонился от нормы, что может завести его сюда.

Женщина пыталась что-то сказать. Ее губы зашевелились, она выбросила руки вверх, то ли отталкивая что-то от себя, то ли упираясь во что-то. Клеменз наклонился, почти прижался ухом к ее губам, но разобрал лишь нечленораздельные гортанные и булькающие звуки, будто неведомое существо поднималось из таинственных глубин к поверхности моря.

Клеменз выпрямился, осторожно опустил голову женщины вниз и несколько секунд твердо удерживал ее в таком положении. Женщина судорожно вздохнула, снова издала непонятный гортанный звук и выплеснула поток темной соленой воды. Скоро приступ рвоты утих. Не приходя в себя, женщина успокоилась, задышала ровнее. Клеменз снова положил ее голову на подушку, внимательно и серьезно всмотрелся в мертвенно-бледное лицо. Несмотря на возраст, у женщины были нежные, едва ли не девичьи черты лица. Но в то же время она походила на человека, знакомого с тем, что такое ад.

Что ж, подумал Клеменз, если тебя сначала выбрасывают на аварийно-спасательном корабле, а потом выводят из гиперсна, уронив в море, это наложит свой отпечаток на кого угодно.

Дверь лазарета почти бесшумно скользнула в сторону. Вошли Эндрюз и его заместитель Эрон. У Клеменза не вызывали восторга ни начальник колонии, ни его заместитель, но он отдавал себе

отчет в том, что Эндрюз тоже не испытывает нежных чувств к единственному на планете медику. Хотя положение Клеменза было более выгодным, чем у большинства других жителей Фиорины, он все же был заключенным, отбывавшим свой срок. Ни начальник колонии, ни его заместитель никогда не позволяли ему забывать это. Правда, он не забывал и без их напоминаний. На Фиорине трудно было выполнить многое, но забыть о том, как и почему ты сюда попал, не удавалось никому.

Эндрюз и Эрон остановились у койки и уставились на женщину. Эндрюз пробормотал что-то неразборчивое, потом спросил:

– Как ее состояние, мистер Клеменз?

Медик слегка откинулся на спинку стула и снизу вверх взглянул на человека, который в любых практических вопросах был безраздельным владыкой, почти абсолютным монархом Фиорины.

– Она жива.

Эндрюз нахмурился, потом одарил Клеменза издевательской улыбкой:

– Благодарю вас, мистер Клеменз. Вы сообщили чрезвычайно полезные сведения. И хотя я не хотел бы иного исхода или во всяком случае не должен был бы надеяться на него, то отсюда следует, что мы столкнулись с серьезной проблемой, не так ли?

– Вам не о чем беспокоиться, сэр. Думаю, мы сможем поставить ее на ноги. У нее нет ни внутреннего кровотечения, ни переломов, ни даже серьезных растяжений. Надеюсь, скоро она совсем поправится.

– Именно это, как вам, мистер Клеменз, без

сомнения, хорошо известно, меня больше всего и беспокоит. — Эндриюз окинул женщину оценивающим взглядом. — Лучше бы она здесь не появлялась. Лучше бы ее здесь вообще не было.

— Не хотелось бы, чтобы вы сочли мои слова непочтительными, но осмелюсь заметить, сэр, у меня такое ощущение, что она охотно согласилась бы с вами. Судя по тому, какой была посадка аварийно-спасательного корабля, и по его состоянию, которое я имел возможность оценить собственными глазами, могу сказать, что в этой истории у нее был чертовски небогатый выбор. У вас есть предположения, откуда они взялись? С какого корабля?

— Нет, — пробормотал Эндриюз. — Я отправил рапорт руководству Уэйленд-Ютани.

— Они ответили? — Клеменз держал Рипли за запястье, делая вид, что проверяет ее пульс.

— Если это можно назвать ответом. Они подтвердили получение моего рапорта. И все. Кажется, после моего сообщения у них пропало всякое желание говорить.

— Это можно понять, если потерянный корабль представлял для них большую ценность. Думаю, теперь они носятся как сумасшедшие, пытаюсь догадаться, что следует из вашего рапорта, — и Клеменз улыбнулся, с удовольствием представив себе переполох в стане набобов Компании.

— Если ее состояние изменится в ту или другую сторону, тотчас дайте мне знать.

— Например, если она вдруг, к счастью, испустит дух?

Эндрюз свирепо посмотрел на медика:

– Клеменз, с меня и без того достаточно неприятностей. Будьте хоть немного сообразительней и не создавайте новых проблем. Не заставляйте меня думать не только об этом чертовом спасательном шлюпе, но еще и о вас. Нам не нужна чрезмерно высокая смертность. Возможно, это вас удивит, но я искренне надеюсь, что она выживет. Хотя она, когда очухается, может подумать как раз обратное. – Начальник колонии повернулся к заместителю: – Пойдем.

Эндрюз и Эрон вышли. Женщина негромко застонала, заметалась на постели. Любопытно, размышлял Клеменз, что это, нормальная реакция на те медикаменты, которые он поторопился ввести ей, надеясь на мгновенный положительный результат или их побочный нежелательный эффект? Он сидел рядом с койкой, наблюдая за пациенткой и испытывая бесконечную благодарность судьбе, которая дала ему возможность быть здесь, рядом с этой женщиной, смотреть на нее, ощущать исходящий от нее запах. Он уже почти забыл, что значит женское общество. Одним своим появлением она пробудила множество воспоминаний. Если не обращать внимание на кровоподтеки и следы усталости, она очень красива, подумал Клеменз. Даже намного красивее, чем можно было бы ожидать.

Рипли снова застонала. Нет, это не от боли и не от его медикаментов, решил Клеменз. Ей снились какие-то кошмары. Это не страшно. В конце концов, сны ей не повредят.

Огромный четырехъярусный зал освещался скудно. Заключенные столпились на втором ярусе. Они негромко переговаривались, опершись на перила; кое-кто покуривал сигареты с растительно-синтетической смесью. Верхние ярусы были пусты. Как и большинство других сооружений на Фиорине, располагавшийся в глубине шахты зал предназначался для многих сотен людей, а не для пары дюжин собравшихся сейчас здесь заключенных.

По приказу начальника колонии сюда пришли все двадцать пять обитателей колонии: молодые, не слишком молодые и те, для кого молодость была лишь смутным приятным воспоминанием, но все с жесткими чертами худых лиц, все наголо остриженные. Эндрюз расположился лицом к заключенным, рядом с ним сидел его заместитель. Клеменз, как и приличествовало его особому статусу, стоял немного в стороне и от заключенных и от тюремщиков.

Двадцать пять заключенных и всего два надзирателя. В любой момент заключенные могли бы наброситься на начальника колонии и его заместителя и без особых проблем скрутить их. А что дальше? После мятежа они стали бы хозяевами того комплекса, где жили и сейчас. Бежать здесь было некуда: на Фиорине не существовало лучших мест, запретных для заключенных. Зато когда прилетит очередной транспорт с продуктами и другими грузами, его экипаж быстро поймет, что к чему, не станет сбрасывать грузы и сообщит о мятеже. Потом прибудет до зубов вооруженный отряд. Солдаты быстро расправятся с подстрекателями и руководи-

телями мятежа, а всем другим мятежникам, если им удастся остаться в живых, добавят срок.

Все то относительное удовольствие, которое может доставить неподчинение властям, не стоит и лишнего месяца на Фиорине, не говоря уж о двух-трех годах. Это понимали даже самые отупевшие заключенные. Поэтому на Фиорине не было не только мятежей, но и хотя бы одного случая неподчинения Эндрюзу. Чтобы выжить и, что еще важней, вернуться домой живым, на этой планете следовало выполнять все требования властей. Возможно, заключенные и были чем-то недовольны, но вели себя смиренно.

Эрон оглядел кучку переговаривавшихся людей и нетерпеливо повысил голос:

– Ну ладно, ладно. Перестаньте болтать, подтягивайтесь поближе и давайте начинать. Согласны? Возражений нет. Прошу вас, мистер Диллон.

Диллон сделал шаг вперед. В среде заключенных он был признанным вожаком и не только из-за своего внушительного вида и недюжинной силы. По традиции – больше для виду, чем по необходимости, – он носил очки без оправы, предпочитая их контактными линзам. О том, чтобы исправить зрение путем трансплантации, на Фиорине не приходилось и мечтать: едва ли Компания станет тратить время и деньги на заключенных. Впрочем, Диллона такая ситуация вполне устраивала. Его очки были своего рода семейной реликвией – они не раз передавались из поколения в поколение и все же каким-то чудом уцелели.

Свисавший с остриженной головы Диллона узкий чуб при ходьбе немного покачивался. Диллон тратил немало времени и сил на регулярный уход за этим украшением и его избавление от вездесущих насекомых Фиорины, но стойко терпел все неудобства ради того, чтобы содержать в порядке чуб как символ своей индивидуальности.

Диллон громко прокашлялся и начал:

— Господи, дай нам силы, чтобы все претерпеть. Сознаем, что мы всего лишь жалкие грешники, находящиеся во власти разгневанного Бога. Да не разорвется вечный круг... пока не наступит назначенный день. Аминь.

Молитва была очень короткой, но и этого было вполне достаточно. Каждый заключенный поднял правую руку со сжатым кулаком и медленно ее опустил. Этот ритуальный жест означал не вызов, а покорность и смирение. На Фиорине неповиновение не давало никаких преимуществ, оно грозило лишь исключением из сообщества заключенных, а иногда и преждевременным уходом из жизни.

Если в своем неповиновении заключенный заходил слишком далеко, Эндрюз мог выгнать его из комплекса. Так он иногда и делал, причем почти безнаказанно. Здесь некому было возражать, контролировать действия начальника колонии или сомневаться в их справедливости. Не было здесь и судебных следователей, которые стали бы выяснять причины смерти того или иного заключенного. На Фиорине Эндрюз выносил приговор, и он же приводил его в исполнение. Жизнь заключенных стала бы совсем невыносимой, если бы не тот факт, что,

несмотря на тяжелый характер, Эндрюз был справедливым человеком. Заключение считали, что в этом им просто повезло. Ведь могло быть и иначе.

Эндрюз оглядел своих подопечных. Каждого из них он знал очень хорошо, намного лучше, чем ему хотелось бы – будь у него выбор. Он знал их достоинства и недостатки, пристрастия, антипатии и грешки, все подробности их личных дел. Одни были настоящими подонками, другие просто не смогли найти себе место в обществе. Были и всякого рода промежуточные варианты.

Эндрюз со значением прокашлялся.

– Благодарю вас, джентльмены. О том, что произошло сегодня ранним утром, было много разговоров, большей частью слишком фривольных. Поэтому я рассматриваю наше собрание как способ регулирования нелепых слухов.

А факты таковы. Как некоторые из вас уже знают, во время утренней вахты, точнее в 6.00 утра, при посадке потерпел аварию аварийно-спасательный шлюп модели 337. Из его экипажа один человек остался в живых, а двое погибли. Там же находился андроид, однако его состояние не дает ни малейшей надежды на восстановление. – Эндрюз немного помолчал, как бы предоставляя слушателям возможность переварить информацию. – В живых осталась женщина.

Аудитория оживленно загудела. Эндрюз внимательно прислушивался, стараясь оценить реакцию собравшихся. Пока все шло неплохо... Пока.

Один из заключенных, Морс, перегнулся через перила. Ему не было еще и тридцати, но выглядел он

намного старше своих лет. Фиорина быстро старила своих невольных обитателей. Морс щеголял золотыми зубами – одним из побочных следствий какой-то его антиобщественной деятельности. Золото было выбрано из эстетических соображений. Морс казался чрезмерно взвинченным и раздраженным. Впрочем, таким он был всегда.

– Я одно хочу сказать. Когда меня сюда привезли, я дал обет целибата. Это значит – никаких женщин, никакого секса ни в каком виде, – он возбужденно оглядел товарищей. – Мы все дали такую клятву. И теперь я не понимаю, если можно так выразиться, политики Компании, которая допустила, чтобы сюда проникла... – Морс продолжал и дальше бубнить в том же духе, а Эрон шепнул начальнику колонии:

– Нахальный сукин сын, вы не находите, сэр?

В конце концов, заслонив Морса своей широкой спиной, вперед снова выступил Диллон. Негромко, но звучно и твердо он заговорил:

– Брат хотел сказать, что мы рассматриваем присутствие любого постороннего, тем более женщины, как нарушение наших договоренностей, как потенциальную угрозу нашему духовному единению, которое только и помогает нам жить здесь день за днем и при этом сохранять здравый рассудок. Вы слышали, что я сказал, господин начальник? Вы поняли, что я имею в виду?

Эндрюз не дрогнул под пристальным взглядом Диллона.

– Поверьте, в этом вопросе мы полностью разделяем ваши чувства. Уверяю вас, всех вас, что мы

приложим все силы, чтобы вам не пришлось ни о чем беспокоиться и чтобы это обстоятельство было благополучно разрешено как можно скорее. Думаю, это в интересах каждого из нас.

Заключенные снова загудели.

– Надеюсь, вы будете рады узнать, что я уже вызвал бригаду спасателей. Полагаю, они прибудут сюда в течение недели и эвакуируют женщину при первой возможности.

Из середины зала донесся скептический голос:

– Говоришь, в течение недели, начальник? Так быстро сюда никто не доберется. Откуда б ни добирался.

Эндрюз перевел взгляд на скептика:

– Я имею в виду корабль, направляющийся на Мотинею. Его полет продолжается уже несколько месяцев. То, что произошло у нас, – чрезвычайное происшествие. Некоторым правилам должна подчиняться даже Компания. Я уверен, представители Компании свяжутся с кораблем, выведут из гиперсна хотя бы одного пилота и изменят маршрут так, чтобы корабль пролетел рядом с Фиориной. Они заберут женщину, и все будет кончено.

Конечно, Эндрюз не был уверен ни в чем, но ему казалось, что на месте руководства Компании он бы поступил так. Поэтому он старался не обнаруживать своих сомнений. Если же направляющийся на Мотинею корабль не отклонится от курса, то Эндрюзу придется разбираться самому. Впрочем, критические ситуации следует разрешать одну за другой, по мере их возникновения.

Эндрюз бросил взгляд на Клеменза:

– Результаты медицинской экспертизы готовы?

Медик неуверенно развел руками:

– Можно сказать, готовы. Во всяком случае я сделал все, что мог, – я имею в виду при нашем оборудовании.

– Только не надо ссылаться на оборудование. Что вы можете сказать о состоянии потерпевшей?

Чувствуя, что на него устремлено внимание всех собравшихся, всего населения планеты, Клеменз не сводил глаз с начальника колонии.

– Кажется, серьезных повреждений нет. Большею частью следы ушибов и кровоподтеки. Возможно, у нее сломано ребро. Но даже если это так, то там не открытый перелом, а всего лишь трещина. Потенциально более опасно то обстоятельство, что пациентка была слишком резко выведена из состояния гиперна. – Собираясь с мыслями, Клеменз немного помолчал. – Конечно, я всего лишь фельдшер, но даже я понимаю, что ей понадобятся консультации врачей-специалистов. Если человек выходит из гиперна внезапно, без предварительной биофизической подготовки, могут возникнуть самые разнообразные проблемы. Непредсказуемые побочные эффекты, нарушение ритма дыхания, осложнения в системе кровообращения, разрыв клеточных мембран и все такое прочее, о чем я не имею ни малейшего представления. Я даже не знаю, как диагностировать такие нарушения, и уж тем более понятия не имею, как их лечить. Надеюсь, бригада спасателей будет оснащена медицинским оборудованием.

– Она будет жить? – спросил Эндрюз.

Клеменз неодобрительно покачал головой. Как всегда, начальник слышит только то, что хочет слышать.

– Думаю, с ней будет все в порядке, если позднее не появятся новые осложнения. Только не стоит официально ссылаться на мое мнение. Особенно если вы будете обращаться к дипломированному врачу.

– А чего ты испугался? – хихикнул кто-то за спиной Клеменза. – Как бы тебя не поймали на том, что ты не умеешь лечить?

Несколько заключенных злорадно расхохотались. Эндрюз прервал казавшуюся неизбежной перебранку и даже не дал ответить Клемензу.

– Послушайте, кажется, среди нас нет наивных детей. В интересах каждого из вас женщина не будет выходить из лазарета до прибытия бригады спасателей. И уж во всяком случае нигде и никогда не появится без сопровождения. С глаз долой – из сердца вон, не так ли? – Желания как-то прокомментировать краткую речь начальника колонии ни у кого не появилось. – Поэтому давайте вернемся к своим каждодневным обязанностям и не будем волноваться из-за пустяков. Возражений нет? Вот и отлично. – Он встал. – Благодарю вас, джентльмены.

Никто не шелохнулся. Диллон повернулся к собравшимся и негромко сказал:

– Порядок.

Заключенные зашевелились и, разделившись на группы, отправились по своим рабочим местам.

Эндрюза несколько не смутило такое завершение собрания. Он ничего не имел против таких безобидных проявлений демонстративного неуважения. Они позволяли снять напряжение и предотвращали случаи куда более серьезного неповиновения.

Собрание прошло примерно так, как Эндрюз и ожидал. Он полагал, что неплохо разобрался в сложной ситуации, предупредил распространение нелепых слухов и сплетен. Вместе с Эроном он отправился в свой кабинет.

Впрочем, вынужден был признать Эндрюз, более информативный ответ Компании ему бы не помешал. Дорогу Клемензу преградил озабоченный Диллон.

– Ты что-то хотел сказать? – спросил Клеменз.

– Слушай, лекарь, на твоём месте я был бы поосторожней с этой женщиной.

Клеменз улыбнулся:

– Она не в таком состоянии, чтобы её можно было всерьёз опасаться. И потом, разве мы не должны дать шанс всем детям Божиим?

– Ещё неизвестно, Божье ли она дитя.

Мужчины ещё с минуту молча разглядывали друг друга, потом Диллон сделал шаг в сторону, пропуская Клеменза. Он ещё долго провожал фельдшера взглядом, пока тот не скрылся в воротах, ведущих в тоннель D.

Женщина по-прежнему была без сознания, только теперь она не стонала – очевидно, её уже не мучили сновидения. Клеменз проверил, не соскользнула ли игла для внутривенного введения раствора. Не располагая почти никакими данными о состоянии

пациентки, он был вынужден ограничиться общеукрепляющими средствами. Помимо глюкозы и сахарозы раствор содержал толерантные антибиотики широкого спектра действия, модификаторы быстрого сна и обезболивающие средства. Во время аварийной посадки был безнадежно испорчен прочный медальон с личными данными, поэтому Клемензу пришлось обходиться без элементарной информации. Он облегченно вздохнул, не обнаружив никаких симптомов неблагоприятного воздействия лекарств. Слава Богу, у его пациентки не оказалось аллергических реакций ни на одно из введенных им веществ.

Клеменз удовлетворенно отметил, что сосуд с физиологическим раствором почти пуст. Значит, организм пациентки хорошо усваивал укрепляющие средства. Он провел сканером над грудной клеткой и головой женщины; прибор успокоительно мигнул зеленым огоньком. Клеменз приободрился, вылил в сосуд содержимое еще одной ампулы и положил руку пациентки так, чтобы обнажилась трехглавая мышца.

Глаза Рипли сразу открылись. Она внимательно смотрела на Клеменза, будто секунду назад лишь притворялась, что спит или лежит без сознания. Пораженный внезапным пробуждением пациентки и быстротой ее реакции, Клеменз заколебался. Глазами Рипли показала на сосуд в его руках:

– Что это?

– Устройство для внутривенного введения лекарств.

– Это я сама вижу. Вы поняли, что я хотела сказать.

Клеменз нерешительно улыбнулся:

– Это, так сказать, легкий коктейль, мое собственное изобретение. Помогает быстрее очухаться. Здесь адреналин, несколько специальных аналогов эндорфинов, парочка белков. Они придают коктейлю особый букет. Мне кажется, ваш организм достаточно окреп, чтобы усвоить эту адскую смесь. Через пять минут она распределится по всей кровеносной системе и вы почувствуете себя намного лучше.

Рипли по-прежнему настороженно смотрела на Клеменза.

– Вы врач?

Он пожал плечами и отвел глаза, словно вопрос поставил его в неловкое положение.

– Фельдшер. У меня всего лишь степень 3-С. Но на этой планете лучшего медика вы все равно не найдете. – Он подался вперед, оценивающе осматривая ее прическу. – Придется обрить вас наголо. Мне следовало бы сделать это сразу, но помешали более важные дела.

Испуганная Рипли приподнялась и села на койке, натянув простыню до самой шеи.

– Да не расстраивайтесь. Я не убийца. Хотя здесь вы встретитесь и с убийцами.

– Зачем брить голову?

– Это единственное надежное средство защиты от микропаразитов. Плотоядных членистоногих. На Фиорине живут особые виды. К счастью, человеческая плоть им не по вкусу – если не считать кератина в наших волосах. По какой-то таинственной причине ногти человека им не нравятся. Может, не та

консистенция. Мы давно послали к черту научную классификацию и называем их просто вшами.

– Разве нельзя обойтись какими-нибудь аэрозольными препаратами, профилактическими шампунями, еще чем-нибудь? – Рипли не сводила глаз с бритвы.

– Да, когда Компания только начинала разрабатывать рудники Фиорины, что-то в этом роде пробовали сделать. Но эти крохотные паразиты оказались на удивление крепким орешком. На этой планете только крепкие и выживают. Оказалось, что на паразитов действуют лишь такие мощные средства, которые вызывают язвы на коже. Много неприятностей доставляют язвы на голове, а ниже – это сущий кошмар. Так что сбривание всех волос оказалось более простым, более дешевым и куда более эффективным решением проблемы. Некоторые парни несмотря ни на что упрямо стараются сохранить хоть крохотный пучок волос, брови, например, и отчаянно сражаются со вшами. Думаю, вам и в голову не могло прийти, что кто-то будет из кожи вон лезть из-за такой ерунды, как брови. Но настоящая прическа совершенно исключена. Попробуйте жить со вшами: вы сойдете с ума от постоянного зуда, от болезненных укусов...

– Ну хорошо, хорошо, – быстро среагировала Рипли. – С этим все ясно.

– Я дам вам электрическую бритву. Когда почувствуете себя лучше, кое-где сбреете себе волосы сами. Лазарет – это, наверно, самое стерильное место во всем комплексе, так что какое-то время можете жить спокойно, но в конце концов эти

крохотные паразиты найдут вас и здесь. Они слишком малы, чтобы от них можно было отгородиться дверями. Побреетесь, и все будет в порядке.

Рипли в нерешительности помолчала, подумала, потом понимающе кивнула.

– Меня зовут Клеменз. Здесь, на Фурии-361, я – главный и единственный врач.

Рипли нахмурилась:

– Фурия-361? Не похоже на название рудника.

– Когда-то здесь был рудник. Но вся маломальски ценная руда давно извлечена, обогащена, а концентрат отправлен на другие планеты. Компании Уэйленд-Ютани пришлось бросить все сооружения, а они стоят немалых денег. Чтобы получить хоть какую-то компенсацию, они сдали еще функционирующий комплекс в аренду под исправительно-трудовую колонию максимальной степени надежности. В результате выиграли все. Общество избавилось от своих наиболее нежелательных членов, а Компания обеспечила бесплатный присмотр за оставленным здесь имуществом. Выиграли все, кроме нас – тех, кого сюда отправили. – Клеменз поднял трубку с иглой. – Не возражаете? Это вас подкрепит.

После объяснений Клеменза Рипли почувствовала себя в большей безопасности и позволила ему ввести иглу в вену и теперь переключила внимание на больничную палату.

– Как я сюда попала?

– Ваш аварийно-спасательный корабль разбился при посадке. Никто понятия не имеет, что случилось с вашим космическим лайнером и по какой причине

вас выбросили на той крохотной посудине. Может, знает Харри Эндрюз – это начальник колонии, – но он молчит. Как бы там ни было, но, должно быть, при эвакуации пострадал и блок посадки, потому что ваш кораблик врезался в воду, почти не успев затормозить. Мы его вытащили. Я сам в корабль не заходил, но если внутри он выглядит так же, как снаружи, то, должен сказать, вам чертовски повезло. Остается только удивляться, как вам удалось остаться в живых и даже не получить серьезных увечий.

– Что с остальными? – с трудом проговорила Рипли, подавив спазм в горле.

– Да, кстати, я тоже задавал себе этот вопрос. Где остальные члены экипажа? Их выбросило на других спасательных кораблях?

– Остальных членов экипажа нет, – холодно сообщила Рипли. – Это долгая история, и сейчас мне не хочется вспоминать ее. Я имею в виду тех, кто был на том же спасательном шлюпе, что и я. Сколько человек там было?

– Двое. Трое, если считать еще и андроида, – сказал Клеменз и заколебался. – Боюсь, что им не удалось...

– Что? – спокойно потребовала уточнения Рипли.

– Кроме вас, никого в живых не осталось.

Рипли задумалась, потом упрямо вздернула голову.

– Мне нужно пойти на корабль. Я должна увидеть все своими глазами.

Она попыталась приподняться, но Клеменз, положив руку ей на плечо, остановил ее:

– Эй, поосторожней. Как врач я обязан предупредить, что вы еще очень слабы.

– Но вы же сами признались, что вы не врач, забыли? – Рипли спустила ноги на пол по другую сторону больничной койки и теперь стояла совершенно раздетая, выжидающе глядя на Клеменза. – Дадите мне какую-нибудь одежду или придется идти в таком виде?

Клеменз, не зная, как поступить, задумался, не без удовольствия остановив взгляд на неподвижно стоявшей перед ним женщине. Наконец он решил:

– Учитывая специфику местного населения, я настойчиво рекомендовал бы вам одеться.

Он встал, открыл шкафчик, стоявший в другом конце лазарета, и принялся рыться в его содержимом.

– Когда будете прогуливаться по нашей маленькой стране чудес, не забывайте, что здесь живут только мужчины, годами не видевшие живой женщины. Кстати, как и я.

Рипли терпеливо ждала, положив руку на бедро и оценивающе глядя на Клеменза.

– Согласна, но насчет вас мне не стоит беспокоиться, ведь вы хоть и не совсем врач, но что-то вроде того, не так ли?

Клеменз не смог сдержать улыбки.

З Ведя Рипли по многочисленным коридорам и переходам, Клеменз невольно обратил внимание, как быстро бегали ее глаза. Как у очень нервного ребенка... или невиданного, очень умного хищника. Она замечала буквально все, тотчас реагировала на

малейший звук. По изрядно потертому металлическому полу ее ноги ступали почти бесшумно. Подобранная Клемензом одежда была чуть маловата, но Рипли это обстоятельство, по-видимому, нисколько не смущало.

– Не знаю, как долго вы находились в состоянии гиперсна, но выходить из него так, как довелось вам, – чертовски неприятная встряска для организма. Не пугайтесь, если вам покажется, что я слишком пристально на вас смотрю. Имейте в виду, я не исключаю замедленных побочных эффектов и потому обязан наблюдать за вами. Так что, Рипли, давайте скорее приходите в норму.

Рипли резко остановилась:

– Откуда вы узнали мое имя?

– Оно было написано на изнанке ваших брюк, – ответил Клеменз и виновато улыбнулся. – Мы нашли и ваш медальон с личными данными. Он был настолько изуродован, что компьютер не смог прочесть почти ничего, но вашу фамилию он разобрал. К сожалению, почти все сведения медицинского характера оказались безнадежно стертыми. О многом пришлось лишь догадываться.

Рипли попробовала подвигать плечами, покачать головой.

– Кажется, вы поработали неплохо. Спасибо.

К немалому своему удивлению Клеменз почувствовал, что он немного смущен.

– Ерунда, ввести внутривенно раствор может любой болван.

Рипли усмехнулась:

– Не думаю. Мне кажется, это может сделать только высококвалифицированный болван.

Специально выделенная бригада с величайшей осторожностью опускала аварийно-спасательный корабль на поспешно сооруженный фундамент.

Видавший виды подъемный кран стонал от чрезмерных нагрузок, а стальные тросы жалобно скрипели. После закрытия шахт кран требовался очень редко, и оживить его было не просто. К счастью, механизмы работали исправно.

Корабль сразу привлек всеобщее внимание в комплексе. Впрочем, когда появились Клеменз и Рипли, о нем забыли. Рипли намного лучше удавалось делать вид, будто она не замечает мужских взглядов, чем заключенным пытаться не смотреть на нее.

– Что здесь было раньше? – спросила Рипли, поднимаясь вместе с Клемензом по трапу к иско-реженному кораблю.

– Раньше здесь добывали и обогащали руду, – коротко ответил Клеменз. – Главным образом металлы платиновой группы. Разумеется, руду перерабатывали тут же, это намного дешевле, чем отправлять ее на другие планеты. Насколько мне известно, в то время, когда было открыто это месторождение, цены на платину резко подскочили. Иначе Компания вылетела бы в трубу, сооружая такой огромный комплекс за миллиарды километров от мест сбыта. Эдесь было богатое месторождение с очень высоким содержанием платиновых металлов.

– А теперь? – Рипли оставалась возле входного

люка и стала внимательно осматривать поврежденный корпус.

– Теперь это по-прежнему собственность Уэйленд-Ютани, только комплекс законсервирован. Я не очень хорошо разбираюсь в тонкостях межзвездной торговли, да и вообще не замечал, чтобы здесь кто-то с интересом следил за повышением или понижением цен на сырье. Но, кажется, когда-то я слышал, что цена на платиновые металлы упала, а вместе с ней и спрос на руду.

Как бы то ни было, большую часть здешнего оборудования просто законсервировали: вывозить его отсюда на другие планеты слишком дорого. К тому же залежей руды тут еще достаточно, и если цены снова поползут вверх, уверен, Компания расконсервирует шахты и все прочее. Тогда нам придется куда-то переселяться. Нельзя же допустить, чтобы прекрасные, высококвалифицированные горняки общались с преступниками. Не хочу сказать, что кто-то из нас стал бы возражать против того, чтобы навсегда распрощаться с этими скалами. Смена обстановки всегда полезна. Кроме того, довольно трудно представить себе место хуже Фиорины.

А пока мы здесь вроде хранителей – присматриваем за всем добром Компании. Стараемся сделать так, чтобы машины можно было запустить сразу, как только это понадобится. Трудимся на благо правительства и Компании.

– Мне казалось, в таком месте через год-другой обязательно спятишь.

Клеменз рассмеялся.

– То же самое говорили некоторым из нас, когда отправляли сюда. Но я так не думаю. Надеюсь, если не все, то по крайней мере почти все из нас останутся в здравом уме. Если научишься думать о себе как о кающемся грешнике, а не закоренелом преступнике в заключении, то изоляция становится не таким уж тяжким испытанием.

– А женщины здесь были?

– Прошу прощения, лейтенант Рипли, но это заведение предназначено только для тех, у кого две разные хромосомы. То есть строго для мужчин.

Рипли кивнула и, нагнувшись, первой полезла в искореженный шлюз. Клеменз последовал за ней.

По сравнению с тем, что они увидели внутри, корпус корабля можно было считать почти нетронутым. Переборки оказались смяты и погнуты, приборы разбиты вдребезги, оборудование беспорядочно разбросано по полу. Все пропиталось густым запахом морской воды. Рипли замерла, не понимая, как кто-то или что-то – тем более она сама – могло здесь уцелеть.

– А где тела?

Картина разрушения потрясла Клеменза не меньше, чем Рипли. Он никак не мог себе представить, каким образом ей удалось отделаться ушибами и синяками.

– У нас есть морг. Добыча руды – такое занятие, при котором без морга не обойтись. Туда мы и поместили ваших друзей. Пусть лежат там, пока не прилетит бригада, которая будет заниматься рассле-

дованием. Может, через неделю...

– Там был еще андроид...

– Разбит вдребезги. – Лицо Клеменза исказила гримаса. – Его части валялись повсюду. Что смогли собрать, все выбросили на свалку. А капрала убила опорная перекладина: она ударила его в грудь и прошла насквозь. Даже если бы он был в сознании, все равно так и не понял бы, откуда пришла смерть. К счастью, скорее всего он не успел проснуться и даже не почувствовал боль.

– Что с девочкой?

Клеменз видел, что Рипли с трудом сдерживается, но, конечно, не мог знать, чего ей это стоило.

– Она захлебнулась прямо в своей капсуле. Не думаю, что в тот момент она пришла в себя. По крайней мере, ее смерть была более легкой, чем капрала. Я вам очень сочувствую.

Рипли выслушала Клеменза молча. Потом ее плечи затряслись, а по щекам потекли слезы. Но этим все и кончилось. Не было ни криков, ни рыданий, ни яростных проклятий в адрес несправедливой и безжалостной Вселенной. Малышка Ньют так и не дождалась своего счастья. Что ж, хоть умерла свободной. Утерев слезы, Рипли принялась рассматривать то, что осталось от капсулы для гиперсна. Лицевой щиток был разбит. Оно и неудивительно, подумала Рипли.

Вдруг она нахмурилась. Металлические детали под лицевым щитком имели какой-то странный оттенок. Рипли наклонилась и пробежала пальцами по пятнам.

Клеменз с любопытством смотрел на женщину.

– Что-нибудь интересное?

Рипли выпрямилась. Теперь это был совершенно другой человек. В ее голосе уже не слышалось ни печали, ни сожаления, ни той мягкости, которая чуть раньше бросилась Клемензу в глаза.

– Где она?

– Я же сказал, в морге. Вы забыли? – Клеменз сочувственно смотрел на Рипли. Уж не реакция ли это на какое-нибудь из десятка моих лекарств, подумал он, а вслух продолжил: – У вас типичная дезориентация. Добрая половина вашего организма еще не вышла из состояния гиперсна.

Рипли повернулась к Клемензу так резко, что тот вздрогнул.

– Мне нужно осмотреть то, что осталось от девочки.

– Что значит – осталось? На ее теле не было никаких повреждений.

– Никаких? Мне нужно увидеть ее. Я должна осмотреть ее сама, своими глазами.

Клеменз нахмурился, но решил пока воздержаться от расспросов. В лице Рипли, ее тоне было что-то такое... Одно Клемензу стало ясно: удержать ее не удастся никакими силами. Впрочем, на то и не было особых причин. Ему показалось, что желание Рипли увидеть труп вызвано совсем не чувством утраты и не стремлением проститься с близким человеком. Конечно, за такое короткое время невозможно узнать характер женщины, но назвать Рипли болезненно впечатлительной было никак нельзя.

Винтовая лестница оказалась узкой и скользкой, зато позволяла быстрее выбраться из помещения, где находился разбитый аварийно-спасательный корабль. Клеменз был уже не в силах сдерживать любопытство.

– У вас есть серьезные основания так упорно настаивать на осмотре тела?

– Мне нужно убедиться в причине ее гибели, – спокойно ответила Рипли. – Убедиться, что в этом не замешано что-то другое.

– Другое? – В иных обстоятельствах Клеменз почувствовал бы себя оскорбленным. – Мне очень не хотелось бы возвращаться к этой неприятной теме, но для меня совершенно очевидно, что капсула была разбита и девочка захлебнулась. – Клеменз с минуту помедлил. – Это была ваша дочь?

– Нет, – все так же спокойно ответила Рипли, – она не была моей дочерью. Моя дочь умерла много лет назад.

Все это время Рипли старательно избегала встречаться взглядом с Клемензом. Разумеется, подумал тот, она еще очень слаба, и ей приходится все внимание сосредоточить на узких ступеньках винтовой лестницы.

– Тогда зачем вам это нужно?

Вместо ответа Рипли сказала:

– Хотя она и не была моей дочерью, но я очень дорожила ею. Вы думаете, я хочу видеть ее труп? Я предпочитаю помнить ее живой. Я бы ни о чем вас не просила, если бы это не было так чертовски важно для меня самой.

Клеменз хотел было переспросить, но счел за лучшее промолчать. Он уже понял, что Рипли относится к числу таких людей, из которых против их воли не выдавишь и слова. Лучше набраться терпения и подождать, когда она сама все расскажет.

Клеменз открыл дверь и первым вошел в морг. Он набрал код замка, и из стенной ниши бесшумно выкатился длинный ящик. Рипли подошла к Клемензу, и они долго смотрели на крохотное тельце.

— Дайте мне несколько минут. Пожалуйста, подождите.

Клеменз молча кивнул и направился к приборной панели морга у противоположной стены. Время от времени он поворачивался и окидывал Рипли беглым взглядом. Та была готова разрыдаться, но сдерживала себя и тщательно, сантиметр за сантиметром, и умело обследовала труп девочки. Когда Клеменз решил, что прошло достаточно времени, он присоединился к своей пациентке.

— Все в порядке? — спросил он.

Клеменз ожидал кивка, печального вздоха, возможно, чего-то другого в этом роде, и ответ Рипли застал его врасплох.

— Нет. Необходимо вскрытие.

— Вы шутите, — Клеменз даже не пытался скрыть удивление.

— Ни в коей мере. Вы полагаете, что я способна шутить в таких обстоятельствах? Необходимо выяснить истинную причину ее смерти. — Взгляд Рипли был холоден.

— Я же вам объяснил: она захлебнулась, утонула.

Клеменз начал было убирать ящик на место, в стенную нишу, но Рипли остановила его.

– Я в этом не уверена, – сказала она и тяжело вздохнула. – Я настаиваю на том, чтобы вы произвели вскрытие.

Клеменз недоуменно смотрел на Рипли, он не верил своим ушам.

– Послушайте, мне кажется, вы еще не вполне оправились от потрясения. Половина вашего организма еще не очнулась от гиперсна.

– Видите ли, – парировала Рипли тоном, не допускающим возражений, – у меня есть очень веские причины обращаться к вам с такой просьбой. Я настаиваю на вскрытии.

– Не хотите ли поделиться со мной этими “очень вескими причинами”? – сдержанно поинтересовался Клеменз.

Рипли заколебалась.

– Разве недостаточно моей просьбы?

– К сожалению, недостаточно. Боюсь, что такое объяснение, как “просьба близкого друга покойной” не устроит инспекторов Компании. Вам придется придумать более веское основание. – Клеменз выжидающе замолчал.

– Хорошо, – сказала наконец Рипли. – Опасность заражения.

– Заражения чем? – моментально среагировал Клеменз.

Рипли была явно сконфужена.

– Я не врач. Вам видней.

Клеменз покачал головой.

– Повторяю, вам придется придумать что-нибудь более убедительное.

– Холерой, – нашлась Рипли. Она смотрела прямо в глаза Клемензу. Ее решимости можно было позавидовать.

– Это несерьезно. За последние двести лет ни разу нигде не сообщалось ни об одном случае заболевания холерой. Валяйте, расскажите еще что-нибудь. У нас любят посмеяться. Может быть, оспа? Лихорадка денге?

– Я же сказала – холера. Я входила в состав отряда, который подверг ядерной бомбардировке планету Ахеронт. Там экспериментировали с разными мутантными штаммами бактерий и вирусов. Считалось, что эксперименты проводятся в надежно изолированных помещениях, что они совершенно безопасны. Возможно, вы слышали, что Компания интересуется и такими проблемами. Инфекция вырвалась наружу и... распространилась по планете. Этот штамм был особенно вирулентен, и эффективного средства против него не существовало. Сдержать распространение инфекции тоже не удалось, хотя такие попытки предпринимались.

– Значит, вы сбросили ядерную бомбу? Признаться, радикальный способ борьбы с эпидемией. Конечно, до нас доходят не все новости, но, мне кажется, о таком происшествии мы бы узнали.

– Вы в этом уверены? У меня такое впечатление, что вы работаете не на нашу Компанию. Впрочем, не исключено, что весть о ядерной бомбардировке докатилась и до Фиорины. Начальник вашей колонии

не произвел на меня впечатление чрезмерно болтливового человека. Возможно, он все знает, но решил, что распространять такие сведения среди заключенных ни к чему.

– Может быть.

Клеменз был вынужден признать, что Рипли поколебала его уверенность и пробудила любопытство. А что, если Эндрюз и в самом деле скрыл эту новость? Разумеется, начальник колонии и не обязан держать заключенных в курсе всех текущих событий.

Но холера? Мутантный штамм или немутантный, все же рассказанная Рипли история казалась слишком неправдоподобной. А если она говорит правду и тело девочки таит заразу, перед которой они окажутся бессильными?..

А может быть, рассуждал про себя Клеменз, это полуправда. Не исключено, что опасность эпидемии и в самом деле существует, а вся история с холерой придумана для отвода глаз. Очевидно одно: Рипли уверена в том, что для вскрытия имеются веские основания. Она – человек военный. К черту, решил Клеменз, какое мне дело до этих тонкостей?

Рипли молча ждала, не сводя глаз с Клеменза.

Какого черта, подумал он.

– Как вам будет угодно.

После морга другие помещения заброшенного, полуразрушенного комплекса казались светлыми и радостными, словно альпийский луг в разгар весны. В кабинете аутопсии вдоль одной из стен выстроились шкафы из нержавеющей стали; на некоторых из них

сохранились таблички с кодовыми обозначениями. Кафельные плитки пола потрескались, а местами были совсем выбиты. Конечно, отремонтировать пол нетрудно, но ни у кого не было ни запасных плиток, ни нужного инструмента, ни желания заняться ремонтом.

В центре кабинета под мощными лампами стоял блестящий светло-кремовый стол. Клеменз надел халат и маску и наклонился над уже подготовленным к вскрытию телом девочки. Сделав скальпелем первый разрез, он на секунду выпрямился, чтобы вытереть пот со лба. Такими вещами он не занимался давным-давно, но дело было не только в длительном отсутствии практики – он не мог бы объяснить даже самому себе, почему согласился на вскрытие.

Хирургическая пила легко и бесшумно разрежала крохотную грудную клетку.

– Вы уверены, что вам необходимо присутствовать при вскрытии? – спросил Клеменз у внимательно наблюдавшей за каждым его движением Рипли.

Она не ответила и по-прежнему сосредоточенно и хладнокровно следила за операцией. Она сумела подавить все чувства, ей ничто не должно было мешать. Клеменз пожал плечами и продолжал вскрытие.

С трудом просунув руки в только что сделанный разрез, он глубоко вздохнул, напрягся и раздвинул грудную клетку, обнажив ее полость. Потом принялся сосредоточенно исследовать внутренние органы, то наклоняясь над вскрытым телом совсем низко, то склоняя голову на бок, чтобы рассмотреть тот же

орган под другим углом. В конце концов он распрямился и расслабил уставшие пальцы.

— Ничего необычного, — сказал он. — Все, как и должно быть. Внутренние органы на месте. Никаких симптомов заболевания, никаких признаков инфекции, даже ткани не обесцвечены. Я особенно внимательно осмотрел легкие. Если они чем-то и отличаются от нормы, то только необычной развитостью. Как я и предполагал, они заполнены жидкостью. Уверен, анализ покажет, что это океанская вода Фиорины. Для холеры состояние несколько необычное, вы не находите?

Клеменз сделал еще один разрез сбоку, осмотрел его и снова поднял голову:

— И здесь ничего. Вы удовлетворены?

Рипли отвернулась.

— Ну, а теперь, поскольку я не совсем идиот, может, вы мне скажете, что вы хотели обнаружить?

Рипли не успела ответить. Дальняя дверь кабинета резко распахнулась и с грохотом стукнулась о стену. Не потрудившись закрыть ее за собой, в кабинет вошли начальник колонии и его заместитель. Эндрюз был приветлив менее обычного.

— Мистер Клеменз.

— Слушаю, господин начальник, — корректно, но без должной почтительности отозвался медик.

Рипли с интересом наблюдала за начальником колонии и заключенным. За ничего не значащими короткими фразами нетрудно было угадать давнюю неприязнь.

— Полагаю, вы еще не знакомы с лейтенантом

Рипли, — нашелся Клеменз.

Рипли показалось, что вопреки своему желанию Эндрюз чуть дольше, чем следовало, задержал на ней восхищенный взгляд. Впрочем, тут же его внимание привлек операционный стол, и он повернулся к фельдшеру:

— Мистер Клеменз, что здесь происходит?

— Вы совершенно правы, сэр, — счел нужным вмешаться Эрон, повторив слова и даже тон своего начальника: — Мистер Клеменз, что здесь происходит?

— Прежде всего я рад вам сообщить, что лейтенант Рипли чувствует себя намного лучше. Как видите, физически она вполне здорова.

Эндрюз не попался на удочку, и несколько обескураженный Клеменз продолжал:

— Во-вторых, в интересах безопасности населения планеты и охраны его здоровья я провожу вскрытие трупа ребенка.

— Без моего разрешения? — почти прорычал начальник колонии.

Нисколько не испугавшись, Клеменз ответил коротко:

— Я считал, что вскрытие нельзя откладывать.

Брови Эндрюза поползли вверх:

— Мне-то вы этого не рассказывайте, Клеменз. Чего-чего, а времени у нас на Фиорине с избытком.

— Я хотел сказать, что лейтенант Рипли была обеспокоена возможностью заражения трупа мутантными болезнетворными организмами.

— Это правда? — Начальник колонии бросил

вопросительный взгляд на Рипли, которая пока молча следила за разговором.

Женщина только кивнула, не вдаваясь в словесные объяснения.

– Оказалось, что все в порядке, – вмешался Клеменз. – При вскрытии не обнаружено совершенно никаких отклонений от нормы, никакой патологии, никаких признаков заражения. Я был убежден, – сухо закончил он, – что, знай вы об опасности, приказали бы мне действовать немедленно. Этим и объясняется мое желание сразу же приступить к вскрытию.

У Эндрюза, подумала Рипли, все на лбу написано – все, что его беспокоит и мучит.

– Хорошо, – сказал наконец начальник колонии. – Все же, думаю, было бы намного лучше, если бы лейтенант Рипли не разгуливала перед заключенными. Несмотря на их полумонашеский обет. А мне доложили, что именно это она и делала в течение последнего часа. Надеюсь, вы понимаете, лейтенант Рипли, я ни в коей мере не хотел вас оскорбить. Мое предложение продиктовано исключительно заботой как о вашей личной безопасности, так и о спокойствии в колонии.

– Я хорошо понимаю, – чуть заметно улыбнувшись, пробормотала Рипли.

– Не сомневаюсь, – сказал начальник колонии и снова повернулся к Клемензу. – Было бы также неплохо, если бы вы постоянно информировали меня обо всех изменениях в состоянии здоровья лейтенанта. Я обязан вносить соответствующие сведения в отчет.

Или я прошу слишком многого?

Рипли сделала шаг вперед:

– Нам нужно кремировать тела.

Эндрюз нахмурился.

– Чепуха. На льду они сохранятся до прибытия бригады, которая будет заниматься расследованием. Тогда нужно будет оформлять какие-то документы. У меня нет на это полномочий.

– Кремировать... было бы неплохо заполучить право делать это самим, сэр, – хихикнул всегда готовый угодить начальнику Эрон.

– Послушайте, я прошу вас не о каком-то одолжении, – сказала Рипли, – и моя просьба никоим образом не связана с моими... личными переживаниями. Речь идет об охране здоровья всего населения планеты.

Рипли выжидающе смотрела на Клеменза, а тот поймал себя на том, что, уже давно пытается разгадать причину ее непонятого беспокойства и даже страха.

– Лейтенант Рипли опасается, – вступил он в разговор, – что пока мы не кремируем тела, опасность распространения инфекции будет сохраняться. Да, я сказал, что по моим данным труп безопасен и не несет никаких признаков заражения. Но вы же понимаете, насколько совершенны имеющиеся в моем распоряжении приборы и насколько высока моя репутация как специалиста в области космической медицины.

Эндрюз согласно кивнул, и Клеменз продолжал:

– Поэтому, если я утверждаю, что труп не представляет собой опасности с точки зрения

распространения инфекции, это еще не значит, что так оно и есть. Мне представляется наиболее вероятным, что ребенок просто захлебнулся, но без квалифицированной судебно-медицинской экспертизы сказать это с полной уверенностью невозможно. Я не боюсь показаться непоследовательным и думаю, что было бы крайне неразумно не учитывать малейшую возможность распространения мутантного вируса внутри комплекса. Полагаю, что и члены бригады по расследованию не будут обрадованы, узнав о таком развитии событий. Это может заставить их держаться подальше от планеты, а мы ведь очень дорожим нашими редкими гостями, или я не прав? Я уж не говорю о том, что вспышка эпидемии, из-за которой космическим десантникам пришлось бомбить Ахеронт, изрядно попортила бы ваш послушной список, не так ли? Но, конечно, это только в том случае, если вы останетесь в живых и будет смысл беспокоиться о вашей репутации.

Теперь Эндрюз окончательно растерялся.

– Но замораживание трупов должно гарантировать безопасность от любых вирусов.

– Не обязательно, – возразила Рипли.

– Откуда вы знаете, что не гарантирует?

– Речь идет о сложных биоинженерных мутациях. А откуда вы можете знать, что замораживание обеспечит безопасность от таких вирусов?

Начальник колонии беззвучно выругался, а на его лице отразилось еще большее беспокойство.

– Сейчас в комплексе находятся двадцать пять заключенных. Они присматривают за комплексом и

всем, что тут имеется. У каждого есть Y-хромосома. Тут собрались воры, насильники, убийцы, казнокрады, поджигатели, торговцы наркотиками, растлители малолетних... в общем, отбросы общества... — сказал он и помедлил, давая Рипли возможность переварить все сказанное. — Правда, здесь эти подонки стали верующими. Может показаться, что теперь они превратились в ангелов, но я придерживаюсь иного мнения и не считаю, что они вдруг стали совсем ручными. Тем не менее я не отрицаю благотворный эффект веры и поэтому стараюсь не оскорблять их религиозных чувств. Они с благодарностью воспринимают мою терпимость, а взамен я получаю гораздо более спокойную обстановку, чем можно было бы ожидать в таком обществе.

Мне не хотелось бы нарушать установившийся порядок. Я не хочу, чтобы в нашем тихом болоте поднялась буря. И я категорически против того, чтобы здесь шаталась женщина, пробуждая в заключенных мысли и воспоминания, которые ценой таких усилий удалось стереть из их памяти.

— Конечно, — согласилась Рипли. — Тем более, что все это, как вы сказали, ради моей же безопасности. Но хотя вы, по-видимому, придерживаетесь иного мнения, я должна добавить, что я тоже в какой-то мере представляю себе те проблемы, которые возникают у вас в связи с моим пребыванием на Фиорине.

— Вот именно.

Эндрюз даже не счел нужным скрывать свое удовлетворение тем, что Рипли, очевидно, согласи-

лась выполнить его требования. Или, иными словами, не усложнять жизнь начальнику колонии. Он повернулся к Клемензу:

– Мистер Клеменз, разработать регламент кремации поручается вам.

Эндрюз уже собрался уходить, но Клеменз задержал его:

– Одну секунду, начальник.

– В чем дело? – остановился Эндрюз.

– Когда все будет сделано, должен ли я представить вам подробный отчет об обстоятельствах и времени кремации? Я имею в виду – для вашего официального отчета.

Эндрюз глубокомысленно поджал губы.

– Это необязательно, мистер Клеменз. Достаточно устного сообщения. Об остальном я позабочусь сам.

– Как скажете, начальник, – чуть заметно усмехнулся Клеменз.

4 Мясо. Здесь попадались туши и давно знакомых человеку домашних животных, и небольших экзотических созданий. На старых крюках висели целые тушки и окаймленные слоем замерзшего сала огромные туши с обрубленными конечностями.

Неподалеку содержалась живая птица и несколько буйволов, ничего не подозревавших об уготованной им судьбе. Здесь же бродила одинокая овца. Тоже мясо, только пока еще живое.

Большая часть скотобойни пустовала. Она строилась для того, чтобы удовлетворять потребности

сотен инженеров, техников, шахтеров и рабочих обогатительных фабрик и была намного больше, чем требовалось присматривавшим теперь за комплексом заключенным. Они могли бы разместить здесь скот и запасы мяса более просторно, но предпочитали не углубляться в огромное помещение, где все напоминало о потоках крови и тысячах разрубленных туш. Слишком много неприкаянных душ погибших животных скиталось в отравленном воздухе скотобойни.

Двое мужчин мучались с тележкой, на которой лежала огромная туша буйвола. Фрэнк пытался задавать тележке направление, а Мерфи никак не мог завести электродвигатель. Мотор недовольно чихал, рассыпая снопы искр. Если он в конце концов сгорит, они возьмут другую тележку. Среди заключенных не было специалистов по ремонту техники.

Внешне Фрэнк походил на типичного рецидивиста, одного из тех, для кого тюрьма – дом родной. Его намного более молодой напарник производил лучшее впечатление. У Мерфи лишь глаза выдавали его истинную натуру, а натура эта была такова, что он, находясь не в ладах с законом, долгое время скрывался от правосудия, потому что уже давно привык не работать, а лишь смотреть, как работают другие. Куда как проще присваивать заработанное ими – желательно, но не обязательно без их ведома. Иногда его ловили, иногда нет.

Когда его поймали в последний раз, суду показалось, что в биографии Мерфи таких случаев накопилось слишком много, и его отправили отбывать

срок на “гостеприимную”, экзотическую Фиорину.

Мерфи надавил на кнопку, тележка приподнялась и сбросила тяжелую тушу на грязный, годами не мытый пол. Фрэнк уже стоял наготове с цепями. Вдвоем они закрепили цепи на задних конечностях туши и взялись за лебедку. Туша поднималась медленно и неровно, рывками. Тонкие, но поразительно прочные звенья цепи позванивали от напряжения.

– Ладно, по крайней мере на этот раз Рождество для нас наступит чуть раньше, – сказал Фрэнк. Он отвык от тяжелой работы и теперь прерывисто, тяжело дышал.

– Как это? – спросил Мерфи.

– Хороший буйвол – это мертвый буйвол.

– Ей-богу, ты прав. Не буйволы, а вшивые, вонючие уроды. Лучше их есть, чем чистить.

Фрэнк бросил взгляд в сторону стойла.

– Осталось только три живых. Скоро мы с ними разделаемся. Терпеть не могу поливать этих ублюдков из шланга. Потом обязательно все ботинки в дерьме.

Мерфи слушал напарника вполуха, мысли его были где-то очень далеко.

– Кстати, Фрэнк, насчет поливать...

– Ты о чем?

Глядя на Мерфи, было нетрудно догадаться, что его захлестнули воспоминания, причем далеко не самые приятные.

– Я хочу сказать, если вдруг тебе подвернулся случай... ну предположим, что подвернулся... что бы ты ей сказал?

– Что ты бормочешь, какой такой случай? – недовольно поморщился Фрэнк.

– Ты же понимаешь. Если бы тебе представилась возможность... – у Мерфи участилось дыхание.

Фрэнк задумался:

– Ты имеешь в виду, совсем случайно?

– Ну да. Если бы она шла одна, и рядом не было бы ни Эндрюза, ни Клеменза. Ну если бы ты вдруг столкнулся с ней нос к носу в столовой или еще где-нибудь, как бы ты к ней подъехал?

У Фрэнка заблестели глаза.

– Проще простого. С женщинами у меня никогда не было никаких проблем. Я бы сказал: “Привет, милочка. Как дела? Не могу ли я чем-нибудь тебе помочь?” А потом посмотрел бы на нее. Не просто посмотрел, а окинул бы взглядом сверху вниз. Подмигнул бы. Она бы сразу смекнула, в чем дело.

– Конечно, – язвительно заметил Мерфи. – А она улыбнулась бы тебе в ответ и сказала бы: “Поцелуй меня в задницу, старый кобель.”

– Ну и что? Я с удовольствием поцелую ее в задницу, в любое место, куда она только захочет.

– Да... – Мерфи помрачнел и недобро усмехнулся. – Женщин нужно держать в страхе, крепче любить будут... верно, Фрэнк?

Фрэнк понимающе кивнул:

– Говори с королевами, как со шлюхами, а со шлюхами, как с королевами. Никогда не ошибешься.

Они снова взялись за цепи. Наконец туша заняла то место, какое ей и полагалось, и, раскачиваясь, повисла на крюке. Фрэнк выключил лебедку и вместе

с Мерфи отошел на шаг назад. Довольно долго они молча созерцали тушу, потом Фрэнк как бы между прочим непристойно выругался.

– Фрэнк?

– Что?

– Как ты думаешь, отчего сдох этот буйвол? – спросил Мерфи и кивнул в сторону туши.

Фрэнк пожал плечами:

– Откуда я знаю? Просто отбросил копыта. Может, сердце не выдержало.

Мерфи оглядел тушу со всех сторон и усомнился:

– Как это сердце не выдержало? Сколько ему было лет?

– Если верить бумагам, одиннадцать. В расцвете сил. Не повезло бедняге, зато мы в выигрыше. Ты же знаешь, начальник разрешает забивать животных только по большим праздникам. Что до меня, это вроде премии за хорошую работу. Что ты на нее уставился? Потом мы ее разделаем и бросим в котел. Такой туши нам должно хватить надолго. С мясом даже наши концентраты кажутся нормальной жратвой.

– Точно! – Мерфи проглотил слюну, представив себе кусок мяса на ломте горячего свежеспеченного хлеба.

Потом его внимание привлекло какое-то странное существо, прилипшее к тележке. Тяжеленная туша буйвола раздавила и расплющила непонятное создание. Теперь лишь с трудом можно было различить небольшое дискообразное туловище, толстый гибкий хвост и множество, как у паука,

основательно переломанных конечностей. Не скрывая отвращения, Мерфи осторожно поднял противное существо за хвост. Его многочисленные конечности кистью свесились в воздухе.

— Что это за чертовщина?

Фрэнк наклонился над странным существом, бегло оглядел его и равнодушно пожал плечами:

— Кто ее знает. Что я, ксенобиолог, что ли? Похоже на здешнюю медузу. Их иногда выбрасывает на берег.

Мерфи потянул носом. Существо ничем не пахло.

— Наверно, медуза и есть.

И он небрежно отбросил находку подальше.

Свинцовоплавильный цех походил на адское пекло. Здесь царили огонь и раскаленный воздух, из-за последнего предметы принимали смутные, колеблющиеся очертания. Как и многие другие производственные объекты горнообогатительного комплекса, цех был оставлен в рабочем состоянии. Выплавка свинца гораздо проще, скажем, производства платиновой проволоки, требовавшего обслуживания тяжелых машин, и поэтому была по силам заключенным. Такая работа поощрялась не только потому, что заключенные с пользой проводили время, но и потому, что здесь производились некоторые детали, позволявшие ремонтировать вышедшее из строя оборудование.

Вот и сейчас автоматические экструдеры засасывали из плавильной печи раскаленный докрасна жидкий свинец и формовали из него тонкие трубы, предназначенные для замены прохудившихся.

Заклученные, выполнявшие функции операторов, кто с восхищением, а кто и с откровенной скукой следили за почти полностью автоматизированным процессом. Этот цех считался завидным местом работы не только потому, что здесь можно было отдохнуть и расслабиться, но и потому, что он неизменно оставался самым теплым помещением во всем комплексе.

– Ты пойдешь? – спросил своего напарника один из заключенных, проверяя показания двух простеньких приборов на панели управления. Как всегда, показания были точно в норме.

Его товарищ недовольно нахмурился:

– Еще не решил. Нам-то что до этого?

– Ничего. Но все-таки хоть какое-то разнообразие.

– Все равно пока не знаю.

Стоявший у пышущей жаром печи третий заключенный повернулся к товарищам и поднял на лоб защитные очки.

– А Диллон там будет?

Не успел он закончить фразу, как на металлических мостках появилась высокая фигура самого Диллона. Он направился прямо к бригаде и коротко распорядился:

– Выключай.

Первый оператор послушно щелкнул тумблером. Печь сразу же стала остывать.

– Слушай, а в чем, собственно говоря, дело? – спросил заключенный в очках; он усердно мигал, стараясь побыстрее привыкнуть к обычному освещению.

– Вот именно, – поддержал его второй. – Мы тут поговорили, но так ничего и не решили.

– Все уже решили за вас, – Диллон поочередно обвел взглядом всех троих. – Пойдут все. Конечно, мы не знали этих людей, значит, просто отдадим свой последний долг. Тела собираются сжечь. Нам-то все равно, ведь не нас будут кремировать.

Сообщив эту новость, Диллон собрался уходить. Заключенные последовали за ним.

– Давненько у нас не было похорон, – заметил тот, что работал у самой печи.

– Давно, – серьезно кивнул его товарищ. – Я вроде бы даже соскучился по отпеванию. Знаешь, похороны так похожи на проводы. С этой планеты.

– Лучше помолчи, брат, – сказал первый заключенный, прибавив шагу, чтобы не отстать от высокого Диллона.

Разбуженный после долгого сна цех выплавки платиновых металлов скрипел и стонал. Огромное помещение цеха в свое время вырубили и расчистили взрывами в мощном каменном пласте непосредственно над рудным телом, а потом отделали там, где это было необходимо, теплоотражательными плитами. Вдоль пешеходных дорожек и перил выстроились мониторы и контрольные приборы. Подъемные краны и другие тяжелые машины замерли там, где их оставили покинувшие планету горняки. В скудно освещавшемся помещении они напоминали ископаемых животных мезозойской эры, сбежавших из далекого музея.

Из-за скошенного верхнего края плавильной печи

стали выбиваться языки пламени. В их свете застывшие фигуры двух заключенных, которые стояли на нависшей над печью стреле крана, казались неестественно большими. Между ними повисли два нейлоновых мешка, из-за податливости содержимого заметно прогнувшиеся посередине.

Вцепившись в перила, которые отделяли ее от бушевавшего внизу рукотворного ада, Рипли не отрывала взгляда от заключенных на стреле крана и их груза. Рядом с ней стоял Клеменз. Он хотел было что-то сказать, но, как всегда, не нашел нужных слов. Фельдшер с удивлением обнаружил, что, очевидно, израсходовал весь свой запас сострадания много лет назад и теперь не может произнести даже нескольких слов утешения стоявшей рядом одинокой, несчастной женщине.

Неподалеку расположились Эрон, Диллон и еще несколько заключенных. Несмотря на то что покойный в какой-то мере был исполнителем приказов правительства, никто из них не усмехнулся и не позволил себе отпустить язвительное замечание. Почти каждый день им приходилось заглядывать смерти в глаза, поэтому они не могли относиться к ней неуважительно.

Эндрюз многозначительно прокашлялся и раскрыл тоненькую книжку.

— Мы предаем в твои, о Господи, руки это дитя и этого солдата. Их тела расстаются с мраком нашего мира. Они навеки освободились от зла и боли. Избави их души от неприкаянного блуждания, но воссоедини их с душами тех, кто оставил наш мир прежде.

Внизу, у пульта управления плавильной печью, заключенный Трой слушал траурную церемонию по интеркому. Когда Эндрюз дошел до оговоренной ранее фразы, Трой взялся за рычаги и регуляторы на пульте управления. Желтые контрольные огни сменились зелеными. За спиной Троя раздался низкий рев, постепенно он переходил в свист, который становился все более и более высоким. Потом стих и он. Контрольные огни свидетельствовали, что необходимая температура достигнута.

Под ногами тех, кто стоял наверху на мостках, в плавильной печи с ревом бушевало ослепительно-белое пламя. В общем полумраке цеха оно было особенно впечатляющим. Но на этот раз пламя так и не дождалось тонн руды, а возле печи не толпились инженеры и технологи, готовые точнейшим образом отрегулировать параметры процесса восстановления руды, ее превращения в металл и шлак. Теперь пламя лизало голые стенки печи.

Рипли наблюдала за разгоравшимся огнем, и по ее щекам катились слезы. Она не рыдала, не издавала ни единого звука – молча переживала свою печаль, свои воспоминания. Были только слезы. Клеменз сочувственно покосился в ее сторону. Ему очень хотелось обнять эту женщину, успокоить, но стесняло присутствие других и в первую очередь Эндрюза, и Клеменз не решился сказать даже пары слов в утешение.

– Дитя и взрослый мужчина покинули этот мир, – продолжал бубнить Эндрюз. – Пусть тела их изувечены, но зато души бессмертны и будут жить вечно.

Начальник колонии замолчал, и заключенные повернулись к Диллону. Тот торжественно, нараспев заговорил:

– Мы, страждущие, можем задать вопрос: почему? Почему наказываются невинные? К чему эти жертвы? Зачем эта боль? Но Господь не дает обещаний, не объясняет причин. Просто одних он призывает к себе раньше, других – позже.

Поднимавшийся из плавильной печи невыносимый жар заставил заключенных, стоявших на стреле подъемного крана, поторопиться. Они раскатали мешки и сбросили их в печь, поспешно отступив туда, где было менее жарко. Мешки несколько раз перевернулись в воздухе, и их поглотило адское пламя. Лишь у края печи на мгновение взметнулся высокий язык огня.

Рипли пошатнулась и, чтобы не упасть, схватилась за руку Клеменза. От неожиданности тот тоже чуть было не потерял равновесия, но, к счастью, удержался на ногах и поддержал женщину. На этот небольшой эпизод обратили внимание все заключенные, но в глазах мужчин была не зависть, а лишь сочувствие. Только Диллон, заканчивая свой панегирик, ничего не заметил.

– Но эти отошедшие в мир иной души никогда не познают тех трудностей, печалей и боли, которые еще не раз встретятся на жизненном пути каждого из нас, кто останется здесь. Поэтому мы с легким сердцем расстаемся с телами умерших. Ибо в каждом семени есть обещание цветка, и в каждой смерти, как бы ни был мал умерший человек, всегда таится новая жизнь. Новое начало.

В морозном, туманном воздухе скотобойни, среди подвешенных на крюках туш что-то зашевелилось. Тяжелая буйволиная туша дернулась, потом бешено затанцевала на цепях.

Никто не видел, как разбухло и раздулось брюхо туши, как расправилась и натянулась шкура, пока не стала походить на оболочку дирижабля. Никто не видел, как в конце концов внутреннее давление будто взорвало шкуру, разбросав по всему помещению куски мяса, жира, внутренних органов, печени, желудка и обрывки кишок, похожие на свернувшиеся в клубок веревки. И что-то еще.

Это что-то приподняло голову, судорожно распрямилось. С врожденной целеустремленностью небольшое чудовище медленно развернулось, знакомясь с обстановкой. Оно уже охотилось: сначала довольно неуклюже, потом все быстрее и быстрее уверенно помчалось по скотобойне в поисках жертвы. Оно обнаружило отверстие в стене, быстро осмотрело его и исчезло в темном воздуховоде.

С момента, когда чудовище вырвалось из туши, и до его исчезновения в воздуховоде прошло меньше минуты.

Закончив речь, Диллон склонил голову. Его примеру последовали другие заключенные. Рипли бросила взгляд на них, потом на плавильную печь, в которой бушевало управляемое автоматами пламя. Она подняла руку, почесала в голове, потом за ухом. Не прошло и нескольких секунд, как ей пришлось почесаться еще раз. Лишь после этого она обратила внимание на свою руку.

Все пальцы были покрыты чем-то вроде живой темной пыли.

Рипли с отвращением тщательно вытерла руку о комбинезон и, подняв глаза, встретила понимающий взгляд Клеменза.

– Я вас предупреждал.

– Хорошо, признаю, вы были правы. Но что мне делать теперь?

– Можете жить с паразитами, – сказал медик, – или... – Он провел ладонью по своей бритой голове и сочувственно улыбнулся.

Рипли поморщилась:

– Другого выхода нет?

Клеменз покачал головой:

– Если бы был, мы бы давно его нашли. Недостатка в стимулах мы не испытываем. Тщеславие – один из тех пороков, которые в конце концов приводят человека на Фиорину. Но вам беспокоиться не о чем. Волосы отрастут, как только вы покинете эту планету, однако если не принять мер, насекомые обязательно сожрут их до самых корней. Паразиты малы, но аппетит у них прямо-таки невероятный; к тому же они не приучены хорошо себя вести за столом. Поверьте, вы будете выглядеть намного хуже, если попытаетесь не замечать насекомых, хотя бы потому, что от зуда сдерете ногтями кожу.

Рипли сдалась:

– Хорошо. Где тут у вас парикмахерский салон?

– Прошу прощения, – виновато ответил Клеменз, – но его хозяин перед вами.

Расположившиеся в ряд стерильно чистые душевые кабины до самого потолка были выложены матово-белой плиткой. Сейчас все кабины, кроме одной, были пусты. Стоя под потоками горячего дезинфицирующего раствора, Рипли изучала себя в зеркале, вделанном в стенку.

Странное чувство возникает, когда видишь себя без волос. Казалось бы, волосы – это такая ничтожная, почти эфемерная часть тела. Единственная деталь внешнего вида, которую при желании легко изменить. У Рипли было такое ощущение, будто она удивительным образом стала меньше ростом. Королева, внезапно лишившаяся короны, – вот что такое женщина без волос. Но волосы отрастут. Во всяком случае Клеменз заверил, что отрастут. Заключенным приходилось сбривать волосы регулярно. Избавиться от насекомых раз и навсегда было невозможно.

Рипли намылила бритую голову. Непривычно ощущать голый череп. Несмотря на мощный поток горячей воды, мороз пробежал у нее по коже. В горнообогатительном комплексе, возможно, не хватало многого, но воды было вдоволь. На берегу залива имелась огромная опреснительная установка, в достатке снабжавшая ею как все производственные объекты, так и обслуживавший их персонал. Даже при минимальной производительности установка давала намного больше воды, чем требовалось двум дюжинам заключенных.

Рипли закрыла глаза и снова встала под обильные струи душа. Она всегда считала, что главными достижениями человеческой цивилизации за по-

следние десять тысяч лет были речь, письменность и водопровод.

За стенами душевой Рипли поджидали смертельно опасные старые и менее опасные новые проблемы, хотя в сравнении с тем, что она уже пережила, последние казались совсем ничтожными. Клеменз, Эндрюз и все остальные не понимали, да и не могли понять этого, а она чувствовала, что именно на ней лежит ответственность за все население Фиорины.

После всего пережитого перспектива провести несколько недель в компании отъявленных уголовников пугала ее не больше, чем прогулка по парку в солнечный день.

Заклученные принимали пищу в помещении, которое прежде было столовой для руководящего состава комплекса. Конечно, для удовлетворения их скромных потребностей помещение было великовато. Даже лишенный дорогой обстановки и украшений, зал производил сильное впечатление. Правда, меню претерпело еще более радикальные изменения, но жалобы заключенных были редки и не слишком настойчивы. Конечно, здесь подавали пищу не для гурманов, зато ее было вдоволь. Компания не баловала рабов, стороживших ее добро, но и не позволяла им умереть с голоду.

Они могли есть, когда хотели, в установленные отрезки времени. Места здесь было с избытком, поэтому обычно заключенные собирались небольшими группками. Некоторые предпочитали питаться в одиночестве. К желанию уединиться здесь всегда

относились с уважением. В условиях Фиорины небезопасно было навязывать человеку разговор против его воли.

Диллон взял подогреваемый поднос и оглядел столовую. Заключенные поглощали пищу, переговариваясь с напускной оживленностью. Как обычно, начальник колонии и его заместитель ели в той же столовой, только чуть в стороне от своих подопечных. Ни слова не говоря, Диллон направился к столу, где уже сидели трое его мрачных собратьев. Нет, не мрачных, поправил себя Диллон. Скорее поссорившихся.

Что ж, на Фиорине это вовсе не редкость. Тем не менее Диллона заинтересовало, что послужило причиной ссоры.

Когда большая тень Диллона упала на стол, Голик, подняв голову, переглянулся со своими друзьями Боггзом и Рейнзом. Диллон сел на свободный стул, а остальные трое с преувеличенным усердием занялись своим нехитрым обедом. Никто не возражал против присутствия Диллона, но никто и не выразил по этому поводу восторга.

Какое-то время все четверо молча жевали. Диллон не сводил с приятелей пристального взгляда. Те чувствовали его взгляд и тем не менее отмалчивались.

Первым не выдержал Диллон. Не донеся ложку до рта, он повернулся к Боггзу:

— Ну ладно, кончайте играть в молчанку. Сейчас обед, время общения, а не самосозерцания. Все уже давно болтают, что у вас что-то не так. Может, сами расскажете, в чем дело?

Богтз отвел взгляд в сторону, а Голик уткнулся в свою тарелку. Диллон не повышал голоса, но нетрудно было видеть, что он раздражен.

– Говорю вам, поделитесь со мной, братья. Вы хорошо знаете меня и, стало быть, понимаете, что меня не переупрямить. Я чувствую, у вас что-то стряслось, и хочу вам помочь, всего лишь помочь. – Огромный кулак Диллона лег на стол рядом с его подносом. – Оставьте греховные помыслы, очистите свою совесть. Расскажите, что случилось.

Рейнз помялся, потом бросил вилку и отодвинул свой поднос к середине стола.

– Значит, ты хочешь знать, что произошло? Скажу. Я уже понял, как здесь надо жить. Никогда не думал, что придется учиться такому, но вот пришлось. Я ничего не имею против темноты, я привык ко вшам, мне наплевать на изоляцию и на глупую трепотню, будто бы в машинном отделении живут привидения. Но мне надоел Голик, – выпалил Рейнз и кивнул в сторону Голика, который с блаженным выражением лица как ни в чем не бывало уписывал за обе щеки свой обед.

Диллон повернулся к Богтзу:

– И ты тоже так думаешь?

Богтз еще с минуту беспокойно ковырял в своей тарелке, потом поднял голову:

– Я тут ни при чем. Не я заварил кашу. Я просто хочу работать, как все, и благополучно дожить до конца своего срока.

Диллон, опершись на стол, подался вперед; стол опасно заскрипел под его тяжестью.

– Я спросил, что ты сам думаешь об этой истории?

– Ладно, скажу. Скажу. Слушай, этот тип сошел с ума. Мне наплевать на то, что говорит Клеменз или что написано в казенных бумагах. Он самый настоящий псих. Может, раньше, когда его только приволокли сюда, он таким не был, но сейчас он псих. Не знаю, планета на него так повлияла или наша жизнь, а может, и то и другое. И бегаёт он, как сумасшедший, а от него потом воняет. Я с ним больше никуда не пойду. Ни на берег, ни проверять шахты, никуда. И никто меня не заставит, – вызывающе закончил он. – Я знаю свои права.

– Свои права? – Диллон чуть заметно улыбнулся. – Ну да, конечно, твои права. – Он повернулся к Голику. – А ты ничего не хочешь сказать в свою защиту?

Голик поднял голову и по-идиотски оскалился. На его толстых губах повисли остатки пищи. Потом он равнодушно пожал плечами и снова уткнулся в тарелку.

Внимательно проследив за реакцией Боггза и Рейнза, Диллон сказал:

– То, что Голик не любит болтать, ещё не означает, что он сумасшедший. Может, он просто неразговорчивый. Честно говоря, мне всегда казалось, что он выражает свои мысли не хуже любого из нас. Мы все не ораторы.

– Ладно, скорей добивайся до сути, – мрачно проворчал Боггз.

– А суть дела в том, что он как работал, так и будет работать с вами. Он член вашей бригады и

останется им до тех пор, пока его не переведут в другую бригаду или пока он не совершит более серьезный проступок, чем игра в молчанку. У вас есть работа. Поверьте мне на слово, скоро вы привыкнете к Голику и перестанете замечать его странности. Он всего лишь такой же бедолага, такой же несчастный, страдающий сукин сын, как и мы с вами. Если он сумасшедший, то и все мы тоже.

– Только уж очень противно от него воняет, – с отвращением заметил Рейнз.

– И он псих, – добавил Богтз, оставшись при своем мнении.

Диллон выпрямился.

– Слушайте, не делайте из мухи слона. Я сталкивался с подобными историями и раньше. Что-нибудь в этом роде всегда бывает, если ты не занят по горло работой. Сначала начинаешь придираться к еде, потом ко вшам, потом к товарищу. Голик не похож на вас, только и всего. Но он не лучше и не хуже любого другого.

– Вонючий козел, – пробормотал Рейнз.

Диллон строго посмотрел на него:

– В шахте никто из нас не благоухает розами. Выбрось эти дерьмовые мысли из головы. У вас есть работа. У всех троих. И неплохая.

– Мы ее не просили, – проворчал Богтз.

– Здесь никто ни о чем не просит. Берите то, что дают, и старайтесь выполнить свою работу получше. Только так можно выжить. Это относится и к тебе, и к нему, и к любому другому. Наша колония – не тюрьма в Солнечной системе. Тут, если взбунтуетесь,

ни один репортер не прибежит выслушивать ваши жалобы. Просто наживете кучу неприятностей. Или распрощаетесь с жизнью.

Боггз беспокойно зашаркал ногами.

– Теперь послушайте меня, – продолжал Диллон. – Найти желающих стать фуражирами нетрудно. Кроме того, могу сообщить – если вы сами этого не заметили, – что Эндрюз сейчас не в лучшем настроении. Я бы не отважился обращаться к нему по таким пустякам, как перевод одного рабочено из бригады в бригаду. – Гигант ободряюще усмехнулся. – Слушайте, на работе вы сами себе хозяева, за вами не смотрят ни начальник колонии, ни его подхалимы. А если повезет, можно найти что-нибудь полезное и припрятать.

– Боюсь, долго ждать придется, – проворчал Рейнз, но уже скорее по привычке. Диллон вовремя напомнил о преимуществах их работы.

– Вот так-то лучше, – продолжал гигант. – Думайте только о работе, и вы перестанете замечать Голика. Вы фуражиры, охотники за брошенным провиантом и всяческим добром, что может нам сгодиться. Мы уже давно обнаружили – теперь-то это знают все, – что честнейшие и благороднейшие вольнонаемные горняки Компании имели полезную привычку присваивать кое-что из ее собственности и прятать ворованное в своих крохотных кладовках или других укромных тайничках, которые они вырубали в скалах, в надежде потом продать. Просто рассчитывали немного добавить к своим доходам. А нам их добро пригодится, чтобы повысить наши шансы на выживание.

Не хочу больше ни слушать вас, ни спорить с вами. Будете настаивать на своем, что ж, здесь есть и куда более неприятные рабочие места. Но помните, сейчас вы работаете, чтобы помочь своим товарищам, чтобы доказать, что вы верите мне. И впредь я не хочу слышать ни слова о несчастном Голике.

— Да, но... — хотел было возразить Рейнз, но с разинутым от удивления ртом уставился на дверь, будто внезапно лишился дара речи.

Богтз и Голик тоже подняли головы. Диллон медленно повернулся.

В дверях стояла Рипли. При ее появлении воцарилась гробовая тишина. Она оглядела столовую, замечая все, но ни на ком не останавливая взгляда. Подойдя к раздаточной, она брезгливо, с нескрываемым отвращением осмотрела стопку одинаковых подносов. Дежуривший на раздаче заключенный, забыв о манипуляторе, бесцеремонно уставился на нее. Из большой пластиковой корзины Рипли взяла ломоть хлеба, повернулась и снова оглядела зал. На этот раз ее взгляд остановился на Диллоне.

Эндрюз и его помощник, похоже, тоже на время утратили дар речи. Начальник колонии молча смотрел, как Рипли подошла к столу, за которым сидел Диллон. Всем своим видом выражая покорность судьбе, Эндрюз снова взялся за вилку.

— Чего я и боялся, мистер Эрон. Чего я и боялся.

Его помощник, все еще не в силах отвести взгляд от Рипли, нахмурился.

— Как вы и предполагали, сэр. Что теперь?

Эндрюз вздохнул.

– Ничего. Во всяком случае пока ничего, – сказал он и ткнул вилкой в горячую коричневую массу на тарелке в центре подноса.

Рипли встала за спиной Боггза лицом к Диллону. Четверо мужчин демонстративно уткнулись в тарелки, не проявляя ни малейшего желания замечать ее присутствие.

– Благодарю вас за вашу речь на похоронах. Она помогла мне. Никогда не думала, что так могу быть тронута словами. Я всегда считала, что слова бессмысленны и бесполезны. Видно, я ошибалась. Мне очень хотелось выразить вам свою признательность.

Диллон упорно не отрывал глаз от тарелки и с впечатляющей решительностью орудовал вилкой. Но Рипли не уходила, и ему пришлось-таки поднять голову.

– Вам не следует находиться здесь. Я не хочу сказать, на Фиорине... в этом смысле у вас особого выбора нет. Но в этом зале. С нами. Вы должны были оставаться в лазарете. Подальше от нас.

Рипли, надкусив, задумчиво пожевала ломоть хлеба. Для продукта, приготовленного из обезвоженных концентратов, он был вполне съедобен.

– Я проголодалась.

– Клеменз принес бы вам поесть.

– Мне стало скучно.

В отчаянии Диллон бросил вилку и снова поднял голову.

– Не могу понять, почему вы так себя ведете. Есть вещи похуже скуки. Не знаю, зачем вы обратились

ко мне. Лейтенант, вы меня совершенно не знаете. Я убийца и насильник. Я насилывал женщин.

– В самом деле? – Рипли удивленно подняла тоненькие, почти совсем выщипанные брови. – В таком случае мое присутствие должно вас особенно волновать.

Вилка Боггза замерла на полпути, Рейнз нахмурился, и лишь Голик, как ни в чем не бывало, продолжал спокойно жевать, не обращая ни малейшего внимания на разыгрывающийся спектакль. Диллон с минуту колебался, потом его хмурое лицо постепенно расплылось в улыбке. Он кивнул, и Рипли села на единственный пустовавший стул.

– Вы веруете, сестра? – спросил он.

– Во что? – вопросом на вопрос ответила Рипли, вонзая зубы в ломоть хлеба.

– Хоть во что-то.

– Скорее нет, чем да, – не задумываясь, ответила Рипли.

Диллон широким жестом обвел зал и всех присутствующих.

– А наша вера очень крепка. Больше у нас почти ничего и нет, это так, но вера есть. Она не требует ни пищи, ни места, ее не могут отнять у нас ни Компания, ни правительство, ибо каждый хранит свою веру в себе. В таком месте, как наша планета; вера не просто полезна, она чертовски необходима. Без веры человек отчаивается, и в отчаянии теряет душу. Правительство может отнять у нас свободу, но не душу.

Будь наша колония на Земле, все могло бы быть

по-другому. Но это не Земля и даже не Солнечная система. Отсюда люди – и заключенные и их тюремщики – смотрят на жизнь иначе. Все мы не просто лишены свободы, а трижды мертвы. И только вера хранит нас. Ее у нас много, лейтенант. Хватит и на вас.

– Мне казалось, ваша вера запретна для женщин.

– Почему? Потому что здесь одни мужчины? Но такова уж особенность населения планеты, а не нашего мировоззрения. Если бы сюда присылали женщин, мы были бы рады их принять. В тюрьму сажают, не разбирая пола, но на Фиорину женщин не ссылают. А мы относимся терпимо ко всем. Неразумно отвергать того, кто уже отвергнут всем миром, хотя бы потому, что оказался здесь. Мы терпим даже то, что терпеть невозможно, – закончил Диллон, и его улыбка стала еще шире.

– Благодарю вас, – сухо ответила Рипли.

Диллон обратил внимание на ее тон.

– Вы меня неправильно поняли. Я объяснил вам все в самых общих чертах и совсем не имел в виду вас лично. Если необходимо набраться терпения и ждать, здесь идеальное место. И до сегодняшнего дня не было никаких соблазнов.

Рипли откинулась на спинку стула.

– Мне кажется, если вы в состоянии прожить здесь больше года и при этом не сойти с ума, то можете вынести любого.

Диллон снова с удовольствием принялся за свой обед.

– Так вот, я говорю, что Фиорина – хорошее

место, если уж тебе приходится ждать конца срока, – повторил он. – Здесь не бывает никаких сюрпризов. Больше свободы передвижения, чем в любой колонии на любой обитаемой планете. Эндрюс не беспокоится, что мы уйдем слишком далеко от комплекса, потому что здесь некуда идти. На поверхности Фиорины прожить трудновато. Там на найдешь почти ничего съестного, климат ужасный и, понятно, планета совершенно безлюдна. У всех нас большие сроки, есть и пожизненные. Все знают друг друга, всем известно, что представляет собой каждый, у кого какие слабости и недостатки и кому нужна помощь, чтобы их преодолеть. – Диллон проглотил очередную порцию и продолжал: – Есть колонии и похуже. Я там не бывал, но слышал. В общем, Фиорина меня вполне устраивает. Самое главное, здесь нет соблазнов.

Рипли искоса взглянула на Диллона.

– Чего же именно вы ждете?

Казалось, ответ был готов заранее. Совершенно серьезно Диллон ответил:

– Мы ждем, когда Господь снизойдет и отпустит грехи рабов своих.

Рипли насупила брови:

– Боюсь, вам придется ждать долго.

5 Некоторое время спустя Клеменз показал Рипли конференц-зал, обращая внимание на те несуразности, которые, по его мнению, могли ее заинтересовать. В огромном зале кроме них и заключенного Мартина, который не спеша подметал

пол, не было никого. Клеменз и Рипли сели.

– Что вы знаете об истории этого комплекса?

– Только то, что рассказали мне вы и Эндрюз. Кое-что я слышала от заключенных.

– Да, я видел, как вы разговаривали с Диллоном. – Из металлической фляжки Клеменз налил себе немного виски, зачем-то посмотрел на потолок, неясно вырисовывавшийся высоко над четвертым ярусом. – С точки зрения психолога это довольно любопытное явление. Лет пять назад Диллон и все остальные вдруг стали исповедовать своеобразную религию.

– Что за религия?

Клеменз отпил глоток.

– Точно не знаю. Трудно сформулировать. Какой-то новый вариант древнего апокалиптического христианского фундаментализма. Что-то в этом роде.

– Гм-м-м.

– Вот именно. История этого дела такова. Когда Компания объявила о консервации комплекса, Диллон и все новообращенные выразили желание остаться. Компания умеет видеть свою выгоду. Им поручили присматривать за оставленным имуществом и вместе с двумя надзирателями и фельдшером оставили на Фиорине. – Клеменз жестом обвел пустой зал. – Так мы здесь и оказались. Не самый плохой вариант. Нас никто не проверяет, нам никто не досаждают. Проходящие мимо Фиорины космические транспорты регулярно поставляют сюда самое необходимое. Нам позволено пользоваться всем, что найдем на планете. К тому же Компания выплачивает минимальную

зарплату – ставку сторожа – в течение всего срока, а это куда больше, чем заключенный может заработать на Земле.

В нашем распоряжении видеофильмы и библиотека, да еще и собственная религия. Продуктов больше чем достаточно, хотя пища разнообразием не отличается. Вода сносная. Если регулярно бриться, то вши не очень досаждают. Опасных для человека местных форм жизни немного, да и внутрь комплекса они не могут проникнуть. Если бы не климат, тут было бы почти приятно.

Рипли рассеянно отпила глоток виски.

– Ну а вы сами? Как вас угораздило занять столь высокий пост?

Клеменз повертел в руках стаканчик.

– Понимаю, вам трудно в это поверить, но мое сегодняшнее положение в сущности меня вполне устраивает. Мне нравится быть одному. Мне нравится, когда на меня никто не обращает внимания. Фиорина – идеальное место для того, кто любит одиночество. Я сам распоряжаюсь своим временем, пока кто-то не заболит или не получит травму, а это случается гораздо реже, чем можно было бы предположить. Я могу читать, смотреть фильмы, разгуливать по комплексу или закрыться в своей комнате и хохотать до упаду. – Он обезоруживающе улыбнулся. – Это намного лучше, чем постоянно ощущать взгляд садиста-надзирателя или круглые сутки принимать хныкающих заключенных. – Клеменз кивком показал на голову Рипли. – Как вам нравится новая прическа?

Рипли осторожно провела ладонью по голому черепу.

– Странное ощущение. Кажется, будто волосы еще на месте, а протянешь руку – ничего нет.

Клеменз понимающе кивнул.

– После ампутации ноги человеку тоже кажется, что он все еще ее чувствует. Человеческий организм – забавная машина, а разум – в тысячу раз забавнее.

Клеменз осушил свой стаканчик и заглянул Рипли в глаза.

– Ну а теперь, после того как я ради вас рисковал испортить свои и без того не идеальные отношения с нашим добрым начальником и поведал вам довольно банальную историю Фурии-361, не объясните ли мне, что вы искали в трупe девочки? И почему было необходимо кремировать тела?

Рипли открыла было рот, но Клеменз протестующе поднял руку:

– И пожалуйста, не повторяйте этой чепухи на-счет противных вирусов. Эндрюз был прав. Если тела заморожены, любые вирусы не страшны. Но вам этого показалось недостаточно. Интересно, почему?

Рипли кивнула, оставила стаканчик и повернулась к Клемензу.

– Хорошо. Но прежде я хотела бы кое-что уточнить.

Клеменз недоуменно поднял брови:

– Что именно?

– Я вам нравлюсь?

Клеменз прищурился. Он размышлял над ответом и вдруг неожиданно для самого себя, как бы со стороны, услышал собственный голос. Впечатление было такое, будто его губы и язык решили функцио-

нировать независимо от мозга. К своему удивлению, он обнаружил, что это не так уж и плохо.

– В каком смысле?

– В том самом.

Оказалось, что Вселенная все еще полна чудес, хотя неизменно облачное небо Фиорины и пыталось их скрыть.

– Вы довольно прямолинейны. Такими вопросами можно привести в немалое замешательство человека, склонного, как я уже говорил, к одиночеству.

– Прошу прощения. Но я по-другому не умею. Слишком долго была оторвана от Земли.

– Понимаю. Я тоже, – пробормотал Клеменз.

– У меня нет времени на то, чтобы ходить вокруг да около. У меня никогда нет времени ни на что, кроме самого важного. Мне пришлось этому научиться.

Клеменз наполнил оба стаканчика, поднял свой, покрутил его и принялся внимательно изучать крохотный водоворот, но тот так и не подсказал ему ответа.

Каждая лопасть вентилятора была в два человеческих роста. Такие гигантские вентиляторы пришлось устанавливать, чтобы засасывать пыльный воздух с поверхности Фиорины, фильтровать, очищать и дезинфицировать его и лишь после этого подавать в шахты, производственные и жилые помещения. Но и эта система воздухоочистки оказалась несовершенной, потому что атмосфера Фиорины была слишком грязной.

Всего на комплексе было десять вентиляторов, по одному на каждую шахту. Из них восемь стояли, а два работали в половину мощности, нагнетая очищенный воздух в западный сектор комплекса.

Нос и рот Мерфи закрывал респиратор, и тем не менее, не отрываясь от работы, он умудрялся напевать. Дышать неочищенным воздухом Фиорины без респиратора было невозможно. Стенки воздуховода вблизи вентилятора постоянно покрывались толстым слоем угольной пыли. Мерфи очищал воздуховод лазерной горелкой, провожая глазами куски слезавшейся пыли, которые поток воздуха вырывал у него из-под ног и уносил к фильтрам. Это была не лучшая работа, но и не самая плохая. Мерфи не спешил и делал свое дело на совесть. Не потому, что он придавал ему очень большое значение или боялся, как бы с минуты на минуту не нагрянули инспекторы Компании, а лишь по той причине, что, как только он разделается с этой работой, ему непременно дадут другую. Выгоднее было идеально вылизать стенки этого воздуховода и потратить здесь по возможности больше времени.

Мерфи фальшивил, но пел с чувством.

Вдруг он замолчал. Слева от него, в небольшой нише, скопилось особенно много всякой дряни. В этих проклятых нишах всегда застревали большие обломки. И как только им удастся пролетать мимо фильтров, которые стоят на поверхности? Мерфи опустил на колени и ручкой швабры попытался выковырять обломок. Тот поддался на удивление легко, совсем не как глыба грязного угля.

Находка оказалась чем-то вроде тряпки. Поначалу Мерфи принял ее за старое обмундирование шахтера или заключенного, но, вытащив находку на свет, увидел перед собой шкуру какого-то животного, темную и блестящую, больше похожую на металлическую фольгу, чем на кожу. Забавная штучка.

Мерфи разложил находку на полу. Шкура оказалась большой, в нее могли бы завернуться два человека или теленок. Что за чертовщина?

Потом он догадался. На Фиорине было два-три вида крупных животных – жалких, вечно облепленных грязью существ со слаборазвитой нервной системой и замедленной реакцией. Наверно, такое существо случайно свалилось в воздухозаборное устройство, а выбраться не сумело и сдохло от голода. По лестнице это несчастное животное подняться не могло, а с другой стороны путь ему преграждал ревущий вентилятор. Мерфи пнул шкуру ногой. Только эта иссохшая оболочка и осталась от незадачливого гостя. Наверно, шкура провалялась здесь незамеченной черт знает сколько времени.

Только вот она казалась на удивление свежей. Не верилось, чтобы в ней годами усыхала плоть. Ну конечно, напомнил себе Мерфи, это дело насекомых. Крохотные хищники быстро сожрут любую попавшуюся им живность. Интересно. Он не знал, что насекомые жрут и кости.

А может, костей и не было? Может, это было... как их называют? Ну да, беспозвоночные. В общем, животное без костей. Такие на Фиорине водятся или нет? Надо бы посмотреть, а еще лучше спросить у

Клеменза, тот все знает. Обязательно надо отнести шкуру в лазарет. Может, он сделал открытие, нашел шкуру неизвестного науке животного. Для характеристики это было бы неплохо.

Шкура-шкурой, а работа-то стоит.

Мерфи снова взялся за лазерную горелку и очистил от угольной пыли тот участок стенки, где воздуховод поворачивался направо. Только тогда он услышал необычный звук. Мерфи нахмурился, выключил инструмент, поставил его на предохранитель и осмотрелся. Он уже почти было решил, что ему послышалось, как до него снова донеслось что-то вроде бульканья.

В нескольких метрах от того места, где работал Мерфи, в воздуховоде располагалась большая ниша, когда-то ее использовали в качестве кладовой для инструментов и запасных частей. Теперь она должна быть пустой: запасные части нынче хранятся в другом месте, а инструменты при отъезде забрал с собой обслуживающий персонал. Но чем ближе к нише подкрадывался Мерфи, тем отчетливей и громче становились булькающие звуки.

Чтобы заглянуть в нишу, пришлось нагнуться. Та освещалась лишь отраженным от стенок воздуховода светом, и Мерфи пожалел, что не захватил с собой фонарь или свечу. В темной нише шевелилось какое-то огромное существо. Может, это оно и скинуло свою шкуру? Если это так и если ему удастся живьем поймать таинственного незнакомца, то он наверняка получит официальную благодарность Компании. Не исключено, что за неожиданный вклад в фиоринскую

биологию ему даже на пару месяцев скостят срок.

Глаза Мерфи уже привыкли к полумраку. Теперь он видел существо более отчетливо, различал голову и шею. Существо тоже учуяло человека и повернулось к нему.

Мерфи застыл, не в состоянии сделать ни шага. Его глаза округлились.

Вдруг из пасти бесформенного чудовища вырвалась узкая и мощная струя жидкости. Она попала прямо в лицо парализованному страхом Мерфи. Едкая жидкость задымилась и зашипела, разъедая живую человеческую плоть. Мерфи отшатнулся, с диким воплем схватившись руками за быстро расползающееся лицо.

Дым пробивался между пальцами. Мерфи заметался, наткнулся на одну стенку воздуховода, потом на другую. От невыносимой боли он потерял всякое представление о том, где находится, что должен делать и куда нужно бежать. Он не мог думать ни о чем кроме боли и совершенно забыл о вентиляторе.

В конце концов Мерфи наткнулся на огромные лопасти, и те, словно гигантская мясорубка, моментально перемололи его, разметав по стенкам воздуховода, по корпусу вентилятора бесформенные окровавленные куски. Если бы череп Мерфи не застрял между лопастью и корпусом вентилятора, то прошло бы немало времени, прежде чем товарищи нашли его. Лопасти замерли. Тотчас автоматически включился другой вентилятор, установленный на том же воздуховоде чуть ниже первого.

В штреке снова воцарилась тишина, которую

нарушало лишь почти неслышное то ли шипение, то ли бульканье, то ли мяуканье, доносившееся из далекой ниши. Но эти звуки уже никто не мог услышать.

По сравнению с жильем других заключенных комната Клеменза была роскошной. Положение единственного медика на планете позволяло ему расположиться не только более просторно, но и с комфортом, недоступным большинству жителей Фиорины. Впрочем, и комнату Клеменза можно было назвать лишь относительно комфортной. На Земле, даже в самом затерянном уголке планеты, никто не согласился бы жить в таком закутке.

Клеменз был благодарен судьбе настолько, насколько это было возможно в его положении. Надо сказать, что с недавних пор это положение резко изменилось к лучшему.

На койке, укрывшись простыней и закрыв глаза, лежала Рипли. В другом углу комнаты, возле встроенного в стену шкафчика, Клеменз, дымя сигаретой, наливал из бидона в стакан темную жидкость. Рипли впервые видела его без форменной шапочки. На его бритом затылке отчетливо проступал кодовый номер заключенного.

Клеменз обернулся и, заметив пристальный взгляд Рипли, жестом показал на бидон.

– Прошу прощения, что не предлагаю выпить. Тебе пока нельзя.

Рипли покосилась на стакан.

– Что там на этот раз?

– Ты удивишься, если я скажу.

– Не сомневаюсь, – улыбнулась Рипли. – Ты меня уже удивил.

– Благодарю, – сказал Клеменз и поднял стакан, оценивая прозрачность напитка на свет. – Видишь ли, Компания оставила лишь самое простое медицинское оборудование, но и его можно выгодно использовать. Поскольку мы не всегда можем полагаться на своевременную доставку, кое-какие лекарственные препараты мне приходится синтезировать самому. Все остальное – дело техники. Совсем нетрудно немного изменить программу синтезатора так, чтобы вместо спирта для растирания получилось нечто значительно более вкусное. – Он с довольным видом отпил глоток. – Своего рода хобби, не только полезное, но и приятное.

– Эндрюз знает? – спросила Рипли.

– Не думаю. Во всяком случае я ему не говорил. Если бы знал, наверняка давно бы прикрыл мою лавочку, мотивируя тем, что это плохо отразится на моральном состоянии заключенных. С этим трудно не согласиться. Но пока он пребывает в неведении, я продолжаю свои несложные химические эксперименты и с удовольствием использую стимулирующий эффект продуктов этих экспериментов для удовлетворения своих скромных личных потребностей. – Клеменз снова наполнил стакан. – Не бойся. Я тебе немного оставлю. На будущее.

– С твоей стороны это очень любезно.

– Пустяки. Когда я учился в школе, синтетическая химия и биотехнология были моими любимыми

предметами. — Клеменз с минуту помолчал. — Раз уж речь зашла о любезности, то я, конечно, очень тронут, но вместе с тем не могу не отметить, что ты предпочитаешь отделяться словами благодарности вместо того, чтобы прямо ответить на кое-какие из моих вопросов. Надо признать, у тебя это получается очень ловко. Ради Бога, не подумай, что я в претензии. Ни в коей мере. Но проклятая мысль никак не дает мне покоя.

Клеменз по-прежнему держал в руке стакан, а Рипли не сводила с него взгляда.

— Ты начинаешь портить мне настроение.

— Это совсем не входило в мои планы. Но я все же какой-никакой медик, и у меня есть определенные обязанности. Честно говоря, чем упорнее ты уклоняешься от ответа, тем больше разжигаешь мое любопытство. Что ты искала в трупе девочки? Почему ты так настаивала на кремации?

— Понятно. Ты полагаешь, раз я лежу в твоей постели, то обязана дать тебе ответ.

— Если ты хочешь вывести меня из себя, — терпеливо ответил Клеменз, — то из этого тоже ничего не выйдет. Ты должна мне ответить, но лишь потому, что я, как медик, обязан найти ответ на тревожащий меня вопрос, и еще потому, что я рисковал головой, добиваясь выполнения твоих сумасбродных пожеланий. А то, что ты лежишь в моей постели, к этому не имеет никакого отношения. — Он чуть заметно улыбнулся. — Хотя я не исключаю, что твое упорное молчание осложнит наши отношения.

Рипли покорно вздохнула и повернулась на бок.

– Мне нечего сказать. Неужели нельзя оставить все, как есть? Просто в гиперсне я видела ужасный, кошмарный сон. – Будто пытаюсь уйти от воспоминаний, она закрыла глаза. – Не хочу об этом говорить. Мне только нужно было самой убедиться в причине смерти ребенка. – Рипли посмотрела на Клеменза. – Ты понятия не имеешь, как я жила последнее время и через что мне пришлось пройти. По сравнению с этим самые дикие кошмары показались бы тебе детской игрой. Знаю, мне никогда не удастся совсем забыть о пережитом. Но это вовсе не означает, что я не пытаюсь выбросить воспоминания из памяти. Поэтому, если я покажусь тебе немного непоследовательной или в чем-то слишком настойчивой, постарайся быть более снисходительным. Поверь, мне это действительно нужно. Мне нужно, чтобы кто-то беспокоился обо мне – хотя бы ради разнообразия. Что же до Ньют... что же касается девочки, я просто ошиблась.

Клеменз выслушал Рипли, плотно сжав губы и задумчиво поглаживая пальцами стакан. Потом он очень медленно, понимающе кивнул.

– Да, наверно, – сказал он.

Рипли не сводила взгляда с Клеменза.

– Может быть, я сделала еще одну ошибку.

– Какую?

– Вступила в связь с заключенным. Физическую связь. Это ведь запрещено, не так ли?

– Конечно. И кто же этот счастливчик?

– Ты, глупый!

Клеменз неуверенно посмотрел на Рипли.

– Я не заключенный.

– А что же тогда означает номер на твоём за-
тылке?

Клеменз машинально провел ладонью по бритой
голове.

– Наверно, мне следовало бы объяснить тебе
раньше. Но думаю, сейчас не время. Извини. Мы
сами все усложняем, тебе не кажется?

Загудел сигнал интеркома. Клеменз бросил на
Рипли извиняющийся взгляд и направился к пункту
связи.

– Придется отвечать. Я не могу позволить себе
такую роскошь, как игнорировать вызов начальства.

Он нажал кнопку включения двусторонней связи.
Громкоговоритель донес еле слышный, сильно
искаженный голос:

– Клеменз?

– Слушаю, мистер Эрон, – покорно отозвался
медик.

– Эндрюз приказал вам явиться в вентиляцион-
ную шахту номер семнадцать во втором секторе.
Немедленно. Там несчастный случай.

Моментально посерьезневший Клеменз даже
нагнулся к ненаправленному микрофону, хотя в
этом не было ни малейшей необходимости.

– Что-нибудь серьезное?

– Да, можно сказать и так, – ответил заместитель
начальника колонии. – Там работал один заклю-
ченный, так его изрубило в куски.

Интерком отключился.

– Черт! – выругался Клеменз, осушил свой стакан, поставил его на столик и повернулся к гостю. – Прошу прощения. Мне нужно идти. Это мой долг.

Немного расстроенная, Рипли взяла стакан.

– А мне уже стала нравиться наша беседа. В отличие от всего другого.

– Неужели ты думаешь, что мне хочется уходить? – пробормотал Клеменз, хлопнув дверцей шкафчика и начиная переодеваться.

– Может, мне пойти с тобой?

– Лучше не надо. – Клеменз покосился на Рипли. Одно дело, если я сопровождаю тебя как врач, и совсем другое, если нас постоянно будут видеть вместе. К тому же ты выглядишь совершенно здоровой, и наше появление может вызвать массу вопросов. И сплетен. Чем меньше говоришь с этой публикой, тем лучше.

– Понимаю. Не могу сказать, что мне это нравится, но понимаю.

Клеменз натянул рабочие брюки.

– На Фиорине ты сможешь выжить только при соблюдении этих двух условий. К тому же я не думаю, что начальник колонии обрадуется твоему появлению. Жди меня здесь и не переживай по пустякам. – Он ободряюще улыбнулся. – Я скоро вернусь.

Рипли не произнесла больше ни слова, но вид у нее был не очень веселый.

Оказалось, что осматривать особенно нечего. Черт побери, да и хоронить тоже, подумал Клеменз,

окинув взглядом следы кровавой трагедии. Причина смерти была совершенно очевидна. Замершие лопасти вентилятора и стенки воздуховода блестели пятнами крови.

И все же что-то здесь было не так. Время от времени заключенные получали травмы, упав с металлических мостиков, наткнувшись на рваный лист металла или пытаясь оседлать волну в неспокойном заливе, но все очень хорошо знали об опасностях, подстерегавших их в законсервированных шахтах, и старательно их избегали. К числу таких опасностей относился и гигантский вентилятор, не заметить который было невозможно.

С другой стороны, отсюда совсем не следовало, что несчастный случай произошел не по вине Мерфи. Может быть, он бежал или поскользнулся на гладкой поверхности воздуховода или хотел протереть шваброй лопасти работающего вентилятора. Скорее всего, он поскользнулся или вращающиеся лопасти зацепили его за одежду. Конечно, как произошла трагедия на самом деле, никто никогда не узнает. Посылать на чистку воздуховода двоих не имело смысла, поэтому Мерфи и работал один.

Очевидно, такие же мысли мелькнули и в голове Эрона. Мрачно глядя на вентилятор, он сказал:

– Мерфи всегда был с причудами. А я послал его на эту работу. Надо было бы выбрать кого-то другого или по крайней мере дать ему напарника с более устойчивой психикой.

За их спинами заключенный Джуд шваброй смывал кровь с вентилятора.

Эндрюз был взбешен, но сдерживал себя. Взбешен не смертью Мерфи, а неизбежностью последствий. На его послужном списке этот эпизод отразится не лучшим образом. К тому же предстояло оформлять массу документов.

– Не извиняйтесь, мистер Эрон. Вашей вины здесь нет. Насколько я понимаю, в случившемся не виноват никто, за исключением, быть может, самого Мерфи, а он уже наказан. – Начальник колонии обратился к Клемензу: – Ваши соображения, мистер Клеменз?

Фельдшер пожал плечами:

– Что я могу сказать? Причина смерти совершенно очевидна. Сомневаюсь, чтобы он успел почувствовать боль. Уверен, он умер мгновенно.

– Черт побери! – Эрон, не скрывая отвращения, осматривал разбросанные куски человеческой плоти.

– Я пытаюсь воссоздать сценарий, – продолжал начальник колонии. – Для отчета, вы же понимаете. Не могу себе представить, чтобы он просто ни с того, ни с сего упал на лопасти вентилятора. Возле этого опаснейшего места он работал не раз. Быть может, его туда затянуло?

Клеменз поджал губы.

– В принципе это не исключено. Я не физик и не механик...

– Все мы не физики и не механики, мистер Клеменз, – напомнил ему Эндрюз. – Я не требую от вас официального заключения, а просто предлагаю вам высказать свое мнение.

Клеменз кивнул.

– Мне кажется, причиной несчастья могло быть неожиданное усиление скорости потока воздуха. Например, резко подскочило напряжение, и в результате беднягу просто засосало в вентилятор. Только вот...

– Вы правы, – перебил его Эрон. – Однажды нечто подобное чуть было не случилось со мной. В главном секторе, года четыре назад. Я всегда предупреждаю заключенных, чтобы они были особенно внимательны возле вентиляторов. Эти проклятые машины такие огромные, такие солидные, что тебе и в голову не придет, что рядом с ними может что-то случиться. – Он расстроено покачал головой. – Но сколько бы я ни говорил, никто не хочет слушать.

– Это так, – согласился Клеменз, – но только прежде чем спуститься сюда, я проверил программу вентилятора. Так вот, он был включен в режиме притока воздуха. Скачок напряжения отбросил бы Мерфи в воздухопровод, а не затянул в вентилятор.

Эрон прищурился и мысленно пожал плечами. Пусть в этой чертовщине разбираются начальник колонии и фельдшер. Это их обязанность. Ему-то что. Он высказал свое мнение, привел свои доводы. Конечно, жаль Мерфи, парень погиб ни за что. Но какого черта! Несчастные случаи были и будут, никуда от этого не денешься.

Клеменз прошелся по воздухопроводу, осмотрел стенки. Пятен крови постепенно становилось все меньше и меньше.

Слева от него в стенке оказалась довольно большая ниша. Клеменз опустиллся, заглянул в нее. Самая

обыкновенная кладовка, давно пустовавшая. Он уже было начал подниматься, как его внимание привлекло что-то необычное.

Как будто здесь что-то разлили. Не кровь, а какой-то едкий химикат. Обычно гладкая поверхность металла была испещрена язвами.

К Клемензу неслышно подошел Эндрюз. Ему тоже бросились в глаза язвы в металле.

– Что это такое?

Клеменз выпрямился.

– Понятия не имею. Мне показалось странным... Впрочем, наверно, эти дефекты были здесь со времени монтажа системы вентиляции.

Начальник колонии, конечно, обратил внимание на преувеличенное безразличие в тоне Клеменза и окинул фельдшера пронизывающим взглядом. Клеменз предпочел отвернуться.

– Мистер Клеменз, зайдите в мой кабинет, скажем, минут через тридцать, – ровным голосом сказал Эндрюз. – Если вы не возражаете, конечно. – Он повернулся к заключенным, собиравшим остатки погибшего. – Я не могу торчать здесь весь день. Заканчивайте и выбирайтесь отсюда. Пусть мистер Трой запускает вентилятор, а мы возвратимся к своим обязанностям.

Эндрюз начал подгонять своих спутников к выходу. Клеменз предпочел не торопиться. Он заметил, что начальника колонии беспокоит прежде всего завершение неприятной работы по очистке воздуховода, и вернулся к обследованию поврежденного металла.

Внутри аварийно-спасательного корабля было тихо, как в могиле. Разбитые приборные панели с обрывками проводов напоминали приколотых к стенам пауков. Оборудование валялось там же, куда оно упало при аварии, оторвавшись от креплений или высыпавшись из шкафчиков. Наклонившееся под неестественным углом кресло пилота при малейшем прикосновении раскачивалось, словно пьяное.

Весь этот хаос освещался единственным фонарем. Рипли возилась с искореженной надстройкой, поочередно пуская в ход то лазерный резак, то не столь разрушающие инструменты. Наконец защитная плита из композитных материалов была снята. Под ней оказалась опечатанная панель. Специальными щипцами Рипли отрывала одну пломбу за другой. На панели крупными буквами было написано:

**БОРТОВОЙ РЕГИСТРАТОР
ПЛОМБЫ НЕ СРЫВАТЬ
ДЛЯ ВСКРЫТИЯ ТРЕБУЕТСЯ СПЕЦИАЛЬНОЕ
РАЗРЕШЕНИЕ ISA-445**

Рипли оторвала последнюю пломбу и сняла панель. Под ней в специальной нише с двойными стенками в окружении мягких прокладок лежал гладкий черный ящик. Ниша оказалась чистой и сухой. Значит, при аварии сюда не проникла вездесущая морская вода Фиорины.

Замок на боковой стенке ящика открылся без труда. Отодвинулся лицевой щиток, за которым под защитным кожухом располагались утопленные

кнопки и экранчики приборов. Рипли нажала одну из кнопок; тотчас зажглись несколько светодиодов. Она надавила на кнопку еще раз, и светодиоды послушно погасли.

Вынуть черный ящик из ниши было нетрудно. Рипли поставила его на пол, поближе к фонарю, и еще раз окинула взглядом искалеченный спасательный шлюп, стараясь запомнить все детали и в то же время забыть все пережитое.

За ее спиной что-то зашумело, словно кто-то зацепился за разрушенные, изуродованные конструкции корабля. В полумраке мелькнула чья-то тень, и испуганная Рипли резко повернулась.

– Черт! – крикнула она, в изнеможении падая на стул. – Ты нарочно хотел испугать меня?

Клеменз замер в проеме входного люка. На его лице играла мальчишеская улыбка.

– Прошу прощения, но дверной замок не работает. – Пригнувшись, он шагнул в отсек. – Знаешь, начальник колонии сойдет с ума, если узнает, что ты повсюду бродишь без сопровождающего. Что бы ты здесь ни искала, с Эндрюзом лучше не ссориться.

– Черт с ним. Что там произошло? – настойчиво спросила Рипли. В ее голосе не было и намек на шутливый тон.

– К сожалению, это был действительно серьезный несчастный случай. – Клеменз прикоснулся к свисавшему пучку проводов и тут же отпрянул, испугавшись, что провода упадут на него. – Погиб один заключенный.

– Каким образом? – озадаченно спросила Рипли.

– Не самым приятным. Ты действительно хочешь знать все подробности?

Рипли хмыкнула:

– Если ты боишься, что я упаду в обморок, то ошибаешься. Не на ту попал.

– Этого я не боюсь. Просто решил уточнить. Несчастье произошло в одном из функционирующих воздуховодов системы вентиляции. – Клеменз покачал головой, как бы отгоняя неприятные воспоминания. – Бедняга по глупости попал в работающий высокоскоростной вентилятор. Его буквально размазало по лопастям, корпусу, стенкам. Пришлось соскребать.

– Представляю. Бывает.

– Нет, у нас не бывает. Эндрюз в шоке. Он должен отправить рапорт.

– По коммуникатору?

– Нет. Мало оснований для включения такой дорогой системы. Думаю, рапорт уйдет с ближайшим космическим транспортом.

– Тогда чего он боится? Никто не прочтет его рапорт еще несколько месяцев.

– Надо знать нашего начальника. Он все принимает слишком близко к сердцу.

– Тем хуже для него, особенно если он – начальник колонии.

Клеменз задумчиво кивнул.

– На месте происшествия, точнее, в нескольких метрах от вентилятора, я кое-что обнаружил. Какую-то отметину, будто прожженные в металлическом полу раковины. Очень похоже на то пятно, которое

ты обнаружила на капсуле девочки.

Рипли молча, не мигая, смотрела на Клеменза ничего не выражающим взглядом.

– Слушай, я на твоей стороне, – упрямо продолжал Клеменз, так и не дождавшись от нее ни слова. – Я хочу тебе помочь, что бы ты не собиралась предпринять и в чем бы ни была замешана. Но мне хотелось бы знать, что происходит или хотя бы что, по твоему мнению, может произойти. Иначе я просто не смогу тебе помочь. Возможно, ты хочешь справиться со своими проблемами сама. Я не могу заставить тебя говорить, но думаю, что в состоянии оказать посильную помощь, облегчить поиски. У меня тут есть доступ к оборудованию и машинам. У тебя нет. У меня есть кое-какие знания, которых у тебя тоже нет. Я не буду вмешиваться и целиком полагаюсь на твое здравомыслие. Приходится полагаться, потому что у меня нет ключа к тому, за чем ты охотишься.

Клеменз с надеждой смотрел на Рипли, а она все раздумывала.

– Я почти не знаю тебя. Почему я должна тебе доверять?

Клеменз заставил себя проглотить обиду, понимая, что Рипли совсем не хотела его оскорбить.

– Можешь не доверять. Но пойми, что бы ты ни искала, без посторонней помощи тебе будет нелегко. Я тоже почти не знаю тебя, но охотно последую за тобой.

– Но почему? Почему? Ты же сам признал, что понятия не имеешь, что я ищу, куда иду и что

поставлено на карту!

Клеменз ободряюще улыбнулся:

– А если мне кажется, что я знаю тебя немного лучше, чем ты меня?

– Ты сумасшедший.

– Это помешает твоим поискам?

Рипли невольно улыбнулась.

– Скорее наоборот. Ладно. – Она передвинула черный ящик ближе к свету, чтобы Клеменз лучше видел его. – Мне нужно знать, почему нас выбросило с материнского лайнера, когда мы находились в гиперсне, и что случилось с нашим аварийно-спасательным кораблем. Если ты действительно хочешь мне помочь, постарайся найти компьютер с аудио- и сенсорной интерпретацией данных, чтобы я могла прочесть все полетные записи.

Клеменз засомневался:

– У нас ничего подобного нет. Компания вывезла всю мало-мальски ценную кибернетическую технику. Нам оставили только основные программы и постоянные запоминающие устройства. – Он язвительно усмехнулся. – Мне кажется, они не хотели, чтобы кучка тупых уголовников имела возможность копаться в их драгоценных машинах.

– А как насчет Бишопа?

– Какого Бишопа? – не понял Клеменз.

– Андроида, который разбился вместе со мной.

– То, что от него осталось, проверили и ввиду явной бесполезности выбросили на свалку.

– Позволь мне судить о том, полезен он или бесполезен, – с горечью в голосе возразила Рипли. –

Надеюсь, то, что от него осталось, не съели и не отправили под пресс?

— Здесь нет охотников питаться деталями андроидов и незачем тратить энергию, чтобы их прессовать. От него остались куски немногим крупнее, чем от того несчастного заключенного. Только не рассказывай, что всерьез надеешься извлечь какую-то пользу из этих обломков.

— Хорошо, не буду ничего рассказывать. Так где он?

Клеменз покорно ответил:

— Я скажу, куда выбросили этот металлолом, но боюсь, не смогу сопровождать тебя. Меня вызывает начальник колонии. Будь осторожна, ладно?

— Если бы я не была осторожной, — невозмутимо ответила Рипли, — то уже по меньшей мере двадцать раз была бы мертва.

6 Производство свечей было не только своеобразным хобби. Автономный термоядерный реактор вырабатывал куда больше энергии, чем требовалось для освещения всех помещений законсервированного горнообогачительного комплекса, но что касается переносных источников энергии и света, здесь реактор был совершенно бесполезен. Аккумуляторные фонари были редкостью и ценились на вес золота. Очевидно, инженеры Компании, в обязанности которых входило разделение имущества на то, что следовало вывезти с Фиорины, и то, что можно было оставить на забытой планете, вполне обоснованно решили, что заключенные не будут по

ночам гулять на поверхности. Реактор обеспечит освещение всего комплекса, а поскольку он не может остановиться или выйти из строя, значит, нет нужды ломать голову над резервными или переносными источниками энергии.

Инженеры рассуждали здраво, но упустили из виду, что в шахтах, из которых были извлечены миллионы тонн породы, остались тайнички, сделанные шахтерами или забытые самими инженерами, а в тайничках хранилось то, что могло хоть немного облегчить жизнь не только заключенных, но и их надзирателей. Не хватало лишь переносных источников света.

Свечной цех не только решал эту проблему, но и предоставлял жителям Фиорины редкую возможность разнообразить работу. На складах хранились огромные запасы специального воска, который не стоил затрат на транспортировку на другие планеты. В свое время из него делали литейные формы для новых или экспериментальных деталей. Управляемый компьютером лазер, протравливая соответствующую форму в воске, моделировал деталь. Потом эту форму заливали расплавленным пластиком или композитным материалом — и деталь готова. Быстро и дешево. Не требовалось никаких металлообрабатывающих станков, ни токарных, ни фрезеровальных работ. К тому же воск можно было расплавить и снова пускать в дело.

Заключенным детали и запасные части были не нужны. Необходимое для их жизни оборудование работало само по себе и не требовало никакого

присмотра. Поэтому заключенные делали из воска свечи.

Свечи ярко и весело горели на рабочих местах, в свинцовых канделябрах, отлитых теми же заключенными, гроздьями висели под потолком. Промышленный воск развитой цивилизации оказался вполне пригодным и для возрождения технологических процессов тысячелетней давности.

Заключенный Грегор помогал Голику, Богтзу и Рейнзу втискивать специальные сверхплотные осветительные свечи в их огромные рюкзаки. Особые, тщательно подобранные добавки позволяли таким свечам гореть очень долго и при этом не терять форму. Свечи были единственным доступным для заключенных переносным источником света, потому что Эндрюз едва ли разрешил бы им по такой пустяковой надобности брать драгоценные фонари.

Правда, заключенные не очень и возражали, потому что особой разницы в качестве освещения, которое давали примитивные свечи или бесценные аккумуляторные фонари, не было. Свет он и есть свет. А недостатка в восковых свечах не было.

Голик попеременно засовывал то короткие свечи в свой рюкзак, то очередную порцию чего-то съестного в свой рот. Крошки изо рта сыпались прямо в рюкзак. Рейнз с отвращением наблюдал за напарником.

– Ну вот, – сказал Грегор, поднимая один из объемистых рюкзаков, – сюда больше ничего не впихнешь. Голик, не суетись. Куда ты толкаешь эту чертову жратву? Ты ее даже как следует не завернул!

Тот, кому был адресован этот вопрос, лишь

смущенно улыбнулся и продолжал заталкивать съестное в рот.

Боггз с омерзением оглянулся:

– А что вообще он делает как следует?

– Жрет, – фыркнул Рейнз. – Это у него здорово получается.

В дверном проеме появились Диллон и Джуниор – еще один заключенный.

– Эй, Голик! – негромко позвал Диллон.

Голик поднял голову и, не переставая жевать, отозвался:

– Что?

– Поставь свечку за упокой души Мерфи, ладно?

Голик согласно кивнул.

– Какой разговор! Поставлю тыщу свечей, – улыбнулся он и вдруг погрузился. – Мерфи был тот еще парень. Никогда не ругал меня, ни разу. Я любил его. А правда, что его голова разлетелась на тысячи кусочков? Так все говорят.

Диллон помог фуражирам одеть огромные рюкзаки, проверил ремни и, как бы благословляя, похлопал каждого по плечу.

– Внизу будьте повнимательней. Карты у вас хорошие. Не забывайте о них. Если найдете что-нибудь полезное, но для вас слишком тяжелое, обязательно сделайте отметку на карте, чтобы следующей бригаде не пришлось слишком долго искать. Помню, года четыре назад ребята раскопали тайничок, битком набитый консервами. Там было столько, что мы смогли бы месяцами разнообразить наше меню. Так эти олухи не отметили тайничок на

карте, и второй раз мы его так и не нашли. Может, вам тоже повезет.

Боггз хмыкнул:

— Это про меня. Мне всегда везет.

Все засмеялись.

— Ну ладно, — сказал Диллон и сделал шаг в сторону. — Идите и не возвращайтесь, пока не найдете что-нибудь хорошее. И не забывайте про те стометровые вертикальные стволы.

Диллон еще долго смотрел вслед фуражирам, пока все трое не скрылись в узком тоннеле и огни их свечей не исчезли за поворотом. Потом он и Джуниор отправились в конференц-зал. У Диллона были свои дела.

Эндрюз жил в очень просторных, но скудно обставленных апартаментах. Как начальнику колонии ему предоставили квартиру, которую прежде занимал директор рудника. Здесь было множество комнат, но явно не хватало мебели, чтобы их заполнить. Не обладая большим воображением и не склонный к мании величия, Эндрюз опечатал большинство комнат, оставив себе лишь три, одна из которых служила ему спальней, другая ванной, а третья использовалась для приема посетителей.

Сейчас Эндрюз занимался именно последним. Он сидел за скромным письменным столом, а напротив него расположился единственный на планете медик. С Клемензом всегда было непросто. Формально он считался заключенным, и следовательно, с ним нужно было обращаться так же, как с другими

заклученными. Вместе с тем никто, включая самого начальника колонии, не оспаривал особого положения Клеменза. Он зарабатывал меньше, чем свободный человек, но гораздо больше любого заключенного. Более того, все заключенные и даже Эндрюз и Эрон зависели от него, ибо никто иной не мог оказать им медицинскую помощь.

Клеменз намного превосходил всех жителей Фиорины и по уровню интеллекта. Это его качество Эндрюз ценил не меньше, чем медицинские познания, потому что на Фиорине остро ощущался дефицит разумных, блестящих умом собеседников. Беседы с Эроном радовали начальника колонии примерно так же, как разговор со стенкой.

Но все же Эндрюзу следовало быть поосмотрительней. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы любой заключенный, а тем более Клеменз, утвердился в слишком высоком мнении о себе. При личных встречах Эндрюз и Клеменз неизменно осторожничали, плели хитрую и тонкую паутину слов, которой старались не столько выразить, сколько замаскировать свои истинные мысли. Клеменз постоянно демонстрировал свою независимость, а Эндрюз с завидным упорством ставил его на место.

Начальник колонии налил фельдшеру чай.

– Сахар?

– Да, благодарю вас, – ответил Клеменз.

Эндрюз передал пластиковую сахарницу и молча наблюдал, как его гость кладет в чашку ложечку белых кристалликов.

– Молоко?

– Да, пожалуйста.

Эндрюз протянул Клемензу молочник и, не сводя с него глаз, подался вперед. Клеменз не спеша добавил в темный чай молоко.

– А теперь послушайте меня, мистер Собачье Дерьмо, – по-дружески обратился Эндрюз к гостю. – Если вы еще хоть раз попытаетесь обвести меня вокруг пальца, я оставлю от вас мокрое место.

Клеменз отодвинул молочник и принялся тщательно размешивать чай. В воцарившейся на время могильной тишине методичное позвякивание ложки о керамическую чашку производило не меньший эффект, чем грохот молота о наковальню.

– Боюсь, я чего-то недопонимаю, – сказал наконец Клеменз.

По-прежнему испепеляя фельдшера взглядом, Эндрюз откинулся на спинку кресла.

– В семь ноль-ноль я получил ответ на свой рапорт. Между прочим, насколько мне известно, это вообще первое совершенно секретное сообщение приоритета высшего уровня, полученное на Фиорине. Эта планета не удостоивалась такой чести даже тогда, когда здесь работали шахты и обогатительные фабрики. И знаете почему?

Клеменз отпил глоток.

– Чтобы избежать запаздывания во времени, сообщения приоритета высшего уровня посылают через субпространство. Это стоит недешево.

Эндрюз кивнул.

– Больше, чем мы с вами видели за всю свою жизнь.

– А при чем здесь я?

– Все дело в этой женщине, – не скрывая беспокойства, объяснил Эндрюз. – Нам приказано смотреть за ней. Нет, не просто смотреть. Мне совершенно недвусмысленно дали понять, что во всей Вселенной нет ничего важнее. У меня создалось такое впечатление, что никто не будет возражать, если весь наш комплекс провалится в черную дыру, только бы к моменту прибытия спасательной бригады эта женщина была жива и здорова.

– Почему?

– Я надеялся, что вы ответите на этот вопрос.

Начальник колонии внимательно следил за каждым жестом Клеменза, а тот медленно опустил чашку на стол.

– Сэр, полагаю, настало время, когда мне нужно быть абсолютно откровенным. – Эндрюз нетерпеливо подался вперед, а Клеменз извиняющимся тоном продолжал: – Так вот, совершенно честно заявляю, что я ни черта не знаю.

На минуту снова воцарилось молчание. Эндрюз заметно помрачнел.

– Хорошо, что вы находите нашу беседу смешной, Клеменз. Я рад, что смог немного развлечь вас. К сожалению, не могу того же сказать о себе. Вы представляете последствия такого сообщения?

– Вас скрутят в бараний рог? – вежливо осведомился Клеменз.

– Всех скрутят в бараний рог. Если с этой женщиной что-то случится, всем нам оторвут головы, все мы узнаем, что такое настоящий ад.

– В таком случае нам не о чем волноваться. Мы даже не заметим наказания, потому что уже живем в аду.

– Можете упражняться в остроумии, сколько вам заблагорассудится. Впрочем, думаю, у вас поубавится красноречия, если случится что-то непредвиденное и кое-кому увеличат срок.

Клеменз заметно посерьезнел.

– Даже так?

– Я бы показал вам текст сообщения, если бы имел на это право. Поверьте мне на слово.

– Не понимаю, из-за чего разгорелся сыр-бор, – откровенно признался Клеменз. – Конечно, Рипли пережила многое, но в дальнем космосе трагедии случались и раньше. Почему Компания проявляет такой интерес именно к ней?

– Понятия не имею. – Сцепив пальцы, Эндрюз положил руки на стол. – Почему вы разрешили ей покинуть лазарет? Готов биться об заклад, все это каким-то образом связано с несчастным случаем с Мерфи. – Он хлопнул по крышке стола. – Вот что получается, когда такой сукин сын разгуливает по воздуховодам, размечтавшись о бабах. Почему вы не держали женщину взаперти, чтобы ее никто не видел?

– Для этого у меня не было ни малейших оснований. Рипли уже вполне оправилась и не хотела лежать. У меня не было ни причин, ни власти, чтобы удерживать ее силой. – Клеменз начинал понемногу терять свое обычное самообладание. – Я врач, а не тюремщик.

Лицо Эндрюза исказила гримаса.

– Не рассказывайте мне сказки. Мы оба отлично знаем, что вы собой представляете.

Клеменз встал и направился к выходу. На этот раз Эндрюз с размаху грохнул кулаком по столу.

– Сядьте! Я вас не отпускал.

Не оборачиваясь и стараясь держать себя в руках, Клеменз сказал:

– У меня поначалу создалось такое впечатление, что меня пригласили, а не приказали явиться. Поэтому я и подумал, что мне лучше уйти. Сейчас мне крайне неприятно видеть вас. Если я останусь, то могу сказать или сделать что-нибудь такое, о чем потом буду сожалеть.

– Сожалеть? – с наигранным удивлением переспросил Эндрюз. – Это уже интересно. Но пораскиньте мозгами, мистер Клеменз. А как вам понравится, если я предам гласности некоторые детали вашей биографии? Пока что на Фиорине они никому не известны, но на другой планете о них не раз сообщалось публично. Так сказать, до сих пор вы обладали своеобразной привилегией, которая облегчала вашу работу с заключенными и даже способствовала созданию пусть и неофициального, но тем не менее вполне реального статуса. Такое положение нетрудно изменить; в таком случае, мне кажется, ваше существование станет намного менее безоблачным. – Эндрюз немного помедлил, чтобы смысл его слов лучше дошел до Клеменза, и продолжал: – Что, язык проглотили? Крыть нечем? Должен ли я понимать ваше молчание так, что вы и дальше предпочли бы не превращать свое грязное

прошлое в предмет всеобщего обсуждения? Конечно, не обязательно останавливаться на этом. Возможно, вы хотите, чтобы я рассказал о некоторых нюансах вашей биографии вашей пациентке и подруге лейтенанту Рипли? Разумеется, только для ее же пользы. Исключительно для того, чтобы помочь ей провести оставшееся время на планете соответствующим образом. Нет? Тогда садитесь, черт вас побери!

Клеменз молча вернулся и снова сел на стул. Казалось, он вдруг постарел. Так на глазах стареет человек, только что понесший безвозвратную потерю. Эндрюз внимательно следил за гостем.

– С вами я всегда был предельно откровенен. Думаю, я поступал правильно, особенно если учесть специфику нашего положения. Поэтому мне кажется, что вы не будете особенно удивлены или огорчены, если я признаюсь, что не испытываю к вам ни малейшей симпатии.

– Да, – очень тихо и невыразительным тоном пробормотал Клеменз. – Это меня не удивляет.

– Я не испытываю к вам никакой симпатии, – повторил начальник колонии, – потому что вы непредсказуемы в своих поступках и суждениях, дерзки и, возможно, даже опасны. Вы получили известное образование и, без сомнения, от природы наделены немалым интеллектом, что делает вас намного опаснее обычного заключенного. Вы ставите под сомнение буквально все и слишком много времени проводите в одиночестве, а это плохой признак. Я много лет работаю с заключенными и накопил

немалый опыт, так что знаю, о чем говорю и чего мне следует опасаться. Обычный заключенный способен взбунтоваться, иногда даже может убить товарища, но самые серьезные проблемы создают внешне тихие, но умные враги. — Эндрюз с минуту помолчал, размышляя. — Как бы то ни было, вас назначили на этот пост, и мне приходится с вами мириться. Я лишь хотел бы, чтобы вы знали: будь моя воля и не нуждайся я в медике, ни за что не допустил бы вас к колонии ближе, чем на несколько световых лет.

— Я вам очень признателен.

— Клеменз, вы не могли бы придумать что-нибудь более оригинальное? Что-нибудь совсем новенькое? Попробуйте, например, направить вашу язвительность против самого себя. — Эндрюз поудобней устроился в кресле. — А теперь я хотел бы еще раз задать вам все тот же вопрос. Как человек, равный вам по интеллекту. Как человек, который вам не нравится, но которого вы уважаете. Как официальное лицо, которое в конечном счете отвечает за безопасность и спокойствие каждого жителя планеты, в том числе и ваше. Известно ли вам что-либо, что не мешало бы знать и мне?

— О чем?

Эндрюз про себя досчитал до пяти, потом заставил себя улыбнуться.

— Об этой женщине. Перестаньте играть со мной в кошки-мышки. Кажется, я достаточно четко обрисовал свою позицию, как личную, так и официальную — как начальника колонии.

— Почему вы полагаете, что мне известно о Рипли больше, чем вам?

– Потому что вы проводите с ней все свободное время. Я подозреваю, что при этом вами руководит не только долг врача. Уж слишком много внимания вы ей уделяете, а это не очень-то вяжется с вашими личными качествами. Вы сами говорили, что она вполне здорова и не нуждается во врачебной помощи. Или вы считаете, что я слеп? Я бы давно лишился этого поста, если бы не умел замечать малейшие отклонения от нормы, не правда ли? – И Эндрюз пробормотал вполголоса: – Отклонения от нормы у ненормальных.

Клеменз тяжело вздохнул.

– Так что же вы хотите знать?

– Вот так-то лучше, – одобрительно кивнул Эндрюз. – Не рассказывала ли она вам что-либо любопытное? Не о себе, конечно. На нее лично мне наплевать. Передавайтесь вдвоем воспоминаниям, сколько вам будет угодно, меня это совершенно не интересует. Я имею в виду, не рассказывала ли она что-либо о своих странствиях? Например, откуда она прилетела? Какое задание выполнила или выполняет? А больше всего меня интересует, какие черты занесли на спасательный корабль ее, истерзанного андроида, утонувшую шестилетнюю девочку и мертвого капрала и в какую преисподнюю провалился весь экипаж их космического лайнера? Если уж на то пошло, то куда подевался сам корабль?

– Она говорила, что входила в состав подразделения космических десантников. Их операция закончилась трагически. Последнее, что она помнит, как все они перешли в гиперсон. В тот момент

капрал был жив, а капсула девочки функционировала нормально. Я с самого начала был уверен, что девочка захлебнулась, а капрал был убит во время крушения корабля.

Кроме того, я полагал, что операция была секретной, и поэтому не расспрашивал Рипли слишком настойчиво. Сами знаете, она носит звание лейтенанта космических десантных войск.

– И это все? – не успокаивался Эндрюз.

– Все, – коротко ответил Клеменз, внимательно изучая пустую чашку.

– И больше ничего?

– Ничего.

– Вы уверены?

Клеменз поднял голову и без тени замешательства встретил взгляд начальника колонии.

– Совершенно уверен.

Эндрюз перевел взгляд на свои руки. Он ни секунды не сомневался, что Клеменз сказал ему далеко не все, что ему известно гораздо больше, и подумал, что неплохо было бы применить к фельдшеру меры физического воздействия. С другой стороны, от таких людей, как Клеменз, и физическим воздействием ничего не добьешься. Упрямство не позволяет ему признать, что у него давно не осталось человеческого достоинства, которое стоило бы защищать.

– Убирайтесь вон, – сквозь зубы проговорил Эндрюз.

Клеменз молча поднялся и второй раз направился к двери.

– Да, еще кое-что, – остановил его Эндрюз.

Клеменз оглянулся. Начальник колонии не сводил с него взгляда.

– Меня устраивает заведенный у нас порядок. Вас тоже. Однообразие вселяет в человека спокойствие и уверенность. Ежедневное выполнение одних и тех же обязанностей является самым мощным и самым безопасным наркотиком. Я не могу допустить, чтобы вверенное мне стадо взбесилось из-за женщины или каких-то происшествий. Или из-за вас.

– Как скажете, – не стал возражать Клеменз.

– Не забивайте себе голову фантастическими идеями. На Фиорине любая самодеятельность бесполезна и даже вредна. Не размышляйте слишком много. Это может повредить вашему положению в нашем крохотном обществе, особенно отношениям со мной, и ничего не принесет, кроме неприятностей. Ваши далекоидущие планы лучше держите при себе. Вы должны доказывать преданность нашей колонии и руководству Компании, а не постороннему человеку. И не впадайте в заблуждения, которые могут появиться у вас от скуки. Женщина скоро покинет Фиорину, а мы останемся. И вы, и я, и Диллон, и Эрон, и все остальные. Скоро снова все будет так же, как было до крушения спасательного корабля. Не рискуйте своим завидным положением ради преходящего увлечения. Вы меня поняли?

– Да. Ваша позиция ясна. Даже такому тупице, как я.

– Я не хочу, чтобы у нас возникли недоразумения с руководством Компании или с правительством, –

продолжал озабоченно рассуждать Эндрюз. — Я не хочу никаких недоразумений. В конце концов, мне платят именно за то, чтобы здесь не было никаких чрезвычайных происшествий. Некоторые социальные группы на Земле... неодобрительно смотрят на наше пребывание на Фиорине. С того самого момента, как мы взяли на себя функции смотрителей имущества Компании, у нас не было ни одного случая насильственной или преждевременной смерти. Понимаю, мы никак не могли предотвратить несчастный случай, но он испортит показатели в наших отчетах. А мне, мистер Клеменз, не нравится, когда что-то портит мои показатели. — По-прежнему не сводя взгляда с фельдшера, Эндрюз прищурился. — Вы поняли, что я хочу сказать?

— Очень хорошо понял, сэр.

— Скоро сюда прибудет бригада спасателей; они же будут заниматься расследованием обстоятельств крушения. Тот же корабль пополнит наши запасы. До прибытия корабля не сводите с лейтенанта глаз. Если заметите что-либо э-э-э... подозрительное, немедленно сообщите мне. Я ведь могу положиться на вас, не так ли?

— Так точно, — коротко ответил Клеменз.

На самом деле Эндрюз был далеко не уверен, что может положиться на Клеменза, просто ему нечего было больше сказать.

— Тогда хорошо. Мы поняли друг друга. Спокойной ночи, мистер Клеменз.

— Спокойной ночи, сэр.

Клеменз осторожно закрыл за собой дверь.

Ветры на Фиорине дули когда сильнее, когда слабей, иногда усиливаясь до урагана, изредка превращаясь в ласковое дуновение, но никогда не стихали совсем. Ветры с залива доносили до ближайших секторов горнообогатительного комплекса резкий запах морской воды. Иногда штормы и морские течения вырывали из океанских глубин иные, чуждые человеку запахи. Минуя все системы воздухоочистки, эти запахи настигали человека в любом убежище, напоминая ему, что эта планета предназначена не для посланцев далекой Земли, и она охотно уничтожила бы их, если бы смогла.

Люди редко выходили на поверхность Фиорины, предпочитая знакомые сооружения гигантского горнообогатительного комплекса мрачному однообразному ландшафту, подавляющему своей бескрайностью. Смотреть здесь было не на что, кроме накатывавшихся на черный песок темных волн. К счастью, даже эти волны не напоминали о том мире, в котором когда-то жили сегодняшние обитатели Фиорины. Такие воспоминания были бы тяжелей самых непосильных каторжных работ.

Ледяная вода кишела крохотными, мерзкими жалающими созданиями. Изредка люди отправлялись на рыбную ловлю, вернее, на промысел; это занятие помогало разнообразить их рацион, но не приносило никакого удовлетворения. В помещениях комплекса было тепло и сухо, а завывания ветра казались далекими звуками несыгранного оркестра, на которые не стоило обращать внимания. Иногда людям все же приходилось выходить наружу. Такие экскурсии

были всегда непродолжительны: перебегая из одного убежища в другое, заключенные старались вернуться в комплекс как можно быстрее.

Напротив, Рипли, шагая по куче мусора, сваленного в гигантскую яму, нарочно замедляла шаг, внимательно рассматривая все, что попадалось ей под ноги. В яму годами выбрасывали все, что оказывалось ненужным человеку. Рипли с трудом пробиралась между остовами машин, продырявленными цистернами, изношенными деталями буровых установок размером с небольшой грузовик, паутиной старых проводов в яркой изоляции, ржавыми трубами.

Порывы ветра усилились, и Рипли схватилась за воротник комбинезона, который подыскал для нее Клеменз. Свалке, казалось, не было ни конца, ни края, а пронизывающий холодный ветер мешал сосредоточиться и замедлял поиски.

И все же Рипли сразу заметила тонкие серебряные проводнички, торчавшие из недавно насыпанного холмика. Она опустилась на колени и принялась лихорадочно рыться в мусоре, отшвыривая сломанные железки, пакеты с отбросами и прочий хлам.

Бишоп.

Точнее то, что от него осталось. Детали андроида беспорядочно смешались с разным мусором, и Рипли пришлось проковыряться еще не меньше часа. Наконец она убедилась, что спасла все, что можно было спасти.

Она попыталась хотя бы предварительно разложить детали в том порядке, в каком их следовало

собирать. Результат оказался не просто неудачным, а прямо-таки обескураживающим. Отсутствовали большая часть лица и нижняя челюсть. Наверно, разбились вдребезги при аварии или затерялись в другой куче мусора. Детали шеи, левого предплечья и части спины каким-то чудом уцелели. Нашлись и фрагменты сенсорных устройств, оторвавшиеся от креплений.

Чувствуя себя ужасно одинокой, помрачневшая Рипли принялась аккуратно укладывать находки в сумку, которую принесла с собой.

Вдруг чья-то рука обвилась вокруг ее шеи. Кто-то грубо схватил ее за плечи. Появилась еще одна рука и лихорадочно вцепилась Рипли между ног. Перед ней возник мужчина. Он ухмылялся, и эта ухмылка не предвещала ничего хорошего.

Рипли вскрикнула, вырвалась из грубых объятий, ударила стоявшего перед ней заключенного рукой по лицу, а ногой в пах. Тот изумленно разинул рот и скорчился от боли. Однако Рипли тут же обхватили сильные руки Джуниора. Он легко оторвал ее от земли и под одобрительные смешки товарищей бросил на толстую ржавую трубу. Заключенные окружили Рипли, исходивший от них запах перебивал даже запах соли. Их глаза возбужденно блестели.

– Прекратите!

Грегор повернулся, увидел приближавшегося Диллона и, прищурившись, через силу ухмыльнулся:

– Запрыгивай в седло, старик. Хочешь быть первым?

– Я сказал – прекратите, – низким голосом, не

предвещавшим ничего хорошего, повторил Диллон.

– Эй, тебе-то какое дело? – бросил через плечо Джуниор, наваливаясь на задыхавшуюся Рипли.

– Это нехорошо.

– Пошел ты...

Диллон неожиданно рванулся вперед. Двое стоявших на его пути заключенных тут же оказались на земле. Джуниор развернулся и уже нацелился, чтобы своим огромным кулачищем нанести боковой удар, но Диллон легко уклонился, ударил противника в живот и выхватил металлический прут. Джуниор зашатался, пытаясь увернуться, однако прут уже опустился ему на голову. Второй удар был еще сильнее, и Джуниор рухнул как подкошенный.

Остальные сжались от страха, но Диллон каждому отвесил по удару. Потом он повернулся к Рипли и озабоченно спросил:

– С вами все в порядке?

Все еще задыхаясь, Рипли выпрямилась.

– Да-а-а. Понесла только моральный урон.

– Уходите, – обращаясь к Рипли, сказал Диллон. – Придется заняться воспитанием братьев. – Он жестом показал на заключенных. – Надо будет обсудить с ними некоторые проблемы спасения души.

Рипли кивнула, подняла сумку с тем, что осталось от Бишопы, и побрела назад. Проходя мимо лежавших на земле заключенных, она пнула Грегора ногой в лицо, отчего почувствовала некоторое облегчение, и продолжила путь.

7 Существует темнота ночи. Известна жестокая пустота снов, которую заполняет и освещает лишь наше воображение. Космическое пространство темнее ночи и более опустошено, чем наши сны, хотя его населяют и освещают миллионы триллионов ядерных очагов, как бы слабы и рассеяны они ни были.

Однако истинную темноту, полное отсутствие света можно найти лишь глубоко в чреве планет. Сюда даже по ошибке не забредает ни один фотон. Как говорилось в одном старинном стихотворении, “в безмерной черноте пещер”. Или в безмерной черноте тех пустот и полостей, что сам человек создает в толще планет, чтобы извлечь их богатства.

Небольшая – по сравнению со всей планетой, – но довольно внушительная для человеческого существа часть Фиорины была изрезана именно такими полостями и пустотами, которые пересекались под самыми разными углами подобно элементам гигантской невидимой головоломки и связывались друг с другом в запутаннейшую сеть. Структуру этой сети можно было понять лишь по схемам и картам, оставленным горняками.

Боггз высоко поднял пропитанный воском факел и поводит им из стороны в сторону. Тем временем Рейнз зажег очередную свечу. Эти люди не боялись темноты. Для них темнота была просто отсутствием света и ничем больше. К тому же в тоннелях было тепло, пожалуй, даже жарковато.

Рейнз поставил долгогорящую свечу на пол, ближе к стене. За их спинами тянулась длинная

полоса огоньков таких же свечей, очерчивавшая проделанный ими путь и указывавшая дорогу назад, к жилым секторам комплекса.

Голик сел на пол и прислонился к двери, вмонтированной в каменную стену тоннеля. На двери была укреплена табличка с частично стертой временем и людьми надписью:

**МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ ТОКСИЧНЫХ ОТХОДОВ
ГЕРМЕТИЗИРОВАНО
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН**

Фуражиров надпись вполне устраивала. У них не было ни малейшего желания быть непосторонними.

Рейнз расстелил на полу карту, опустил на корточки и в свете факела принялся за ее изучение. Карта представляла собой не просто сетку из разноцветных горизонтальных и вертикальных линий. На ней были отмечены совсем старые и сравнительно недавно прорубленные штреки, резервные проходы и даже очень узкие каналы, в которых могли разместиться лишь специальные машины и механизмы. Тут были изображены и тысячи пересекавшихся воздухопроводов. Каждый тип сооружения обозначался своим цветом.

Прежние вылазки многому научили заключенных, но никогда нельзя было исключить возможность, что очередная бригада фуражиров натолкнется на нечто совсем неожиданное. Достаточно малейшего сбоя в работе запоминающего устройства, и опаснейший вертикальный ствол окажется в десяти метрах от

обозначенного на карте места или даже в другом тоннеле. В лучшем случае карту можно было считать ненадежным проводником, плоховато знакомым с дорогой, поэтому фуражиры всегда продвигались очень медленно и осторожно, больше полагаясь на самих себя, чем на отпечатанные машиной ненадежные схемы.

Над картой склонился Боггз.

– Сколько?

Он старался говорить потише, и все же гладкие стены тоннеля далеко уносили громкое эхо его голоса.

Рейнз сверил карту со своими данными.

– Получается сто восемьдесят шесть.

– Давай вернемся и скажем, что ничего не нашли, – проворчал Боггз.

– Нельзя, – возразил Рейнз и показал на уходивший в бесконечность тоннель. – Мы должны дойти по крайней мере до конца штрека, иначе Диллон нам задаст.

– А как он узнает? Я ему не скажу. А ты, Голик?

Третий член бригады рылся в рюкзаке. Услышав свое имя, он поднял голову, нахмурился и издал низкий звук, который скорее всего означал недовольный вопрос.

– Так я и думал, – прокомментировал Боггз.

Голику попалась старинная машинка для набивки сигарет. Он сбил замок, откинул дверцу и принялся распахивать хорошо сохранившиеся сигареты по карманам. Само собой разумеется, жевать он при этом не переставал.

В жилых помещениях комплекса на беспрестанное чавканье Голика никто не обратил бы внимания, но в мертвой тишине узкого тоннеля этот звук казался оглушительно громким и напоминал скрип большого, плохо смазанного механизма.

– Ты не можешь жевать с закрытым ртом? – проворчал Боггз. – Или, еще лучше, заглатывать жратву целиком? Я пытаюсь понять, насколько здесь большое помещение и на самом деле тут хранилище опасных отходов или замаскированный под него тайник, а ты так дьявольски шумишь, что я никак не могу сосредоточиться.

Зашелестев картой, Рейнз бросил на Боггза неодобрительный взгляд.

– Мы здесь одни, но это еще не значит, что мы вольны забывать наши заповеди. Нельзя поминать всеу нечистую силу.

Боггз поджал губы.

– Извини. – Он сердито глянул на Голика, чего тот, естественно, не заметил. Безделье надоело Боггзу, он встал и всмотрелся в черноту тоннеля. – Этот сектор мы почти обошли. Большого от нас и не требовалось. Напомни, сколько свечей осталось? – Не дождавшись ответа, Боггз повторил: – Рейнз, сколько у нас свечей?

Рейнз не слышал товарища; уставившись в одну точку, он яростно скреб в затылке. Такая сильная нервная реакция не могла иметь никакого отношения ко вшам, потому что эти насекомые в шахтах вообще не водились. Это было настолько непохоже на Рейнза, что даже Голик перестал жевать, а Боггз невольно

посмотрел туда же, куда был устремлен взгляд товарища, — на отмеченный огнями свечей путь, что привел их сюда.

Свечи, указывавшие им обратную дорогу домой, гасли одна за другой.

— Какая сволочь гасит свечи?

Голик закрыл рот, тыльной стороной ладони смахнул приставшие к губам крошки и произнес:

— Ругаться нельзя.

— Заткнись. — Не страх, потому что в заброшенных тоннелях бояться было нечего, а обеспокоенность прозвучала в голосе Богтза. — “Сволочь” говорить можно. Я не хую Бога.

— Откуда ты знаешь? — с почти детским любопытством пробормотал Голик.

— Я недавно спрашивал об этом Диллона. А теперь заткнись.

— Диллону не понравится, если мы вернемся ни с чем, — машинально проговорил Голик.

Таинственность происходящего, очевидно, благотворно сказалась на разговорчивости Голика. Пусть болтает, решил Богтз, все лучше, чем постоянное чавканье.

— Не понравится, значит, не понравится, — сказал Богтз.

Он ждал, когда Рейнз зажжет второй факел. Голик неохотно затолкал в рюкзак то, что не успел проглотить, и встал. Все трое стали внимательно всматриваться в темный тоннель. Злоумышленника, задувавшего свечи, видно не было.

— Видно, свечи задуло обратным потоком воздуха.

Может, рядом вентиляционное отверстие? А может, на поверхности разразился ураган. Сам знаешь, что бывает, когда воздух ни с того, ни с сего начинает засасывать вниз. Черт! Если свечи погаснут, как мы узнаем, где находимся?

– У нас есть карта, – ответил Рейнз, для большей убедительности похлопав по планшету рукой.

– Ты надеешься, что карта приведет нас домой?

– Да нет, этого я не говорил. Я имел в виду, что пока мы не заблудились. Просто в некотором затруднении.

– Слушай, я не хочу испытывать никаких затруднений и не хочу торчать здесь ни одной лишней минуты.

– Я тоже, – покорно вздохнул Рейнз. – Сам понимаешь, что отсюда следует. Кому-то придется вернуться и снова зажечь все свечи.

– Или плюнуть на охоту и всем троим отправиться домой, – с надеждой в голосе добавил Боггз.

Рейнз заставил себя улыбнуться.

– Ага. Вот пройдем этот штрек до конца и повернем назад.

– Пусть будет по-твоему. – Скрестив на груди руки, Боггз всем своим видом показывал, что никуда идти не собирается. – Ты предложил, вот сам и топай зажигать свечи по новой.

– Понятно. Значит, выбор пал на меня.

Боггз повернулся к Голику:

– Отдай ему факел.

– Но тогда у нас останется один на двоих, – засомневался тот.

– Ничего страшного. – Боггз поводил факелом, показывая, что и одним можно осветить тоннель от стены до стены. – У нас еще остались свечи. Ну и потом, Рейнз-то скоро вернется, я правильно говорю?

– Вернусь, как только смогу. Это не займет много времени.

– Тогда валяй.

Голик без особого энтузиазма вручил Рейнзу свой факел и опустил на пол. Вдвоем с Боггзом они долго смотрели вслед товарищу. Рейнз быстро уходил вдаль, лишь на несколько секунд задерживаясь у каждой свечи. Все поставленные свечи оказались на месте. Погасивший их таинственный злоумышленник не оставил никаких следов.

Значит, действительно неожиданный порыв воздуха из системы вентиляции. Наверно, так, решил Рейнз. До него донесся раскатистый, приглушенный расстоянием голос Боггза:

– Эй, Рейнз, смотри под ноги!

По дороге сюда они наткнулись на пару вертикальных стволов и, конечно, нанесли их на карту, но, если очень торопишься, в темноте недолго и до беды.

Рейнз оценил предупреждение. Когда длительное время живешь в одной тесной компании, то знаешь, на кого можно положиться, на кого – нет. Впрочем, Боггз зря переживал. Рейнз продвигался вперед очень осторожно.

Впереди погасла еще одна свеча. Рейнз насторожился. Не было ни малейшего намека на самый слабый ветерок, абсолютно ничего, что указывало

бы на нисходящий поток воздуха. Отчего же еще могут гаснуть свечи? На Фиорине лишь немногие из живущих существ были способны более или менее долго жить в тоннелях. К их числу относилось и своеобразное примитивное насекомое, достаточно крупное, чтобы случайно сбить свечу. Но чтобы целый ряд? Рейнз недоумевающе покачал головой. К тому же это насекомое — тихоход.

Тогда в чем же дело?

За спиной Рейнза успокаивающе светили вторично зажженные свечи. Он выпрямился. До сих пор в тоннелях ничего сверхъестественного не замечалось. Рейнз поднял факел, посмотрел вдаль. Ничего.

Он опустился на колени, зажег следующую свечу и двинулся дальше. Свет факела отражался от гладких каменных стен тоннеля. И еще от чего-то угловатого и массивного.

Оно двигалось.

Двигалось быстро, даже слишком быстро. В свете факела оно казалось отлитым из блестящего черного металла с инкрустацией из зеркального стекла. Чудовище издало негромкий булькающий звук и бесшумно прыгнуло на Рейнза. Он так и не понял, кто это был. Ничего подобного он не видел, разве только в полузабытых, особенно страшных детских кошмарах.

Через долю секунды чудовище навалилось на Рейнза, и в этот миг самый страшный сон показался бы ему приятным воспоминанием.

Находившиеся метрах в ста Голик и Боггз услышали многократно повторенный эхом един-

ственный крик своего товарища. По спине Боггза потекли струйки холодного пота. Самое ужасное было в том, что крик оборвался не сразу, а стихал долго и медленно, как свисток уносящегося вдаль локомотива.

Боггз схватил факел и в панике ринулся по тоннелю дальше, как можно дальше от того места, откуда донесся крик Рейнза. Голик едва успевал за ним.

Если бы Боггзу сказали, что он может бегать так быстро, он бы ни за что не поверил. За считанные секунды он промчался не меньше сотни метров. Потом стало сказываться длительное отсутствие физических нагрузок: Боггз жадно глотал воздух, а факел плясал у него в руках, и отбрасываемые им тени метались по стенам, потолку и полу тоннеля. Когда Голик догнал Боггза, тот совсем выбился из сил и полностью потерял ориентацию. Лишь по счастливой случайности никто из них не провалился в открытую выработку или вертикальный ствол, соединяющий штреки разных уровней.

Заметно пошатываясь, Боггз схватил Голика за руку, развернул его лицом к себе. Голик был до смерти перепуган:

– Ты слышал? Это был Рейнз! Господи, как же он кричал!

– Да-а, – с трудом восстанавливая дыхание, отозвался Боггз. – Конечно, слышал. С ним что-то случилось. – Он поводит факелом вверх-вниз; пламя осветило лишь пустынный тоннель. – Надо ему помочь.

– Помочь? – У Голика округлились глаза. – Вот ты и помогай. А я хочу выбраться отсюда.

– Возьми себя в руки. Я тоже хочу выбраться. Только сначала нужно разобраться, где мы.

– А там разве не наши свечи?

Богтз повернулся, осторожно сделал несколько шагов. Ну конечно, отсюда была отчетливо видна уходящая вдаль дорожка колеблющихся огоньков.

– Черт побери! Должно быть, мы где-то свернули в боковой проход. Бежали по кругу. И вернулись...

Он оборвал себя на полуслове, в свете факела заметив человеческую фигуру. Человек неподвижно лежал у дальней стены тоннеля.

Это был Рейнз.

Остекленевший взгляд широко раскрытых глаз был устремлен не на товарищей, а просто в никуда, на лице его навсегда застыло выражение невыносимой муки, нечеловеческих страданий. Все остальное... все тело Рейнза...

Богтз почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота, и согнулся в неудержимом приступе рвоты. Ослабевшие пальцы выронили факел. Голик нагнулся, подобрал факел и, распрямляясь, случайно бросил взгляд на потолок тоннеля.

Там что-то было. Большое, черное, ловкое, оно словно прилипло к потолку. А морда... такая морда могла устроить кого угодно даже в аду. Парализованный страхом, раскрыв рот, Голик смотрел на чудовище, а оно, уцепившись задними конечностями за потолок, как гигантская летучая мышь, ловко свесилось вниз и в мгновение ока обхватило голову

Боггза длинными, невероятно гибкими пальцами передних лап.

Одним резким, судорожным движением чудовище оторвало Боггзу голову. Голику понадобилось бы больше времени и усилий, чтобы скрутить гайку с болта. Но человеческая голова – не шайба, и из обезглавленного туловища Боггза фонтаном хлынула кровь, забрызгав и оцепеневшего Голика, и чудовище, и тело Боггза. Голик, наконец, вновь обрел способность двигаться, но совсем утратил разум.

Чудовище с пугающим безразличием швырнуло голову Боггза на пол и медленно повернулось к единственному еще оставшемуся в живых представителю двуногих. В полумраке клыки монстра блестели, как слитки платины, извлеченной из чрева Фиорины.

Голик завертелся, потом с воем, словно за ним гнались легионы чертей, со всех ног ринулся как можно дальше от проклятого места. Ему было все равно, куда бежать, он не задумывался о том, свидетелем чего только что стал, но больше всего на свете он старался не оглядываться. Он не осмеливался оглянуться, он знал, за спиной его ждет такое...

На рабочем столе были аккуратно разложены останки Бишопа. Мощные потолочные лампы освещали каждую деталь. Все инструменты лежали наготове, каждый на своем месте. Больше всего Рипли обескураживало невероятное множество оборванных оптических волокон, которые были не толще человеческого волоса.

Некоторые волокна Рипли просто соединила, как могла. Она умела многое, но ремонтом микроскопических деталей электронных устройств не занималась ни разу в жизни. Уйма времени ушла на подсоединение мелких деталей, на герметизацию и изоляцию, на проверку контактов. Ей оставалось лишь надеяться, что все самые надежные детали и соединения не окажутся абсолютно недоступными ее пониманию.

Рипли вытерла пот со лба и оглядела плоды своего труда. Получилось вроде бы не так плохо, но это еще ничего не значило. Во всяком случае шанс на частичное оживление андроида теоретически сохранялся. Впрочем, теоретически она сама никак не должна была оказаться в столь сложном положении.

Пока не попробуешь включить, ничего не узнаешь. Рипли еще раз проверила самые важные соединения и щелкнула тумблером. Где-то заискрило так, что она вздрогнула. Рипли поправила контакты и снова включила тумблер. Теперь обошлось без вспышек.

Она осторожно ввела пучок оптических волокон в то, что по ее догадкам должно было быть функционирующим контактным гнездом с автоматическим подбором контактов. Красные цифры на светодиодном экранчике стоявшего рядом контрольного устройства скачком изменились от нуля почти до восьми. Рипли щелкнула другим выключателем: изображение задрожало, но цифры на экранчике остались те же.

Моргнул единственный уцелевший глаз андроида. Рипли наклонилась и шепотом приказала:

– Включить речевое взаимодействие. Произвести последовательное самотестирование.

Позднее она сама не смогла объяснить, почему произнесла команду шепотом.

В изрядно побитой голове андроида что-то зашуршало. На контрольном устройстве ободряюще замигали новые светодиоды. Из искусственной гортани вырвалось нечленораздельное бормотание, а коллагеновые губы медленно зашевелились.

Рипли осторожно залезла пальцами в открытую глотку, поправила детали. Нечленораздельные звуки стихли, а единственный глаз сфокусировался на ее лице.

– Рипли.

Она с облегчением вздохнула. Значит, андроид способен видеть, узнавать, у него сохранились память и согласованность функций. Наружные слуховые органы выглядели довольно прилично; правда, это еще ничего не значило. Самое главное – состояние внутренних систем.

– Привет, Бишоп, – сказала Рипли и сама поразилась сердечности своего тона. Ведь она обращалась не к человеку. – Пожалуйста, сообщите предварительные результаты самотестирования.

Последовала довольно продолжительная пауза, потом к удивлению Рипли единственный глаз выразительно завертелся в глазнице.

– Хуже некуда. Двигательные функции отсутствуют, внечерепные периферийные системы не откликаются, перспективы выполнения запрограммированных операций равны нулю. Сенсорные

системы выполняют минимум операций на самом низком уровне. Боюсь, самодиагноз получился не слишком оптимистичным.

– Горько слышать это, – призналась Рипли. – Очень хотелось бы, чтобы все было иначе.

– Мне тоже, только еще сильнее.

– Вы что-нибудь чувствуете?

– Да. Боль в ногах.

Рипли поджала губы.

– Извините, что...

– Вашей вины здесь нет. Моделирование боли – всего лишь сигнал, который дает ориентировочные сведения о моем состоянии, хотя эти сведения, по-видимому, нуждаются в уточнении. Моя оценка верна?

– Боюсь, что да. – Рипли попыталась улыбнуться. – К сожалению, ваши ноги, как и большинство других частей тела, безвозвратно утрачены.

– Плохо. Терпеть не могу, когда бессмысленно теряются плоды высококвалифицированного труда. Впрочем, это не так уж важно. В конце концов, я – всего лишь несколько усложненный вариант тостера. А как ваши дела? Мне нравится ваша новая прическа. Теперь ваша голова напоминает мою до того, как на ней установили всякие аксессуары. Правда, моя блестела меньше.

– Я вижу, ваше чувство юмора не пострадало.

Единственный глаз мигнул.

– Как я уже сказал, основные функции мозга сохранились. В интерпретаторе моего запоминающего устройства юмор занимает очень небольшой объем.

– С этим я не могу согласиться, – сказала Рипли и перешла на более серьезный тон. – Бишоп, мне нужна ваша помощь.

Из коллагеновых губ вырвался нечленораздельный звук.

– Только не рассчитывайте на что-то существенное.

– От вас не потребуются глубокого анализа. Моя проблема проще. На планете, где мы с вами сейчас находимся, нет необходимых систем дешифровки. Мне нужно знать, можете ли вы получить доступ к банку данных бортового регистратора аварийно-спасательного корабля?

– Проще простого. Зачем вам это нужно?

– Долго объяснять. Вы скорее поймете, ознакомившись с этими данными. А потом расскажете мне.

Бишоп покосился на Рипли единственным глазом.

– Понятно. Вам придется подключиться непосредственно к мозгу, поскольку мои периферийные системы исчезли.

– Знаю. Я уже все подсоединила... Надеюсь, что все.

– Тогда подключайте!

Рипли взялась за тоненький проводок, связанный с черным ящиком, и в нерешительности наклонилась к голове андроида.

– Раньше я никогда ничего подобного не делала. Вам не будет больно или неприятно?

– Напротив, я надеюсь, что буду чувствовать себя лучше.

Рипли кивнула, осторожно закрепила проводок в

одном из гнездышек на затылке Бишопа и слегка подергала, чтобы лишний раз убедиться в надежности контакта.

– Щекотно, – сказал андроид.

Рипли отдернула руку.

– Я же просто пошутил, – ободряюще улыбнулся андроид. – Начинайте.

Бишоп закрыл единственный глаз и, стараясь сосредоточиться, наморщил то, что осталось от его широкого лба. Рипли понимала: это означает лишь то, что у Бишопа сохранились какие-то обрывки косметических программ, но все же ей было приятно видеть, что андроид старается выполнять не только основные функции.

Через несколько минут Бишоп пробормотал:

– Я готов. Потребовалось больше времени, чем я предполагал. Пришлось обходить поврежденные участки.

– Я проверила регистратор, как только нашла его. Все было в порядке.

– Регистратор в порядке. Я имел в виду поврежденные участки в самом себе. Что именно вы хотите знать?

– Все.

– Бортовой регистратор Макнари, модель OV-122, заводской номер FR-3664874, установленный...

– Бишоп, где ваши цепи интуиции? Вы же отлично понимаете, что я имею в виду. Меня интересует все с момента включения аварийного сигнала. Что произошло на «Сулако»? Почему были выброшены наши капсулы?

Андроид заговорил другим голосом, на этот раз бесстрастно-механическим:

– В отсеке для гиперсна накапливаются взрывоопасные газы. Пожар в отсеке для гиперсна. Всем членам экипажа незамедлительно погрузиться на аварийно-спасательные корабли. – Бишоп снова перешел на свой голос: – Эти объявления повторяются много раз без существенного изменения содержания и смысла. Хотите прослушать их все?

Рипли напряженно размышляла.

– Нет, пока достаточно. Взрывоопасные газы? Откуда они появились? И что послужило причиной пожара? – Не дождавшись ответа от андроида, она забеспокоилась: – Бишоп! Вы слышите меня?

Раздалось какое-то жужжание, потом зазвучал глухой, искаженный голос андроида:

– Прошу прощения. Это оказалось сложнее, чем я думал. Подключение питания и работа резко ослабляют поврежденные участки. Я теряю память и скорость отклика. Не знаю, как долго мне удастся продержаться. Рекомендую задавать короткие, четко сформулированные вопросы.

– Бишоп, попытайтесь продержаться еще немного, – озабоченно попросила Рипли. – Меня интересовало сообщение о пожаре.

– Пожар... тр-р-р-р... да, пожар. Возник из-за повреждения электрооборудования непосредственно под отсеком для гиперсна. Под воздействием какого-то катализатора поврежденные материалы стали выделять взрывоопасные газы. Система вентиляции полностью вышла из строя. Сложилась ситуация,

угрожающая жизни людей, и компьютер принял решение об эвакуации. Сразу после нее на «Сулако» произошел взрыв, зарегистрированный приборами аварийно-спасательного корабля, причем последний также получил повреждения. Именно по этой причине мы не смогли осуществить нормальную посадку на эту планету. Состояние и местонахождение «Сулако» в настоящее время неизвестны. В банке данных имеются детали полета от «Сулако» до этой планеты.

– К черту детали! Не зарегистрировали ли сенсорные устройства «Сулако» каких-нибудь подвижных живых организмов непосредственно перед аварийной эвакуацией?

Бишоп долго молчал, потом медленно заговорил:

– Рипли, здесь очень темно. Внутри. Мне не нравится, когда внутри меня темно. Какие-то участки непрерывно отключаются даже в процессе нашего разговора. Становится все труднее рассуждать, приходится переключаться на чистую логику. Мне это не нравится. Работа чрезмерно упрощается. Меня конструировали не для такой ерунды. Я уже не то, чем был раньше.

– Бишоп, потерпите еще немного, – настаивала Рипли. Она попробовала повысить напряжение, но в результате лишь немного расширился зрачок единственного глаза андроида, и Рипли поспешно вернулась к нормальному уровню. – Вы знаете, о чем я спрашиваю. Есть ли в банке данных бортового регистратора сведения о наличии на борту «Сулако» какого-либо живого существа, кроме четырех, сумев-

ших пережить экспедицию на Ахеронт? Была ли на борту чужая тварь? Бишоп!

Андроид молчал. Рипли еще раз обратилась к контрольному устройству, проверила режим питания. Глаз Бишопа ожил.

– Отвяжитесь. Я все еще в банке данных регистратора. Вот и ответы. Просто мне требуется все больше и больше времени, чтобы их отыскать. Чтобы ответить на ваши вопросы. Отвечаю – да.

Рипли глубоко вздохнула. Ей показалось, что комната вдруг стала намного меньше, что стены сдвинулись и всей своей тяжестью навалились на нее. Правда, нельзя сказать, чтобы и раньше она чувствовала себя в стенах лазарета в безопасности. Уже давно она не чувствовала себя в полной безопасности нигде.

– Тварь осталась на «Сулако» или вместе с нами прилетела на аварийно-спасательном корабле?

– Она была с нами всегда.

В голосе Рипли почувствовалось напряжение:

– Компания знает?

– Компания знает все, что происходило на корабле с того момента, как он покинул Землю и направился на Ахеронт. Если «Сулако» уцелел, то Компании известно, что происходит на его борту и сейчас. Регистратор передает все данные в главный компьютер, который имеет постоянную двустороннюю связь с галактической сетью.

Рипли овладело чувство глубокой безысходности. Все это она уже видела, уже переживала. Смертельно опасная игра продолжалась. Однажды в аналогичной

ситуации Рипли уже пыталась бороться с Компанией и видела, как реагировало ее руководство. В этой безликой организации всепоглощающая страсть к наживе давно победила здравый смысл и человеколюбие. На Земле люди старели и умирали, их место в администрации занимали более молодые, но сама Компания была бессмертна. Так будет продолжаться бесконечно. Почему-то Рипли сомневалась, что время внесло какие-либо существенные изменения в политику Компании, не говоря уж о ее моральных устоях. Впрочем, даже если она ошибалась, полагаться на авось она не имела права.

– Компания все еще хочет получить живую тварь?

– Не знаю. Я не запрограммирован на расшифровку секретных программ Компании. По крайней мере мне кажется, что хочет. Но точно сказать не могу. Я чувствую себя не очень хорошо.

– Бишоп, сделайте одолжение, постарайтесь найти такие сведения, поищите получше.

Рипли терпеливо ждала.

– Прошу прощения, – наконец отозвался андроид. – Сейчас здесь нет никаких данных. Это не значит, что не было и раньше. Я уже не в состоянии получить доступ к участкам, в которых с самого начала хранилась информация такого рода. Я очень хотел бы вам помочь, но в сегодняшнем состоянии мои возможности крайне ограничены.

– Чепуха. Программы вашей индивидуальности целы. – Рипли наклонилась и ласково прикоснулась к голове андроида. – Здесь сохранилось еще очень

много от прежнего Бишопа. Я спасу ваши программы. Емкости здешних запоминающих устройств предостаточно. Если мне в конце концов удастся выбраться с этой планеты, я обязательно заберу вас с собой. Вас снова поставят на ноги.

— Как вы собираетесь спасти мою индивидуальность? Переписать ее на стандартное запоминающее устройство? Я знаю, что это значит. Ни сенсорного входа, ни осязательного выхода. Слеп, глух, туп и неподвижен. Люди называют такое состояние забвением. Знаете, как его называют андройды? Болото. Электронное болото. Нет, благодарю. Лучше исчезнуть вообще, чем жить полным идиотом.

— Бишоп, вы не станете идиотом. Для этого вы слишком сильны.

— Силен? Я силен ровно настолько, насколько крепко мое тело и надежны кибернетические системы. Тела уже нет, а кибернетика быстро исчезает. Уж лучше остаться в памяти людей целым андроидом, чем превратиться в высушенную мумию. Я устал. Мысли ускользают. Сделайте одолжение, отсоедините питание. В принципе меня можно реставрировать, затолкать в новую оболочку, но при этом неизбежны омматотические повреждения, а они могут сопровождаться потерей индивидуальности. Прежний уровень для меня недостижим. Я бы не хотел вернуться к жизни в худшем качестве. Представляете, что это значит — стать намного менее совершенным, чем прежде? Нет, благодарю. Я предпочту небытие.

Рипли все еще колебалась.

— Вы уверены?

– Рипли, выполните мою просьбу. Не забывайте, вы у меня в долгу.

– Я ничего вам не должна, Бишоп. Вы всего лишь машина.

– На Ахеронте я спас и вас и девочку. Выполните мою просьбу... Прошу вас как друга.

Рипли неохотно кивнула. Одиноким глаз моргнула в последний раз и медленно закрылся. Когда Рипли отключила питание, не последовало никакой реакции: ни подергивания, ни гримас. Голова снова лежала на столе неодушевленным предметом.

– Извините, Бишоп, но вы вроде старого калькулятора. Привычного и удобного. Если представится случай и вас можно будет реставрировать, я непременно так и сделаю. Если же нет, что ж, спите спокойно – хотя, признаться, я понятия не имею, что такое сон андроида, – и не пытайтесь вызвать сны. Если получится, я к вам вернусь.

Рипли выпрямилась и долго смотрела на стену прямо перед собой. Там висело голографическое изображение небольшого домика, крытого тростником. Домик был окружен живой изгородью из зеленых деревьев и кустарников. Перед фасадом домика журчал ручеек с прозрачной зеленовато-голубой водой, а вверху ветер гнал облака. На глазах Рипли небо потемнело, и огненный закат окрасил домик в мрачные тона.

Руки Рипли нервно забегали по крышке стола и наткнулись на прецизионный экстрактор. С неистовым воплем отчаяния она швырнула прибор в голограмму со всей силой, на какую только была

способна. Преувеличенно идиллическое изображение треснуло и со звоном разлетелось на сотни сверкающих осколков. Рипли почувствовала большое облегчение.

На куртке и лице Голика кровь почти запеклась, превратившись в густую, вязкую массу, но время от времени тяжелые темные капли все еще падали на обеденный стол. Голик сосредоточенно поглощал рассыпанную кашу и лишь раз оторвался от тарелки, чтобы добавить немного сахара. Он не сводил взгляда с подноса, но не видел его. То, что он видел, находилось глубоко внутри его сознания. Это были сугубо личные переживания.

Со стопкой тарелок в столовую вошел дежурный повар по имени Эрик. Он направился было к ближайшему столу, но тут его взгляд упал на Голика. Эрик остановился как вкопанный. Он потерял дар речи и, раскрыв рот, молча смотрел на товарища. К счастью, тарелки были небьющиеся. Достать новые тарелки на Фиорине целая проблема.

– Голик? – пробормотал наконец Эрик.

Голик продолжал жевать, будто ничего не слышал и не видел.

Грохот посыпавшихся на пол тарелок привлек внимание всех, кто находился поблизости. Вбежав в столовую, Диллон, Эндрюз, Эрон, Морс и еще один заключенный, Артур, вместе с остолбеневшим поваром молча уставились на Голика.

В конце концов Голик заметил всеобщее внимание. Он поднял голову и бессмысленно, по-идиотски оскалил зубы.

Когда его привели в лазарет, там не было никого, кроме Рипли. Она молча смотрела, как Диллон, Эндрюз, Эрон и Клеменз укладывают Голика, уже в смирительной рубашке, на больничную койку. Все его лицо было в крови, правда, уже запекшейся, а глаза беспрестанно что-то выискивали, ненадолго задерживаясь то на вентиляционной решетке, то на потолке, то на двери.

С помощью салфеток, мягкого полотенца, безвредного растворителя и дезинфицирующего состава Клеменз принялся, как мог, отмывать Голика. Оказалось, что по крайней мере физически Голик не так уж сильно пострадал. Тем временем Эндрюз, Эрон и Диллон привязали его к койке. Голик ни на секунду не закрывал рта:

— Ладно, не хотите, можете меня не слушать. Можете мне не верить. Теперь все равно. Теперь уже все все равно. А вы, благочестивые ублюдки, все сдохнете. Зверь восстал и пожирает человечину. Никто его не остановит. Час настал. — Голик перевел взгляд на потолок. — Я его видел. Он смотрел на меня. У него нет глаз, но даже без глаз он все равно смотрел на меня.

— Что с Боггзом и Рейнзом? — мягко, но настойчиво спрашивал Диллон. — Где они? Что с ними случилось?

Голик заморгал, безумным взглядом окинул стоявших вокруг койки людей.

— Я ничего не делал. Это было в тоннеле. Они ничего не могли поделать, ничего. И я тоже ничем не мог им помочь, сам еле спасся. Это все дракон. Он

открыл им головы как цыплятам. Но это не я. Почему меня всегда ругают даже за то, чего я не делал? Никто не мог помешать дракону. – Голик засмеялся и зарыдал одновременно. – Никто ничего не может сделать, ничего, ничего!

Клеменз тем временем отмывал Голику затылок, а Эндрюз бесстрастно смотрел на то, что совсем недавно было человеком. Точнее, не совсем человеком, но все же чем-то вроде того. Конечно, происшествие не из приятных, но Эндрюз был спокоен. В таких случаях не на кого сердиться.

– Типичное буйное помешательство. Не хочу сказать, что кто-то допустил оплошность, но Голика давно следовало обуздать. Не в буквальном смысле слова, разумеется. – Начальник колонии повернулся к Клемензу. – Я имею в виду седативные средства. Мистер Клеменз, раньше вы замечали за ним что-то, какие-то отклонения?

– Сэр, вы знаете мои возможности. Я не ставлю диагноз. Я только рекомендую лечение.

Клеменз почти закончил работу. Теперь Голик выглядел намного лучше – если не заглядывать ему в глаза.

– Да, конечно. Ведь психоанализ не по вашей части. Если кто-то и должен был обратить на него внимание, то в первую очередь я.

– Вы слишком строги к себе, сэр, – сказал Эрон.

– Ни в коей мере. Просто хотелось выразить свое сожаление. Иногда внешне человек кажется вполне нормальным, но в его сознании уже тлеет огонек безумия; тогда достаточно слабого толчка, какого-

нибудь ничтожного стимула, чтобы невидимый огонек вспыхнул и ярким пламенем вырвался наружу. Вроде семян некоторых пустынных растений, которые прорастают раз в десять-двенадцать лет, когда выпадает дождливый год. — Эндрюз вздохнул. — Как бы я хотел сейчас постоять под обычным ласковым дождем.

— Вы совершенно правильно оценили ситуацию, сэр, — вставил Эрон. — Этот безмозглый урод ни с того ни с сего просто сбрендил.

— Мистер Эрон, я всегда с большим удовольствием слушаю, как вы украшаете свою речь выразительными анахронизмами, — Эндрюз искоса взглянул на своего заместителя. — Кажется, он немного успокаивается. Постоянное введение транквилизаторов — дорогое удовольствие, к тому же их повышенный расход нам следует отражать в отчетах. Мистер Диллон, давайте попробуем на время изолировать больного, а потом посмотрим, даст ли такая изоляция благотворный эффект. Я против того, чтобы Голик сеял панику среди моих подопечных. Клеменз, утихомирьте этого несчастного психа, чтобы он не навредил ни себе, ни другим. Мистер Диллон, я полагаюсь на вас в отношении контроля за больным после того, как его выпишут из лазарета. Будем надеяться, что скоро его состояние улучшится. Это облегчило бы многое.

— Слушаюсь, господин начальник. Только надо бы подождать с транквилизаторами, пока мы не узнаем от него о двух других братьях.

— От этого психа мы ничего путного не узнаем, —

возразил Эрон, с отвращением глядя на дрожавшего от страха Голика.

– Надо попытаться. – Диллон наклонился, стараясь уловить взгляд Голика. – Соберись с мыслями, брат. Расскажи мне. Где другие наши братья? Где Рейнз и Богтз?

Голик облизал искусанные в кровь губы. Несмотря на принятые Клемензом меры, они все еще кровоточили.

– Рейнз? – прошептал Голик. Наморщив лоб, он отчаянно пытался вспомнить. – Богтз? – Вдруг его глаза округлились, он вздрогнул и удивленным взглядом окинул стоявших вокруг его койки, как будто видел их в первый раз. – Это не я! Я этого не делал! Это... это...

Он снова истерично зарыдал, время от времени громко всхлипывая и издавая нечленораздельные звуки.

Эндрюз расстроено покачал головой:

– Безнадёжно. Мистер Эрон прав. Вы от него ничего не добьетесь, по крайней мере сейчас. А ждать, когда он придет в себя, мы не имеем права.

Диллон выпрямился.

– Как скажете, господин начальник.

– Нужно послать поисковую группу. Включить в ее состав разумных людей, не боящихся темноты и друг друга. Как это не прискорбно, приходится признать: вполне вероятно, что их убил этот сумасшедший ублюдок. – Эндрюз немного помолчал. – Если вы хотя бы отчасти знакомы с его делом, то должны знать, что такой сценарий не за пределами возможного.

– Сэр, не надо обвинять Голика, пока мы не имеем доказательств, – возразил Диллон. – Мне он никогда не лгал. Он ненормальный. Он дурак. Но не лжец.

– Я могу понять ваши искренние намерения, мистер Диллон, но вы слишком добры по отношению к своим братьям-заключенным. – Эндрюз с трудом удержался от более язвительного замечания. – Лично я считаю Голика недостойным вашего доверия.

Диллон сжал губы.

– Сэр, я далеко не наивный ребенок. Я достаточно хорошо знаю Голика и намерен за ним присматривать, чтобы помочь бедняге.

– Хорошо. Мне не хотелось бы, чтобы из-за одного сумасшедшего у нас продолжали бесследно исчезать люди.

Рипли встала и подошла к мужчинам. Все как по команде повернули головы в ее сторону.

– Вполне вероятно, что больной говорит правду. – Клеменз изумленно смотрел на Рипли, но она не обращала на него внимания. – Мне нужно поговорить с ним об этом драконе.

Ответ Эндрюза был категоричен:

– Лейтенант, вы не будете говорить ни с кем. Меня не интересует ваше мнение, потому что вы не знаете фактической стороны дела. – Он показал на Голика. – Этот человек признан виновным в совершении нескольких преднамеренных убийств и других особенно жестоких и тяжких преступлений.

– Я этого не делал! – пробормотал Голик, беспомощно барахтаясь в смиренной рубашке.

Эндрюз оглянулся:

– Мистер Диллон, разве я не прав?

– Да, – неохотно согласился Диллон. – В какой-то мере правы.

Рипли не сводила серьезного взгляда с начальника колонии.

– Мне также необходимо переговорить с вами. Это очень важно.

Эндрюз с минуту подумал, потом сказал:

– Когда я закончу свои неотложные дела, буду рад немного поболтать с вами. Не возражаете?

Рипли, казалось, хотела что-то возразить или добавить, но промолчала и лишь кивнула.

8 Эрон решил позаботиться о воде, поставив на стол графин и наполнив стаканы. Впрочем, он мог бы и не утруждать себя. Как только Рипли начала говорить, все забыли о таких мелочах, как жажда.

Рипли рассказывала подробно, не упуская ни одной детали. Она начала с обнаружения яиц чужих тварей в отсеке гигантского космического корабля (откуда он прилетел, так и осталось тайной) и гибели всего экипажа «Ностромо». Она объяснила, как ей удалось спастись, описала экспедицию на Ахеронт, также закончившуюся трагически, и ее бегство вместе с теперь тоже погибшими друзьями.

Стороннему наблюдателю способность Рипли помнить каждый мелкий инцидент, все подробности трагических событий могла бы показаться поразительной. Для самой Рипли это было большой

проблемой: при всем желании она не могла ничего забыть.

Рипли кончила, но еще долго в кабинете начальника колонии стояла тишина. Внимательно наблюдая за реакцией Эндрюза, Рипли выпила полстакана очищенной воды. Начальник колонии сложил руки на животе и наконец сказал:

– Давайте проверим, правильно ли я вас понял, лейтенант. Если верить вашим словам, то мы имеем дело с неким хищным насекомым ростом восемь футов, в организме которого содержится чрезвычайно едкая жидкость. Это насекомое прибыло к нам на вашем корабле.

– Мы не можем утверждать, что это существо – насекомое, – поправила его Рипли. – Такая аналогия напрашивается сама собой, но это лишь предположение, не более того. Твари не склонны облегчать человеку изучение их таксономии. Трудно препарировать существо, которое растворяет инструменты, даже будучи мертвым, а живое старается сожрать исследователя или замуровать его в кокон. На Ахеронте колонисты прилагали отчаянные усилия, стараясь что-то узнать о тварях. Но безрезультатно. Чудовища опередили, расправившись с людьми. К сожалению, вся документация была уничтожена при взрыве термоядерного реактора. Мы очень мало знаем о чужих тварях и можем сделать лишь несколько выводов.

Более или менее уверенно можно сказать только одно: чужие твари создают биосоциальную систему, которая в общих чертах аналогична системам земных

социальных насекомых, например, муравьев, пчел и некоторых других. Этим все наши познания и ограничиваются. По уровню развития чужие твари намного превосходят любых членистоногих, хотя в настоящее время трудно сказать, обладают ли они разумом в том смысле, в каком понимаем это слово мы. Я почти уверена, что у них хорошо развито обоняние. Не исключено, что у них имеются и другие системы восприятия, которые могут быть нам абсолютно неизвестны.

Они невероятно быстры, сильны и выносливы. Я сама была свидетельницей того, как одна из тварей оставалась живой и невредимой в глубоком космическом вакууме, пока мне не удалось поджарить ее выхлопными газами двигателей аварийно-спасательного корабля.

– Стало быть, тварь убивает человека, едва его завидев, и вообще она – зловредная штучка, – закончил за Рипли Эндрюз. – Это ваши слова. И разумеется, вы надеетесь, что я поверю этой совершенно фантастической истории, полагаясь только на ваш рассказ.

– Вы совершенно правы, сэр, – быстро поддакнул Эрон. – Изумительная сказка! Никогда не слышал ничего подобного.

– Нет, на это я не надеюсь, – спокойно ответила Рипли. – Я уже имела дело с вам подобными.

Эндрюз ответил без тени обиды:

– Пусть будет так. Предположим, я поверил всему, что вы рассказали, точнее, не всему, а самому главному. Что тогда, по вашему мнению, нам нужно

делать? Написать завещания и послушно ждать, когда нас съедят?

– Возможно, для кого-то это было бы самым разумным выходом, – ответила Рипли, – но не для меня. С тварями можно бороться. Их можно уничтожить. Каким оружием вы располагаете?

Эндрюз расцепил пальцы и развел руками:

– Здесь исправительно-трудовое учреждение. Хотя на Фиорине некуда бежать, все же давать заключенным в руки оружие не стоит. Кому-то может, например, прийти в голову мысль с помощью оружия захватить шаттл, доставляющий нам припасы. Или какая-то другая сумасшедшая идея. Когда нет оружия, нет и соблазна украсть его и пустить в ход.

– У вас вообще нет никакого оружия?

– К сожалению. Как я уже сказал, Фурия-361 – современное и вполне цивилизованное исправительно-трудовое учреждение. Основой нашего существования является доверие. Наши заключенные совершили очень тяжкие преступления, но здесь они не просто расплачиваются за свои долги перед обществом. Они активно заботятся о сохранности имущества Компании. А руководство Компании полагает, что оружие только напугает заключенных и плохо скажется на их добросовестном отношении к труду. Как вы думаете, почему здесь только два надзирателя – Эрон и я? Если бы не наша система взаимного доверия, с этой бандой не справились бы и двадцать вооруженных до зубов надзирателей. – Эндрюз немного помолчал и уже спокойнее добавил: – Большие разделочные ножи есть на скотобойне,

на кухне и в столовой. Кое-где сохранились пожарные топоры. Как видите, не Бог весть какое устрашающее оружие.

Рипли упала на стул и обреченно пробормотала:

– Значит, мы пропали.

– Нет – пропадете вы – пока на время, – холодно ответил начальник колонии. – Вы останетесь в лазарете. У вас карантин.

– Но почему? – поразилась Рипли.

– Потому что с первой минуты вашего появления на планете вы только создаете новые проблемы, а с меня вполне хватает старых. С тем, что произошло, я обязан разобраться и обязательно разберусь, но я буду чувствовать себя спокойней, если буду знать, где вы находитесь. Заключение и без того взбудоражены сверх всякой меры. Если вы станете порхать, где вам заблагорассудится, и всюду совать свой нос, то обстановка в колонии дестабилизируется в еще большей степени.

– Вы не посмеете. Я не сделала ничего плохого.

– Я и не сказал, что вы сделали что-то плохое. Я ограничиваю вашу свободу передвижения исключительно ради вашей же безопасности. Здесь за все отвечаю я, и в данном случае я пользуюсь правами, которые дает мне положение начальника колонии. Когда вернетесь на Землю, можете вместе с комиссией по расследованию подать на меня официальную жалобу. – Эндрюз покровительственно улыбнулся. – Весь лазарет будет в вашем распоряжении, лейтенант. Думаю, там на вас никакое кошмарное страшилище не нападет. Правильно? Вот и хорошо, вот и

договорились. Славная девочка. Мистер Эрон вас проводит.

Рипли встала.

– Вы приняли опасное решение.

– Почему-то я надеюсь, что последствия моего решения колония переживет. Эрон, как только проводите лейтенанта в ее новую квартиру, приступайте к организации поисковой группы. Как можно скорей. Пока мы не располагаем ничем, кроме спятившего Голика. Не исключено, что Богтз и Рейнз всего лишь ранены и ждут нашей помощи.

– Слушаюсь, сэр.

– Эндрюз, вы ошибаетесь, – сказала Рипли. – Вы абсолютно неправы. В тоннеле никто не мог остаться в живых.

– Увидим.

Эрон вывел Рипли из кабинета. Начальник колонии проводил их взглядом.

Расстроенная и разозленная Рипли сидела на койке. Клеменз стоял рядом. Громкоговоритель интеркома донес до них громкий голос Эрона:

– Всем собраться в помещении столовой. Приказ мистера Эндрюза. Всем немедленно в столовую, живей.

Короткое сообщение заместителя начальника колонии завершилось негромким треском статических помех.

Рипли бросила взгляд на Клеменза:

– Есть ли какой-нибудь способ сбежать с Фиорины? Аварийный челночный корабль? Любой способ, только бы удрать ко всем чертям.

Клеменз покачал головой.

– Это же колония, ты забыла? Отсюда не удерешь. Грузовой корабль приходит раз в полгода.

– И это все? – Рипли совсем сникла.

– Но тебе-то не о чем волноваться. Думаю, очень скоро сюда пришлют специальный корабль, чтобы забрать тебя и расследовать всю эту историю.

– В самом деле? Когда?

– Не знаю. – Очевидно, Клеменза беспокоила не смерть несчастного Мерфи, а что-то иное. – До сих пор сюда никто не торопился. В любом случае кораблю придется сделать большой крюк, а изменить маршрут всякого корабля нелегко и чертовски дорого. Ты не хочешь рассказать, о чем вы болтали с Эндрюзом?

Рипли отвернулась:

– Нет, не хочу. Ты подумаешь, что я сошла с ума.

Потом ее внимание привлек Голик. В кататоническом состоянии он стоял в дальнем углу и отсутствующим взглядом смотрел на стену. Сейчас он выглядел чуть лучше, чем в тот момент, когда его привели в лазарет.

– Это немножко нечестно, – пробормотал фельдшер. – Как ты себя чувствуешь?

Рипли облизала пересохшие губы.

– Не блестяще. Подташнивает и живот болит. Очень противно.

Клеменз выпрямился и кивнул, как бы подтверждая собственные мысли.

– Это последствия шокового состояния. Ничего удивительного, если учесть, что тебе пришлось

пережить. Остается только удивляться, что ты не стоишь рядом с Голиком, уставившись в стену.

Клеменз подошел к Рипли, бегло осмотрел ее, потом направился к шкафчику и принялся рыться среди многочисленных склянок.

– Думаю, лучше всего дать тебе другой коктейль.

Клеменз взялся за шприц, но Рипли остановила его:

– Нет. Мне нужно быть начеку.

Ее глаза машинально обследовали возможные пути проникновения чужой твари в лазарет: решетки вентиляционных отверстий, двери. Но она никак не могла сосредоточиться, и даже очертания предметов расплывались перед ее глазами.

Подошел Клеменз со шприцем.

– Посмотри на себя. И это ты называешь “начеку”? Ты же едва держишься на ногах. Человеческий организм – чертовски эффективная машина, но всего лишь машина. Если от нее требовать слишком многого, недолго и до опасной перегрузки.

Рипли закатала рукав.

– Не учи меня. Я знаю, когда и чего могу от себя требовать. Давай свой коктейль.

По-прежнему стоя в углу, Голик забормотал:

– Не понимаю, почему меня всегда ругают. Странно, правда? Я, конечно, не идеальный человек, но, ей-богу, не понимаю, почему одни люди всегда стараются обвинить в своих маленьких бедах других.

– Очень глубокая мысль. Спасибо, Голик. – Клеменз улыбнулся, наполнил шприц и проверил уровень.

В ожидании укола Рипли случайно взглянула на Голика. К ее удивлению, тот обернулся и оскалился бессмысленной, идиотской улыбкой. Рипли с отвращением отвернулась; ее мысли были заняты более важными проблемами.

– Ты замужем? – неожиданно спросил Голик.

Рипли даже вздрогнула.

– Я?

– Тебе обязательно надо выйти замуж, – серьезно заявил Голик. – Завести детей... Ты симпатичная девушка. У меня таких было много. Только не здесь, на Земле. Они любили меня. И ты тоже умрешь.

Голик замолчал и задумался, насвистывая незамысловатую мелодию.

– Ты не ответила на его вопрос, – сказал Клеменз.

– Какой вопрос?

– Ты замужем?

– Зачем тебе это знать?

– Просто интересно.

– Нет.

Клеменз подошел к ней с готовым шприцем.

– Как насчет того, чтобы уравнивать наши шансы? – спросила Рипли.

Клеменз задумался:

– Ты не могла бы выразить свою мысль более конкретно?

– В свое время я спрашивала тебя, как ты сюда попал. Ты уклонился от ответа. Позже я поинтересовалась, откуда взялся номер заключенного у тебя на затылке. Ты снова не ответил.

Клеменз отвернулся.

– Это долгая и скучная история. К тому же, боюсь, немного мелодраматичная.

– Так расскажи, развлеки меня.

Рипли, скрестив руки на груди, снова села на койку.

– Видишь ли, моя беда в том, что я был умен. Очень умен. Понимаешь, я знал все. Я считал себя выдающейся личностью и потому искренне полагал, что найду выход из любого положения. До поры до времени так оно и было.

Тогда я только окончил медицинскую школу. Мне удалось попасть в пять процентов лучших выпускников – и это несмотря на то, что уже тогда я приобрел скверную привычку. Впрочем, я был совершенно уверен, что у меня всего лишь вполне допустимое привыкание к мидафину. Тебе знаком этот препарат?

Рипли медленно покачала головой.

– О, это изумительная смесь пептидов и прочего. После очередной дозы мидафина ты чувствуешь себя непобедимым и в то же время не теряешь трезвости суждений. Правда, для этого нужно поддерживать его концентрацию в крови на определенном уровне. Будучи ловким парнем, я без особого труда доставал нужное мне количество мидафина в тех же учреждениях, где в то время работал.

Меня считали многообещающим молодым врачом; все отмечали мой исключительный природный дар, мою прозорливость, смелость в принятии решений и исключительно заботливое отношение к пациентам. Никто не подозревал, что моим первым пациентом был я сам.

Это случилось в медицинском центре, куда я был направлен по окончании школы. Меня приняли охотно. Я работал за двоих, никогда не жаловался, почти не ошибался в диагнозах и выборе лечения. Однажды после тридцатишестичасового дежурства я пошел домой, принял тройную дозу мидафина и забрался в постель в предвкушении изумительных снов. В это время зазвонил интерком.

На заправочной станции центра взорвалась цистерна под высоким давлением. Для ликвидации последствий аварии вызвали всех, с кем удалось связаться. Тридцать человек получили более или менее серьезные ранения, нескольких пришлось отправить в стационар, остальные нуждались лишь в беглом осмотре, перевязках и тому подобном. Ничего сложного, ничего такого, с чем не мог бы справиться молодой специалист средних способностей. Я рассудил, что лучше все сделать самому, а потом побыстрее смыться домой, чтобы никто не успел заметить, что для человека, поднятого из постели в три часа утра, я слишком энергичен и весел. — Клеменз задумался, собираясь с мыслями. — Так вот, из тридцати раненых одиннадцать умерли — я назначил им слишком большую дозу обезболивающего. Такая мелочь. Такая ерунда. С этим справился бы любой болван. Любой дурак. Вот что значит мидафин. Практически никогда не влияет на трезвость суждений и правильность решений. Только в исключительных случаях.

— Я тебе сочувствую, — тихо сказала Рипли.

— Мне не надо сочувствовать. — Клеменз ничего не

хотел прощать себе. – И тогда никто не сочувствовал. Я получил семь лет тюрьмы, пожизненный испытательный срок, а моя лицензия навечно опустилась до категории 3-С со строгими ограничениями, где и как я могу практиковать. В тюрьме я избавился от своего губительного пристрастия. Но это уже не имело значения. Вокруг было слишком много родственников умерших. У меня не оставалось ни малейшей надежды на пересмотр решений суда, на снятие ограничений. Я скомпрометировал профессию врача, и на моем примере было очень удобно учить других. Понятно, что врача с таким послужным списком не спешили взять на работу. Так я и оказался здесь.

– И все же я тебе сочувствую.

– Мне? Или ты жалеешь о случившемся? Об этом сожалею и я. Но что касается приговора и вытекающих из него ограничений – я получил то, что заслужил. Я заслужил такую судьбу, потому что лишил жизни одиннадцать человек. Небрежно, как бы между делом, с идиотски-самоуверенной улыбкой на лице. Наверно, те, кого я убил, тоже подавали надежды. Я разрушил одиннадцать семей. Мне никогда этого не забыть, но я научился нести свое бремя. Между прочим, в этом одно из преимуществ Фиорины. Тут учишься жить в мире со всем своим прошлым.

– Ты отбывал срок здесь?

– Да, и поэтому очень хорошо знаю эту разношерстную банду. Когда они решили остаться на Фиорине, я присоединился к ним. Все равно меня

бы никуда не взяли. — Клеменз нагнулся и снова взялся за шприц. — Итак, после всего, что я рассказал, ты доверишь мне сделать инъекцию?

В этот момент за спиной Клеменза из вентиляционного отверстия, расположенного под самым потолком, бесшумно вылезла огромная чужая тварь. Также бесшумно чудовище приземлилось, присев, чтобы не потерять равновесие после прыжка, потом выпрямилось в полный рост. Способность такого гигантского существа двигаться совершенно бесшумно поражала, но еще больше пугала человека. Рипли видела, как тварь сделала несколько шагов и нависла над ничего не подозревавшим, улыбавшимся Клемензом. В тускло освещенном лазарете огромные резцы твари отливали металлическим блеском.

Рипли безуспешно пыталась издать хоть какой-то звук. Как ни странно, но даже в таком состоянии она успела заметить, что внешне тварь заметно отличалась от тех, с которыми ей приходилось сталкиваться прежде. У этого чудовища голова была крупнее, а туловище массивнее. Сознание парализованной страхом Рипли отметило и другие, менее существенные отличия.

Клеменз наклонился к Рипли и тут заметил что-то неладное.

— Эй, в чем дело? У тебя затруднено дыхание? Я могу...

Чужая тварь в мгновение ока оторвала Клемензу голову и отшвырнула ее прочь. И даже после этого Рипли не закричала. Она хотела, пыталась, но так и не смогла издать ни звука.

Тварь оттолкнула истекающее кровью, обезглавленное тело Клеменза и уставилась на Рипли. Уж лучше бы у этого чудовища были глаза, подумала Рипли, а не какие-то неведомые визуальные рецепторы. Тогда можно было бы заглянуть ему в глаза, как бы страшен ни был его взгляд. Где-то она читала, что глаза – зеркало души.

Но у чужой твари не было ни глаз, ни – скорее всего – души.

Рипли охватила мелкая дрожь. Прежде она спасалась от тварей бегством, сражалась с ними, но в закрытом лазарете, напоминавшем сейчас гробницу, некуда было бежать и нечем сражаться. Все было кончено. Рипли даже почувствовала облегчение. По крайней мере теперь не будет ни ночных кошмаров, ни пробуждений в холодном поту на неведомых планетах. Будет только тишина.

– Эй, ты, пошел отсюда! – вдруг заорал Голик. – Слушай, развяжи меня. Я тебе помогу. Мы убьем всех этих ублюдков.

Исчадие ада медленно повернулось мордой сначала к Голику, потом снова к женщине, неподвижно сидевшей на койке. Одним прыжком оно взлетело к потолку, ухватило гибкими пальцами за край того же вентиляционного отверстия, из которого вылезло минутой раньше, и исчезло. Сверху до Рипли донесся дробный перестук. Эти звуки становились все тише и тише и скоро стихли совсем.

Рипли не двигалась. Итак, с ней ничего не произошло. Чудовище ее не тронуло. Правда, в сущности, она ничего не знала о чужих тварях. И все

же, что ее остановило? Может, эти твари не нападают на больных? Или ее остановил крик Голика?

Рипли не знала, радоваться тому, что она осталась в живых, или нет.

9 В столовой перед строем своих подопечных стоял Эндрюз. Он молча изучал их лица, на которых читалось любопытство и ожидание. Тем временем Диллон готовился к традиционной молитве.

– Всем встать, приготовиться к молитве. Восславим Господа.

Заклученные беспрекословно повиновались и приняли подобающие богослужению позы. Диллон продолжал:

– О Боже, дай нам силы все претерпеть. Сознаем, что мы всего лишь жалкие грешники в твоих руках. Да не разорвется круг до назначенного часа. Аминь.

Кверху взметнулись сжатые в кулак руки, после чего заключенные сели. Диллон обвел их взглядом и резко сменил тон:

– Что за бардак вы устроили? Обгадили всю колонию! У нас произошло убийство! У нас изнасилование! Наши братья попали в беду, а вам наплевать! Я не потерплю больше такого свинства! В беде надо держаться вместе.

Последовало гробовое молчание. Эндрюз выждал, пока внимание всех заключенных не переключилось на него, и многозначительно прокашлялся:

– Вот именно. Благодарю вас, мистер Диллон, – начал он в своем обычном безапелляционном тоне. – Итак, я собрал вас для того, чтобы еще раз положить

конец разным сплетням и слухам. Для этого я считаю необходимым ознакомить вас с фактами. А факты таковы.

В четыре ноль-ноль в вентиляционной шахте номер семнадцать был обнаружен труп заключенного Мерфи. Несчастный случай произошел по вине самого пострадавшего из-за неосторожности или, возможно, глупости. Изучение места происшествия показало, что Мерфи, очевидно, стоял близко к вентилятору, когда резко усилился нисходящий поток воздуха. Таким образом, его засосало или затянуло прямо на лопасти работающего вентилятора. В расследовании принимал участие фельдшер Клеменз. Его официальное заключение не оставляет никаких сомнений в причине гибели Мерфи.

Несколько заключенных стали вполголоса переговариваться. Эндрюз выжидающе в упор смотрел на них. Снова установилась тишина, и Эндрюз, расхаживая взад-вперед, продолжал:

– Вскоре после этого несчастного случая заключенные Боггз, Рейнз и Голик отправились в отдаленные штреки на поиски сохранившихся тайников. На обычную работу фуражиров. Они были хорошо оснащены и, очевидно, знали, что от них требуется.

– Это я могу подтвердить, – поддакнул Диллон.

Эндрюз взглядом поблагодарил Диллона за поддержку и тем же тоном продолжал:

– Приблизительно в семь ноль-ноль заключенный Голик вернулся в совершенно невменяемом состоянии. Он был весь в крови и бормотал нечто несуразное. В

настоящее время он изолирован и находится на излечении в лазарете. Заключенные Боггз и Рейнз бесследно пропали. К сожалению, я не могу исключить, что они подверглись внезапному нападению заключенного Голика. — Эндрюз сделал еще одну паузу, чтобы дать возможность слушателям вникнуть в смысл его слов. — Биография этого заключенного свидетельствует о том, что он способен на подобные преступления. Хотя до сих пор сюда не посылали никого, кто предварительно не прошел бы лечение в центре реабилитации на Земле и не выдержал бы заключительной проверки, любой курс лечения несовершенно и не дает гарантий на всю последующую жизнь.

— Я тоже слышал об этом, — еще раз поддакнул Диллон.

— Да, конечно. Однако, пока мы не найдем Рейнза и Боггза или их тела и не выясним причину их отсутствия, любые наши выводы носят лишь предварительный характер. Возможно, они ранены, не могут самостоятельно передвигаться и потому сидят в каком-нибудь тоннеле и ждут, когда мы придем им на помощь. Нельзя исключать и того, что они могли заблудиться на обратном пути. В любом случае мы обязаны немедленно организовать и отправить спасательную группу. Предпочтение будет отдано добровольцам. Участие заключенного в спасательной экспедиции будет отмечено в его личном деле. — Эндрюз остановился перед северной стеной, отделанной свинцовыми плитами местного изготовления. — Думаю, следует откровенно признать, что

сравнительно безоблачное существование нашего исправительно-трудового учреждения неожиданно столкнулось с рядом серьезных проблем. Причин для тревоги или тем более паники нет; больше того, в такой ситуации проблемы должны время от времени возникать. Каким бы образом ни разрешился этот огорчительный инцидент, могу заверить вас, что через какое-то время все станет на свои места и мы снова будем жить, как прежде.

Однако ближайшие несколько дней нам следует проявлять максимальную выдержку, спокойствие, благоразумие и сплоченность – пока не прибудет спасательная бригада и не заберет лейтенанта Рипли. Я возьму на себя смелость сообщить, что ее неожиданное появление на нашей планете, само по себе явившееся причиной ряда проблем, заставило Компанию изменить курс одного из космических лайнеров и направить его на Фиорину. Это значит, что нас ожидает поставка внеплановой партии продуктов и материалов и, возможно, некоторых предметов роскоши. Такое случается не часто, поэтому нам следует набраться терпения и ждать улучшения ситуации.

Справа от Эндрюза резко распахнулась дверь. В столовую влетела запыхавшаяся, встревоженная Рипли. Не обращая внимания на устремленные на нее взгляды, она выкрикнула:

– Оно здесь! Оно убило Клеменза!

Рипли нервно оглядывалась по сторонам. Ее испуганный взгляд машинально обшаривал темные углы, выходы в длинные коридоры.

Эндрюз побагровел.

– Лейтенант, вы мне надоели. С меня довольно. Немедленно прекратите эти сумасшедшие выходки! Немедленно! Без всяких оснований, без каких-либо доказательств вы сеете панику. Я этого не потерплю, слышите? Я этого не потерплю!

Рипли недоумевающе смотрела на начальника колонии:

– Говорю вам, оно здесь!

– А я говорю вам, лейтенант, возьмите себя в руки! – Эндрюз резко повернулся направо. – Мистер Эрон, займитесь этой ненормальной женщиной. Отведите ее в лазарет.

– Слушаюсь, сэр.

Эрон сделал шаг по направлению к Рипли. Выражение ее лица поубавило уверенности у помощника начальника колонии. К тому же Рипли была явно не слабее среднего мужчины-заключенного.

Пока Эрон раздумывал, что ему следует предпринять, в столовой замигало освещение. Послышались выкрики, заключенные в замешательстве оглядывались, натываясь друг на друга. Эндрюз сокрушенно покачал головой:

– Во вверенном мне учреждении я не допущу подобных нелепостей. Все слышали? Я не потерплю...

Негромкий скрип заставил его поднять голову и взглянуть наверх. С потолка свесилась чужая тварь. Как паук муху, она обхватила начальника колонии и легко оторвала от пола. Через мгновение и хищник и жертва исчезли. В охватившей всех панике никто толком не понял, что же произошло. Лишь Рипли и

заклученный Морс видели, как чудовище втащило обмякшее тело Эндрюза в открытое вентиляционное отверстие.

Рипли выбрала место в углу, села и закурила сигарету. Она поймала себя на том, что не может выбросить из головы мыслей о Клемензе, и недовольно поморщилась. О Клемензе теперь лучше не думать. Ведь научилась же она быстро забывать всех тех мужчин, которых – стоило ей привязаться к ним – похитили и уничтожили другие представители, судя по всему несокрушимой орды чужих тварей.

Нет, эти твари не такие уж несокрушимые. Их можно убивать. Кажется, такая у нее судьба: пока она жива, ей придется не на жизнь, а на смерть бороться с чужими тварями. Извести все их проклятое племя, стереть его с лица Вселенной. Это был рок, тяжкое бремя, которое Рипли охотно, с огромным удовольствием переложила бы на плечи другого человека.

Почему именно ей выпала такая доля? Рипли и раньше не раз задумывалась над этим. Почему провидение выбрало именно ее? Нет, решила она, я неправильно формулирую вопрос. Никто меня не выбирал, не выделял. И вообще дело здесь вовсе не в особой судьбе, которая будто бы обрекла меня на вечное сосуществование с ужасом и разрушением. Другие тоже сталкивались с чужими тварями. Но все они погибли, и теперь только мне приходится терпеть такие муки, потому что лишь я смогла уцелеть.

Конечно, при желании Рипли могла легко обмануть судьбу. Лазарет был неплохо укомплектован меди-

каменными, и на каждой склянке имелась четкая надпись. Одна простая инъекция навсегда заглушит всю боль и весь ужас. Проще простого одним ударом положить конец сразу всему. Это так, но ведь она уже столько пережила – и уцелела. Возможно, такова была ее главная задача – просто выжить. Нет, судьба не была к ней особенно неблагосклонна. Да и сама она не виновата, что оказалась живучее других. С этим надо просто смириться.

Не стало еще одного человека. На этот раз того, к кому она не испытывала особых симпатий. И все же ей было жаль его. Что ни говори, а Эндрюз был человеком, который заслуживал более достойной смерти.

После молниеносного нападения чужой твари в столовой воцарилась тишина. Люди молча стояли или сидели, уставившись в никуда, глядя на соседа или погрузившись в свои мысли. Как обычно, все ждали, что скажет Диллон, а тот опустился на колени и начал читать молитву:

– Братья, нам был ниспослан знак свыше. От того, как мы пойдем этот знак, что предпримем, зависит и наша судьба.

– Аминь, – хором отозвались несколько заключенных.

Остальные прокомментировали начало молитвы Диллона в более крепких, но, по счастью, неразборчивых выражениях.

Диллон продолжал:

– Благодарим тебя, Господи. Ты покарал нас своим гневом. Близится день страшного суда, день

апокалипсиса. Будем готовы. Да будет твой суд справедлив.

Столпившиеся в глубине столовой заключенные уже давно не слушали Диллона и негромко переговаривались.

– Какое оно большое, – бормотал Диллон. – Очень большое. И быстрое как молния.

– Да заткнись ты, болван, как будто я сам его не видел, – отозвался заключенный Кевин. Он внимательно всматривался в то место на потолке, из которого появилась чужая тварь. – Я рядом стоял. Или, по-твоему, я ослеп?

– Понимаю. Но я хотел сказать, что оно действительно большое.

Всех настолько захватило только что происшедшее на их глазах событие, что они совсем забыли о Рипли.

Заключенный Уильямс встал и оглядел лица товарищей:

– Ладно, парни, так что мы будем делать? – Несколько человек обменялись взглядами, но никаких предложений не последовало. – Ну хорошо, кто у нас будет начальником? Нас ведь нужно как-то организовать, или я не прав?

Эрон тяжело вздохнул и повертел головой:

– По старшинству следующий – я.

Морс закатил глаза:

– Держите меня, а то упаду! Восемьдесят Пять будет начальником! Господи, дай мне силы!

Эрон бросил на Морса гневный взгляд:

– Не называйте меня этим дурацким именем! Ни

сейчас, ни в будущем! — Он встал и подошел ближе к заключенным. — Слушайте, я никак не могу заменить Эндрюза. Я даже не собираюсь притворяться, будто бы запросто смогу. Может, вам он не нравился. Знаю, иногда он был строг, но с лучшим начальником я никогда не работал.

На Диллона краткая речь Эрона произвела совершенно определенное впечатление:

— Этот бред даже слушать противно. — Он повернулся к Рипли, по-прежнему сидевшей в дальнем углу столовой. — А как вы отнесетесь к такому предложению? Вы — офицер. Как насчет того, чтобы немножко покомандовать нами?

Рипли посмотрела на Диллона, затянулась сигаретой и тут же, так и не сказав ни слова, отвела взгляд.

Наступившее молчание прервал Уильямс. Он ткнул пальцем в грудь Диллону:

— Берись ты. И так ты у нас всем заправляешь.

Диллон испуганно замотал головой:

— Ни хрена не выйдет. Из меня плохой командир. Я могу отвечать только за самого себя.

— Слушайте, а что надо этой чертовой скотине? — осведомился немного обескураженный Уильямс. — Сожрать всех нас?

Рипли вынула сигарету изо рта и произнесла только одно слово:

— Да.

— Прекрасная перспектива, а? — язвительно пробурчал Морс. — Как можно остановить это исчадие ада?

Рипли с отвращением отшвырнула окурок и встала.

– У нас нет никакого оружия, правильно? Ни смартганов, ни импульсных карабинов, ничего?

Эрон неохотно подтвердил:

– Ничего.

Как бы размышляя вслух, Рипли продолжала:

– Точно с такой тварью я еще не встречалась. Эта заметное больше, и нижние конечности у нее другие. Но все те твари, с которыми я сражалась, боялись огня или по крайней мере относились к огню с осторожностью. А больше, пожалуй, они не боятся ничего. – Рипли окинула столовую взглядом. – Мы можем перекрыть все входы и выходы в комплексе?

– Никоим образом, – ответил Эрон. – Горнообогатительный комплекс занимает десять квадратных миль. На поверхность выходят шестьсот воздухопроводов. Это проклятое сооружение чертовски велико.

– А как насчет видеомониторов? Мы можем попытаться хотя бы обнаружить тварь. Я сама видела: мониторы установлены повсюду.

И снова помощник начальника колонии покачал головой:

– Система внутреннего видеоконтроля не работает много лет. Не было смысла включать дорогую и сложную систему лишь для того, чтобы присматривать за ничтожной кучкой заключенных, которым все равно некуда бежать. Сейчас на комплексе много чего не работает. У нас уйма всяких систем, приборов и машин, но включить их мы никак не можем.

– Восемьдесят Пять хочет сказать вам... – начал Морс.

– Не называйте меня так! – рявкнул Эрон.

Морс пропустил замечание мимо ушей и как ни в чем не бывало продолжал:

– ... что у нас нет ни комнат отдыха, ни системы кондиционирования воздуха, ни больших видеоэкранов, ни холодильников, ни хренового мороженого, ни женщин. У нас есть только собственное дерьмо.

– Заткнись, – угрожающе сказал Диллон.

– А зачем мы вообще с ней болтаем? – не унимался Морс. – Это она притащила с собой эту тварь. Размозжить ей голову об стенку, и все дела.

Рипли чуть заметно пожала плечами.

– Меня это устраивает.

Диллон подошел вплотную к Морсу.

– Больше повторять не буду, – сказал он, не повышая голоса. – Заткни свою поганую глотку.

Морс замолчал, раздумывая, как ему поступить, потом опустил глаза и отступил. Пока отступил.

Эрон не сводил взгляда с Рипли.

– Ну ладно. Так что нам теперь делать?

Рипли понимала, что не только трое мужчин за столом, но и все заключенные внимательно следят за каждым ее жестом, с надеждой ловят каждое ее слово.

– На Ахеронте мы пытались защищаться, занять круговую оборону, – сказала она. – Такой прием сработал, но лишь на время. Эти твари всегда находят способ проникнуть туда, куда захотят. Здесь мне надо прежде всего ознакомиться с обстановкой.

Ознакомиться самой, а не услышать от кого-то.

– Обстановка – хреновей не бывает, – вполголоса пробурчал Морс.

Эрон кивнул Рипли:

– Пойдемте. – Он повернулся к Диллону. –
Прошу прощения, но вам известны правила.

В знак согласия Диллон лишь мигнул.

– Только не слишком долго, хорошо?

Эрон безуспешно попытался улыбнуться:

– Проследите за тем, чтобы сегодня не выдавалось никаких нарядов на работу.

Диллон поднял глаза к потолку.

– Тогда почему я не ощущаю праздника?

Эрон и Рипли шли по главному коридору. Эрон не выпускал из рук подробную карту, а Рипли поочередно то заглядывала в нее, то осматривала стены коридора. Кое в чем Морс ошибался. Системы жизнеобеспечения комплекса частично еще функционировали. Вот и здесь, хоть и плоховато, но все же работало общее освещение.

Рипли ткнула пальцем в пластиковую карту.

– Это что?

– Служебный проход. Соединяет лазарет с помещением столовой.

– Может, стоит зайти и туда?

Эрон не согласился:

– Пойдемте дальше. Здесь еще мили и мили тоннелей.

Рипли еще раз заглянула в карту:

– Далеко оно не уйдет. Оно должно устроить

гнездо где-нибудь поблизости, в одном из небольших проходов или в воздуховоде.

Эрон недоуменно покосился на Рипли:

– Устроить гнездо? Вероятно, вы имели в виду жилище?

– Я имела в виду именно то, что сказала. Только не задавайте лишних вопросов. Если нам удастся убить или обезвредить чудовище, напомните, и я все вам расскажу. В противном случае вам вообще незачем это знать.

Эрон лишь несколько секунд смог выдержать взгляд Рипли и снова уткнулся в карту.

– Откуда вы это знаете? – спросил он.

– Оно вроде льва. Всегда старается быть поближе к антилопам.

– Но у нас нет антилоп.

Рипли остановилась и молча посмотрела в глаза Эрону.

– Ну да, конечно, – стусевался заместитель начальника колонии. – Но все же, я думаю, нам не стоит бродить там в темноте. Потолочное освещение работает только в главном коридоре.

– А как насчет переносных фонарей?

– С фонарями тоже дело дрянь. Несколько штук у нас есть, но нет ни одной лампы. Кто-то упустил из виду такую деталь. Я же говорил, у нас ни черта не работает.

– А факелы? Вы еще не разучились разжигать огонь? Большая часть человечества пользуется этой научной разработкой с каменного века.

Старый вертикальный ствол шахты уходил вверх и вниз далеко в темноту. К его облицовке была приварена металлическая лестница, на которой за годы бездействия накопился толстый слой угольной пыли и грязи. Из черных глубин лениво поднимался влажный затхлый воздух. Застойный запах ударил Рипли в нос, когда она, наклонившись, направила пламя факела вниз. Дна видно не было, да Рипли и не надеялась его увидеть.

Поиск начался из того тоннеля, в котором погиб Мерфи. Эрон, Рипли и Диллон, вооруженные факелами, миновали огромные лопасти вентилятора. Перед уходом Эрон на всякий случай отключил опасную машину. Рипли повела носом и брезгливо сморщилась. Поднимавшийся из шахтного ствола воздух был не только влажным, он доносил неприятный запах гнили и едких химикатов.

– Что там внизу?

Эрон тоже подошел к бездонному колодцу.

– Система очистки и рециркуляции воды и воздуха.

– Тогда понятно, откуда такая вонь. Система получает питание от ядерного реактора?

– Да, но реактор далеко. Все работает автоматически. Раз в полгода техники с грузового корабля проводят профилактический осмотр. – Он усмехнулся. – Надеюсь, вы понимаете, что Компания не может доверить эксплуатацию термоядерной энергетической установки кучке безграмотных заключенных и паре надзирателей с общим средним образованием.

Рипли не поддержала полушутливый тон.

– Компания меня уже ничем не удивит. – Стоя рядом с отверстием в полу, она подняла факел. Пламя осветило гладкие металлические стены. – А что наверху?

– Ничего особенного. Складские помещения, большей частью пустующие – все вывезли, когда Компания законсервировала комплекс. Еще здесь проходы технического обслуживания, трубопроводы, кабели, все тоннели тут гораздо шире, чем требовалось даже тогда, когда комплекс работал. У инженеров была уйма горнопроходческих машин и буровых установок, так что они могли позволить себе такую роскошь. Тут все строилось с запасом. – Эрон задумался. – Вы полагаете, чудовище спряталось где-то наверху?

– Для гнездования оно обычно выбирает удобное помещение. Предпочитает занимать позицию над своей... жертвой. Я хочу сказать, оно любит нападать сверху, а не подкрадываться снизу. К тому же верхние уровни ближе к жилым помещениям. Скорее всего, оно затаилось где-то там и выжидает удобного момента. Если повезет, мы сможем подкрасться незаметно. Если не повезет...

– Тогда что? – поторопил Рипли недогадливый Эрон.

– Будем надеяться, что нам все же удастся подкрасться к твари сзади.

Рипли ухватилась за скобы лестницы и полезла наверх. Лестница оказалась не только в толстом слое угольной пыли и грязи; поднимавшийся снизу теплый

влажный воздух создал идеальные условия для роста микроводорослей и других микроорганизмов, поэтому скобы стали скользкими и ненадежными. Прежде чем сделать каждый шаг, Рипли старательно проверяла верхнюю скобу.

Приблизительно через каждые три метра вертикальный ствол пересекал один или сразу несколько горизонтальных штреков, и всякий раз Рипли сначала издали освещала факелом очередной штрек и, лишь убедившись в безопасности, продолжала подъем.

Эрон, поднимавшийся вслед за Рипли, старался не спускать с нее глаз. На особенно ненадежном участке его нога соскользнула со скобы. Диллон, который следовал за Эроном, моментально крепко ухватился левой рукой за лестницу, а правой поймал повисшую в воздухе лодыжку заместителя начальника колонии и поставил ее на ближайшую скобу.

– У вас все в порядке? – напряженным шепотом осведомился Диллон.

– Да, – ответил Эрон слегка дрогнувшим голосом. – Только держи свой факел подальше от моей задницы, ладно?

– Интересно, – отозвался Диллон, – я только об этом и мечтал, а теперь вы сами сообразили.

– Подожди другого случая, договорились?

Эрон зашевелился энергичней, стараясь не отставать от Рипли.

– Еще только один вопрос, – пробормотал Диллон.

Эрон бросил взгляд вниз:

– Что еще?

– Если захотите поменяться местами, сразу дайте мне знать.

– Об этом и не мечтай.

Они понимающе улыбнулись друг другу и снова поползли вверх. Дружеские шутки лишь на минуту разрядили обстановку, потом тревожное беспокойство снова овладело ими, грозя перейти в отчаяние.

Рипли оглянулась на попутчиков и удивилась, как они смогли найти что-то смешное. Неплохо, что им удается шутить даже здесь – в смертельно опасной ситуации. Ей бы очень хотелось посмеяться вместе с ними, но это было выше ее сил. Она слишком хорошо знала, что ждет их впереди. Покорно вздохнув, Рипли встала на следующую скобу и направила факел в очередной горизонтальный штрек. Факел почти уперся в морду чужой твари.

Рипли вскрикнула и, если бы ее пальцы не сковало от ужаса, наверняка упала бы в бездну. Она инстинктивно сунула горящий факел дальше, прямо в мерзкую блестящую черную голову и... голова покорно отлетела в сторону.

– Что... что там? – заорал снизу Эрон.

Рипли не ответила, с трудом восстанавливая равновесие и пытаясь прийти в себя. Наконец она подтянулась и вползла в штрек. Скоро к ней присоединились мужчины.

Все трое долго смотрели на сморщенную, иссохшую шкуру взрослой чужой твари.

– Мерзкое создание, ничего не скажешь, – нарушил молчание Диллон.

Рипли опустилась на колени и осмотрела находку. Сначала она не могла без дрожи прикоснуться к ней, но потом взяла себя в руки. Высохшая шкура была

безвредной тенью таинственного чудовища. Внутри нее ничего не оказалось. Голова тоже была пустой. Рипли отбросила огромную шкуру, и та перекадилась на бок. Рипли выпрямилась.

– Что это такое? – спросил Эрон, пиная шкуру ботинком.

– Тварь сбросила свою шкуру. Очевидно, трансформация в новую форму у них связана с чем-то вроде линьки. – Рипли настороженно всматривалась вдаль. – Нас ждет новая форма, какая-то очередная стадия развития. С такой я еще ни разу не сталкивалась.

– Что отсюда следует? – пробормотал Диллон.

– Не могу сказать. Прецеденты мне неизвестны. Впрочем, в одном мы можем быть уверены. Тварь выросла.

– Насколько? – Эрон тоже стал озабоченно осматривать темный тоннель.

– Это зависит от многих причин, – неуверенно сказала Рипли.

– Например?

– Например, от того, в какую именно форму она превратилась.

Рипли оттолкнула Эрона и, держа факел в вытянутой руке, пошла по штреку. Какая-то неудержимая сила толкала ее вперед, вопреки всякой осторожности заставляя ускорять, а не замедлять шаг. Время от времени Рипли немного задерживалась, но лишь настолько, сколько требовалось, чтобы быстро осветить факелом боковой проход, отходивший от главного тоннеля. Случайно обнаруженная

шкура чужой твари придала ей ту решимость, которая в свое время помогла пережить трагедию на Ахеронте. Решимость и неумную злость. Почему-то в этот момент Рипли вспомнила Джонси. Не удивительно, что из всего экипажа «Ностромо» в живых остались лишь она и кот. У них были две общие черты: любознательность и особый талант оставаться в живых в любых ситуациях.

Джонси уже нет, он стал жертвой эффекта относительности времени, неизбежного при космических путешествиях. Теперь кота не будут мучить ночные кошмары. С жизнью и воспоминаниями ей придется бороться в одиночку.

– Пожалуйста, не так быстро. – Чтобы не отстать от Рипли, Эрон время от времени переходил на трусцу. Он заглянул в карту и показал вперед. – Мы почти пришли.

Рипли остановилась и повернулась к Эрону.

– Надеюсь, мы не зря карабкались по лестнице. Кстати, а что случилось в вашем проклятом комплексе со всеми лифтами?

– Вы шутите? Все лифты отключили, не успев толком законсервировать промышленные объекты. Да и вообще, зачем банде преступников шататься в этом секторе?

Теперь во главе группы шел Эрон. Еще метров через сто штрек вывел их в гораздо больший тоннель. Судя по его ширине и высоте, здесь использовалась довольно мощная техника. Помощник начальника колонии остановился у дальней стенки и поднял факел. Пламя осветило приваренную к металлической двери табличку:

**МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ ТОКСИЧНЫХ ОТХОДОВ
КАМЕРА ГЕРМЕТИЗИРОВАНА
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН
для входа необходим допуск типа В-8
или высшей категории**

– Так-так. Что у нас здесь? – Впервые за несколько дней в голосе Рипли прозвучала слабая надежда.

– На территории комплекса разбросано больше десятка таких хранилищ. – Эрон наклонился, прочел номер под табличкой. – Это помещение ближе всего к жилым помещениям.

Он прикоснулся факелом к стене, и на пол упало несколько капель горячей смолы.

– Сюда собирались затолкать чертову тьму промышленных отходов, – продолжал Эрон. – Побочные продукты рафинирования металла и все такое прочее. Некоторые хранилища уже заполнены до отказа и навечно опечатаны, некоторые – только наполовину. Это дешевле, легче и безопаснее, чем запикивать всякую дрянь в барабаны и потом выбрасывать их в космос.

Это хранилище не использовалось ни разу. Может, из-за слишком близкого расположения к жилым секторам. А может, у них просто руки не дошли, всю лавочку прикрыли раньше, чем оно понадобилось. Я заходил внутрь. Там совершенно пусто.

Рипли осмотрела стену.

– Что представляет собой вход в хранилище?

– Здесь вход примерно такой же, как и в других хранилищах этой категории, – ответил Эрон и подвел Рипли к двери.

Несмотря на грязь и многочисленные царапины, дверь производила внушительное впечатление. Опытный глаз Рипли отметил почти незаметные швы в углах.

– Эта дверь – единственный способ проникнуть в хранилище и выйти из него?

Эрон кивнул.

– Совершенно верно. Прежде чем отправиться сюда, я проверил техническую документацию. Входная дверь достаточно широка, чтобы пропустить небольшой погрузчик с водителем и грузом. Стены, пол и потолок сделаны из прочнейшей металло-керамики, толщина которой везде не меньше шести футов. Дверь из того же материала. Вся система управления и силовое оборудование вынесены наружу или вмонтированы в матрицу.

– Давайте еще раз проверим, все ли я правильно поняла. Если вы поместите кого-то внутрь и закроете дверь, то оттуда пленник уже не сможет выбраться?

– Совершенно справедливо, – уверенно сказал Эрон. – Никак не выберется. Эта хреновина закрывается абсолютно герметично. Если верить спецификации, хранилище даже способно поддерживать высокий вакуум. Оттуда может ускользнуть разве только нейтрино. Такая металлокерамика рассеивает даже лазерное излучение. Не открыв дверь, туда можно проникнуть только с помощью направленного ядерного взрыва.

– Вы уверены, что эта штука еще работает?

Эрон показал на панель управления.

– Попробуйте сами.

Рипли подошла к панели, сняла тонкую крышку, под которой оказалось несколько кнопок. Быстро сообразив что к чему, она надавила на большую зеленую кнопку.

Казалось, огромная дверь не скользнула в сторону, а просто бесшумно исчезла в стене. Восхищенная совершенством механизмов, которые так легко и быстро перемещали огромную массу, Рипли несколько раз открыла и закрыла дверь. Эрон и Диллон тоже не скрывали восторга. Надежность дремавших много лет машин заметно улучшила их настроение.

За дверью находилась пустая камера с абсолютно гладкими стенами. Пол покрывал толстый слой тончайшей пыли. В камере без труда разместились бы несколько взрослых чужих тварей.

– Дайте взглянуть на карту, – сказала Рипли.

Эрон передал ей планшет. Рипли поводила пальцем по тесно переплетающимся линиям.

– Мы вот здесь? – спросила она. Эрон наклонился, проверил и утвердительно кивнул. – Административный сектор тут, а этот коридор ведет к конференц-залу?

– Совершенно верно. – Вы очень быстро схватываете, – не скрывая восхищения, подтвердил Эрон.

– Не будь у меня развитого пространственного воображения, я бы едва ли дожидла до этих дней. Если мы вынудим тварь гнаться за нами по этому, – она показала на карте, – и этому коридорам, а потом перекроем их один за другим, то, может быть, нам удастся загнать ее вот сюда.

И Рипли показала на открытую дверь хранилища. Двое мужчин заглянули в дверь, потом Диллон повернулся к Рипли.

– Если я правильно понял, вы хотите вспугнуть тварь огнем, заставить ее забежать сюда, а потом захлопнуть дверь, и она окажется в ловушке?

Не отрываясь от карты, Рипли промычала:

– Угу.

– И вы рассчитываете на нашу помощь?

– Вы можете предложить лучший план?

– А почему мы должны ради вас подставлять свои задницы этому чудовищу?

Рипли наконец оторвалась от карты и окинула Диллона ледяным взглядом:

– Вы уже подставили ему свои задницы. Вопрос только в том, как вы будете выкручиваться.

10 Эрон в сопровождении заключенного Дейвида знакомил Рипли с просторным складом. Когда все трое подошли к штабелю барабанов, Эрон многозначительно прокашлялся и сказал:

– Вот здесь мы его и храним. Черт, опять вылетело из головы, как называется это дерьмо.

– Хинитрицетилин, – пришел на помощь начальнику Дейвид.

– Да, конечно, – проворчал помощник начальника колонии, сверяясь с записями в своем блокноте. – Ну ладно. Мне с Диллоном нужно распределить маляров по объектам. Дейвид, подготовь барабаны к отправке.

Эрон повернулся и направился к главному коридору.

– Слушаюсь, Восемьдесят Пять! – отозвался Дейвид ему вслед.

– Я запрещаю называть меня этой дурацкой кличкой!

Эрон скрылся в полутемном длинном коридоре.

Рипли осмотрела барабаны. Они слегка поржавели, но в общем выглядели еще вполне прилично. Очевидно, к ним давно не прикасались.

– Почему вы называете Эрона Восемьдесят Пять?

Натянув рукавицы, Дейвид взялся за ближайший барабан.

– Раньше его так называли почти все заключенные. Несколько лет назад мы заглянули в его личное дело, оно хранилось в памяти компьютера. Это его коэффициент интеллектуальности.

Дейвид рассмеялся и покатил барабан.

– Похоже, он очень верит в это взрывчатое вещество. А вы как думаете?

Дейвид поставил барабан под погрузку.

– Я всего лишь тупой сторож, как и все мы. Но однажды я видел, как барабанчик с таким дерьмом свалился в бункер буксира. Потом буксир ремонтировали в сухом доке семнадцать недель. Сильная штука!

В другом отсеке того же склада заключенные Трой и Артур копошились в гигантской куче забракованных электронных деталей. Держа в одной руке металлический цилиндр, Трой сунул в него найденный стеклянный шарик, щелкнул тумблером, выругался, недовольно отшвырнул шарик и принялся за поиски следующего.

– Будь они прокляты! Из двух тысяч только одна исправна.

Его напарник на минуту прервал поиски.

– Слушай, другие работы еще хуже. Нас ведь могли послать малярничать.

Он вставил очередной шарик, включил цилиндр. К его удивлению и радости лампочка зажглась.

Двое мужчин, с трудом втиснувшись в воздуховод, мазали его изнутри толстым слоем вонючего хинитрицетилина.

– Ну и воняет же это дерьмо, – в сотый раз пожаловался Кевин.

В ответ его напарник неохотно проворчал:

– Я же тебе говорил: не дыши им.

– Почему не дышать?

– Эти чертовы пары вредные.

– Так я торчу в трубе, а вокруг меня это дерьмо. Как же я могу им не дышать?

Другие заключенные таскали ведра с хинитрицетином ко входу в хранилище токсичных отходов и размазывали его щетками и швабрами, а то и просто ногами.

Диллон и Рипли, стоя неподалеку в коридоре, наблюдали за работой. Пока все делалось по плану, но будут ли и дальше события развиваться в соответствии с ним, оставалось неизвестным.

Диллон обратил внимание на необычное выражение лица Рипли. Нельзя сказать, что его преисполнило сочувствие, просто богатый жизненный опыт подсказал ему, что с Рипли что-то не так.

– Вы тоскуете по доку, да?

– Я толком не успела узнать его, – вместо ответа пробормотала Рипли.

– Мне казалось, вы были довольно близки.

На этот раз Рипли удостоила Диллона взглядом.

– Надо полагать, вы подглядывали в замочную скважину.

Диллон улыбнулся.

– Я так и думал.

Тошнота снова подкатила к горлу, и на этот раз приступ оказался неожиданным и очень сильным. Рипли закашлялась и пошатнулась. Ей пришлось прикрыть рот рукой и прислониться к стене, чтобы удержать равновесие. Диллон хотел было помочь, но она, судорожно хватая ртом воздух, оттолкнула его. Он озабоченно смотрел на нее.

– С вами все в порядке?

Рипли глубоко вздохнула и кивнула.

– Как скажете, сестра. Но мне не кажется, что у вас все нормально.

Эрон оглядел сопровождавших его заключенных. Одни шли рядом с ним, другие чуть выше, по дорожке для обслуживающего персонала. У каждого в руках было по пашке, которая должна была загореться при ударе.

– Теперь слушайте меня. – Все повернулись к Эрону, ловя каждое его слово. – Не поджигать пашки, пока я не подам сигнал. Сигнал будет таким. – Он поднял руку. – Все поняли? Надеюсь, что да.

Заключенные слушали внимательно. Настолько внимательно, что один из них, тот, что стоял ближе

других к вертикальному воздуховоду, выронил свою пашку. Он попытался поймать ее на лету, но не успел и, затаив дыхание, лишь проводил глазами опасную игрушку, скатившуюся к бортику решетки.

Его сосед ничего не заметил. Уронивший пашку со вздохом облегчения опустился на колени...

В тот же момент за решеткой бесшумно появилась чужая тварь. Готовясь к атаке, она осторожно протянула лапы к человеку.

Человек успел вскрикнуть, пашка снова выпала из его рук, пролетела сквозь решетку и стукнулась о пол нижнего уровня.

Там она ярко вспыхнула.

Эрон услышал взрыв и увидел вспышку.

– Прекратить, дьявол всех вас поберит! Кретины, ждите сигнала! Черт!

Но тут Эрон увидел чужую тварь и забыл обо всем на свете.

А пламя распространялось быстро, очень быстро. На это и рассчитывали авторы плана. Огонь моментально охватил вымазанные хинтрицетилином коридоры, перекинулся на вентиляционные решетки, вздымая покрытие полов и пешеходных дорожек. Находившаяся в другом тоннеле Рипли издала услышала шум стремительно приближавшегося пожара. Она бросилась на чистый участок пола в тот момент, когда пламя охватило воздуховод, выход из которого находился прямо над ее головой. Заключение, стоявший рядом с Рипли, оказался менее догадливым или менее проворным. От нестерпимого жара на нем вспыхнула одежда. Он закричал.

Морс, отчаянно уворачиваясь от языков пламени, перекатился по полу и увидел, как чужая тварь поспешно удирает от огня по потолку.

– Оно здесь, наверху! Эй, оно здесь!

Никто не услышал или не захотел услышать его крика.

Уследить за происходящим было невозможно. Обоженные заключенные метались от одного горящего ограждения к другому, спрыгивали с раскалившихся мостков. Эрик, спасаясь от настигавшей его стены огня, в последний момент сумел нырнуть в узкую трубу, еще не обмазанную хинитрицетилом. Он с большим трудом втиснулся в трубу, и пламя лизнуло лишь его ботинки. Другой заключенный погиб, столкнувшись со спасавшейся из раскалившегося воздуховода чужой тварью, которая свалилась прямо на него.

Эрон и один из заключенных, как сумасшедшие, помчались к хранилищу отходов. Помощнику начальника колонии удалось на долю секунды опередить пламя, но второй человек оказался не таким быстрым... или не таким удачливым. Огонь не остановил его, но успел лизнуть спину.

Оба ворвались в хранилище. Рипли, Диллон и Джуниор повалили охваченного пламенем человека и сбили пламя. Эрон, пытаясь восстановить дыхание, первым обратил внимание на скрежет над головой. Наверно, он сам удивился своей находчивости, когда моментально схватил смоченную хинитрицетилом швабру, сунул ее в пламя, поднял импровизированный факел и бросил его в открытое вентиляционное

отверстие. Скрежет постепенно стих.

Умирая у Джуниора на руках, обожженный беззвучно шевелил губами. Джуниор встал и бросился в сплошную стену дыма и огня, выкрикивая на бегу:

– Ну, иди сюда, зверюга! Иди, возьми меня!

Задыхаясь в раскаленном ядовитом дыму, в главном коридоре упал еще один из заключенных. Последнее, что он увидел, был гигантский силуэт нависшей над ним чужой твари. Человек попытался вскрикнуть, но не успел.

Джуниор завернул за угол, замедлил шаг, потом остановился совсем. Чужая тварь заметила его и резко развернулась.

– Беги, беги!

Испуганный Джуниор со всех ног промчался мимо твари. Та немедленно бросилась вдогонку.

Возле входа в хранилище токсичных отходов собрались все, кто уцелел. Отпугивая повернувшуюся к ним тварь, люди вслед за Эроном стали зажигать швабры и бросать свои импровизированные ракеты ей в морду, что позволило Джуниору, воспользовавшись секундным замешательством чудовища, проскользнуть ему за спину.

– Вот тебе! Получи, ублюдок!

И на этот раз тварь не изменила своему правилу, по-прежнему предпочтя одну ближайшую жертву нескольким более дальним. Она рывком повернулась и прыгнула на Джуниора. Тварь и человек одновременно рванулись назад и... оказались в хранилище отходов.

Отворачивая лицо от нестерпимого жара, Диллон

продолжал сбивать огонь с пылавшей одежды товарищей. Комбинезон у последнего из них еще продолжал дымиться, когда Диллон сквозь сплошную завесу огня стал пробиваться к противоположной стене.

Рипли первой добралась до панели управления и нащупала красную кнопку. В то же мгновение Эрон швырнул в дверной проем еще одну горящую швабру, а долей секунды позже Диллону удалось наконец щелкнуть тумблером системы пожаротушения.

Раздался отчаянный крик Джуниора. Захлопнулась огромная дверь, наглухо закрыв хранилище. Одновременно включилась система пожаротушения. Обессиленные, перепуганные люди, получившие более или менее сильные ожоги, все с разной степенью отравления ядовитым дымом, неподвижно стояли под мощными струями воды.

Потом сквозь толстую дверь до них донесся необычный скрежет. Попавшее в ловушку чудовище не хотело сдаваться, оно искало пути спасения. Постепенно скрежет стих.

Двое из уцелевших обменялись взглядами победителей. Рипли предупредила преждевременное ликование:

– Радоваться еще рано.

Один из заключенных недовольно возразил:

– Ерунда. Монстр заперт, дверь сработала. Мы его поймали.

– Почему вы говорите, что нам рано радоваться? – напустился на Рипли и Эрон. – Мы действовали по вашему плану и поймали чудовище.

Рипли даже не взглянула на заместителя начальника колонии. Ей не пришлось ничего объяснять — в это самое мгновение тишину разорвал оглушительный удар. Кое-кто вздрогнул, а двое заключенных бросились бежать.

Оставшиеся изумленно смотрели на дверь — на ее наружной поверхности вдруг вздулась огромная шишка. Громкое эхо удара еще долго разносилось по всем тоннелям и проходам. Не успело эхо затихнуть, как коридор сотряс еще один громopodobный удар, и в двери появилась вторая шишка.

— Ну и сукин сын, — пробормотал Эрон. — Это же металлокерамика.

Не слушая Эрона, Диллон не сводил глаз с Рипли. Ему казалось, он понимает ее. Она не сделала ни одного движения, поэтому и он стоял неподвижно. Если бы она побежала, он помчался бы вслед, не отставая ни на шаг и не пытаясь ее остановить.

Но Рипли не сдвинулась с места даже тогда, когда на двери вздулась третья шишка. В ушах у Диллона звенело. Жаль, что я не встретился с этой женщиной раньше, молча подумал он. Она способна изменить мужчину, резко переделать его жизнь. Она могла бы изменить и мою жизнь. Но это должно было случиться раньше. Сейчас слишком поздно. Уже давным-давно слишком поздно.

Четвертого оглушительного удара не последовало. Не появилась и четвертая шишка на двери. В тоннеле воцарилась мертвая тишина. Постепенно внимание всех уцелевших переместилось от иско-

реженной, но все еще достаточно прочной двери к единственной в их компании женщине.

Рипли медленно сползла вдоль стены на пол и, присев на корточки, закрыла глаза. Одновременно вырвавшийся у всех мужчин вздох облегчения был подобен последнему порыву ветра, знаменующему конец шторма.

11 Уцелевшие собрались в конференц-зале. Их осталось немного, но настроение у всех было приподнятое. Диллон оглядел товарищей и, только убедившись, что все оставшиеся в живых здесь, начал говорить:

– Возрадуемся, братья! Настал час ликования для нас и даже для тех, кто пал в этой битве с исчадием ада. Мы оплакиваем тех, кого уже нет с нами, и мы славим их храбрость. Они принесли в жертву свои жизни, и только благодаря этой жертве мы выжили. Кто возьмет на себя смелость сказать, кому из нас выпала лучшая доля, живым или павшим?

В одном мы уверены: павшие будут вознаграждены. Они уже в лучшем мире, потому что худшего мира, чем этот, нет во всей Вселенной. Они будут жить вечно. Возрадуемся! Те, кто пал смертью храбрых, теперь свободны от оков, от бездумной жестокости общества. Общество бросило их, теперь они оставили общество. Они ушли в иной, лучший мир. Возрадуемся и воздадим хвалу Господу!

Заклученные склонили головы и негромко пробормотали молитву.

Рипли и Эрон наблюдали за ритуальной службой,

проходившей в зале, со второго яруса. Оба только вернулись из душевой. Душ не восстановил силы, но хотя бы позволил смыть грязь, сажу и копоть. Под горячими струями воды Рипли испытала огромное удовольствие, ведь на этот раз она могла не оглядываться на задвижки и решетки вентиляционных отверстий.

– Что вы об этом думаете? – спросил Эрон, жестом показывая на молящихся заключенных.

Мысли Рипли были далеко, она лишь вполуха слышала и слова Эрона, и молитву.

– Не знаю, – сказала она. – Мне кажется, если это им доставляет удовольствие...

– Вы попали в точку. Эти выродки свихнулись со своей религией, зато ведут себя смиренно. Начальник колонии и я придерживались одного мнения. Эндрюз часто повторял: это очень хорошо, что Диллон и его болваны помешаны на своей религиозной чепухе. Религия делает их более послушными.

Рипли бросила на Эрона равнодушный взгляд.

– Очевидно, сами вы неверующий?

– Я? Чтобы я встрял в такое дерьмо? Ни за что на свете. Да к чему мне религия? У меня есть работа. – Эрон на минуту задумался. – По моим расчетам спасательная бригада прибудет дней через пять. Самое большое – через шесть. Они откроют дверь, войдут в хранилище со смартганами и убьют чудовище. Верно?

– Компания связывалась с вами? – без особого интереса спросила Рипли.

– Нет.

Эрон чувствовал себя превосходно. Его вполне устраивало сложившееся положение. Из всей этой заварухи определенно должно было получиться что-то полезное для него самого.

– Сначала пришло только подтверждение. Что-то вроде: “Ваш рапорт получен”. И все. Потом прислали более подробное сообщение. Там говорилось, что вы – очень важная птица. И опять никаких объяснений. Вообще-то Компания никогда не вводит нас в курс дела. Мы на самом краю света.

– Послушайте, – осторожно начала Рипли, – если Компания захочет забрать тварь на Землю...

– Забрать тварь на Землю? Вы шутите? Они же не сумасшедшие. Вашу тварь сразу же убьют.

Эрон нахмурился, потом мысленно пожал плечами. Иногда ему казалось, что он понимает эту необычную женщину с полуслова, но порой она выкидывала такое, что он начинал сомневаться в ее здравом рассудке.

А, черт с ней, подумал Эрон, ему не обязательно ее понимать, надо только смотреть за тем, чтобы с ней ничего не случилось. Этого требовала Компания. После гибели Эндрюза и поимки чужой твари Эрон сумел усмотреть в сложившейся ситуации кое-какие перспективы лично для себя. Теперь он – первый человек на планете и именно ему предстоит приветствовать представителей Компании и давать им объяснения. Недавние события и свою роль в них надо подать так, чтобы начальство его запомнило. Потом может последовать повышение по службе или, еще лучше, досрочный отзыв с Фиорины.

Приятная перспектива теперь казалась Эрону не такой уж несбыточной мечтой.

Но, честно говоря, после стольких лет верного служения Эндрюзу и событий последних двух дней любая награда и любое поощрение не будут чрезмерными.

– Эй, я вижу, вы это всерьез? Но почему? Из-за чего теперь переживать? Проклятая тварь в ловушке, из которой она никогда не сможет выбраться.

– Меня тревожит не чужая тварь, а Компания. Я уже дважды сталкивалась по этому поводу с директором Компании. – Рипли, наконец, повернулась к Эрону. – С того самого дня, когда мои друзья по экипажу «Ностромо» впервые обнаружили тварей, Компания спит и видит, как бы их заполучить. Для разработки новых видов биологического оружия. До чиновников не доходит, как опасны твари; понятия не имею, сколько и какого материала связанного с ними, они уже накопили. Я очень боюсь, что они могут в очередной раз попытаться забрать это чудовище на Землю.

Эрон смотрел на нее с таким неподдельным изумлением, что Рипли даже немного успокоилась. Похоже, теперь у нее появился хоть один союзник.

– Забрать с собой? Живое чудовище? На Землю? Рипли молча кивнула.

– Нет, должно быть, вы все же шутите.

– Посмотрите мне в глаза, Эрон. Для меня чужие твари – не предмет для шуток.

– Черт побери! Вы действительно говорите серьезно. Но это же безумие. Тварь необходимо убить.

Рипли холодно улыбнулась.

– Вот именно. Если я правильно вас поняла, в этом вопросе у нас нет разногласий?

– Какие, к черту, могут быть разногласия? Вы совершенно правы, – горячо заверил ее Эрон.

Итак, Эрон на моей стороне, размышляла Рипли. Пока на моей стороне. У Компании есть множество способов поколебать уверенность человека, заставить его изменить свое мнение о чем угодно, в том числе и о самом себе.

В лазарете было тихо. Мир вернулся на горно-обогатительный комплекс, хотя и не в души всех его обитателей. Эрона беспокоило, что после гибели Клеменза некоторые заключенные, появление которых на Фиорине было так или иначе связано с пристрастием к запрещенным лекарственным препаратам, отправятся в лазарет их разыскивать. Поэтому помощник начальника колонии послал Морса присматривать за аптекой, а заодно и за единственным пациентом лазарета.

Морс сидел на койке, увлеченно глядя на видеозэкран. Никогда не интересуясь играми и прочей безделицей, на Фиорине он не страдал от недостатка развлечений. Он был человеком не слов, а дела, по крайней мере в молодые годы. Правда, теперь активная жизнь осталась лишь в воспоминаниях.

Морс и Голик давно знали друг друга; они проработали бок о бок не один год. Тем не менее все еще спеленутый смирительной рубашкой Голик не только не поздоровался с товарищем, но, похоже,

вообще не заметил его появления. Лишь несколько часов спустя он, наконец, оторвался от стены.

– Эй, Морс!

Не отрываясь от экрана, Морс отозвался:

– Значит, ты еще не совсем проглотил язык. Большой успех. Правда, и в лучшие времена тебе нечего было сказать.

– Слушай, брат,ними с меня эту штуку.

Морс недобро усмехнулся:

– Ого! Значит, теперь, когда ты запеленут, как рождественская индейка, я вдруг стал тебе братом? Стреляного воробья на мякине не проведешь. Ничего не выйдет.

– Перестань, Морс. Не будь таким злым. Эта рубашка чертовски неудобна. Дай мне немножко передохнуть.

– Ни хрена не выйдет. У меня приказ.

– Ну, Морс, я тебя очень прошу. Мне больно.

– Могу только посочувствовать. – Морс снова уставился на экран. – Когда Эрон скажет, чтобы я тебя выпустил, я это сделаю. А до той поры оставайся так. Мне не нужны лишние неприятности, особенно когда вот-вот должен прийти корабль Компании.

– Я ничего не делал. То есть, я понимаю, что был немножко не в себе. Черт, а кто бы на моем месте не свихнулся? Но теперь я в норме. Док привел меня в порядок. Спроси у него.

– Не могу. Док сыграл в ящик. Ты наверняка слышал.

– Ах, да. Конечно. Теперь я вспомнил. Плохо, очень плохо. Хороший парень, хоть и засадил меня в эту рубашку.

– Кончай болтать, – недовольно сказал Морс.

Голик продолжал свое:

– Ну, что я сделал? Нет, ты мне скажи, что я сделал?

Морс тяжело вздохнул, выключил видео и уставился на сумасшедшего:

– Не знаю, что ты сделал, но могу точно сказать, что собираюсь делать я. Как мне и приказано, я буду охранять твою задницу.

Голик презрительно фыркнул.

– Ты боишься этого слизняка Эрона?

– Нет, не боюсь, хоть он сейчас что-то вроде начальника колонии. Я просто не хочу, чтобы у меня были недоразумения с Диллоном, и если у тебя есть хоть немного мозгов, в чем я здорово сомневаюсь, ты тоже этого не захочешь.

Голик мрачно хмыкнул.

– Весь мой грех в том, что я рассказал про дракона. Про то, как он расправился с Богтзом и Рейнзом. Никто мне не поверил, но я не врал. Может, кого и нужно было связать, но уж меня-то – в последнюю очередь. Это нечестно. Ты же знаешь, что я правду говорю. Ты сам видел дракона.

Морс согласился:

– Будь я проклят, если нет. Ну и страшилище. Ох, огромное. И ловкое. Ох, ловкое. И премерзкое. – Морс даже содрогнулся. – Если уж умирать, то не дай Бог в его лапах.

– Клянусь, ты прав. – Голик безуспешно рвался из смирительной рубашки. – Слушай, развяжи меня. Ты должен меня развязать. А что, если та

зверюга заберется сюда? Я даже убежать не смогу. Я для нее буду готовым завтраком.

– От тебя проку все равно не больше, чем от куска мяса. Сам видел не раз. Но сейчас-то это уже неважно, потому что страшилище сюда не заберется. – Морс гордо улыбнулся. – Мы его поймали. Я и другие. Надежно его упрятали. Представляю, как теперь оно там бесится! Когда придет корабль, с ним разберутся ребята из Компании.

– И правильно, – поспешно согласился Голик. – А я слышал, корабль прилетит уже скоро? Тогда в чем дело? Почему я должен болтаться в этом мешке? К тому времени, когда корабль выйдет на орбиту, руки у меня совсем онемеют. Нужно будет делать операцию. Слушай, Морс, ты же знаешь, операция или не операция, меня не возьмут на корабль Компании, а нового дока мы можем ждать месяцами. И все эти месяцы мне придется мучиться, а виноват будешь ты.

– Э, брось. Я на тебя смирительную рубашку не надевал.

– Не надевал, конечно, но ты же не хочешь меня развязать. А того, кто приказал меня связать, давно уже нет. Эрону на все наплевать. Он слишком занят той бабой-лейтенантом. Он хоть раз спросил обо мне?

– Нет, ни разу, – осторожно признался Морс.

– Вот видишь! – Голик даже покраснелся, угаривая Морса. – Морс, я тебя не выдам, от меня никаких неприятностей тебе не будет. Пока не придет корабль, я буду тише воды, ниже травы. Эрон

даже не узнает, что ты меня развязал. Слушай, как человека прошу, развяжи. Я жрать хочу. Подумаешь, дел-то всего! Разве не я делился с тобой последней цыгаркой!

– Ну... да, делился.

– Ты же мне друг. Ты мне нравишься.

– Ладно, я тоже против тебя ничего не имею, – заколебался Морс, потом решил и выругался: – А, черт побери, почему бы и нет? Никто не заслужил, чтобы его держали связанным целый день, как последнюю скотину. Даже такой здоровенный дурак, как ты. Только обещай вести себя тихо. Не вылезай из лазарета, а то я потом хлопот не оберусь.

– Конечно, Морс. Как скажешь. – Голик повернулся спиной к Морсу, и тот принялся развязывать веревки. – Нет проблем. Верь мне, друг. Если бы ты оказался на моем месте, я тебя обязательно бы освободил.

– Да, но только я не настолько свихнулся, чтобы самому залезать в твой мешок. А все другие знают, что я в своем уме, – сказал Морс.

– Перестань, не смейся надо мной. А что, разве я говорю, как ненормальный? Конечно, нет. Надо мной все смеются только потому, что я много ем.

– Дело-то совсем не в том, что ты обжора, а в том, как ты ешь. Не научили тебя хорошо вести себя за столом. – Морс сам засмеялся собственной шутке и развязал последнюю веревку. – Ну, кажется, все.

– Слушай, друг, помоги мне вылезти. У меня руки так онемели, что я не могу ими пошевелить.

– Черт! Мало того, что меня поставили смотреть

за тобой, так теперь я должен еще и нянкой быть.

Морс стянул с Голика смирительную рубашку. Голик, как мог, старался ему помочь.

– А куда упрятали зверюгу, ты не знаешь?

– В ближайшее хранилище отходов на пятом уровне. Знаешь, мы его так прижали! И надежно упрятали! – Морс с гордостью добавил: – На Ахеронте хваленые десантники ничего не могли сделать, а мы – запросто!

Голик торопился восстановить кровообращение. Он помахал руками в стороны на уровне своих широких плеч, потом стал ими вращать, постепенно делая все более и более широкие круги.

– Но зверюга еще жива? – спросил Голик.

– Да-а. Живучая тварь! Ты бы видел, как она искорежила дверь! Металлокерамическую дверь, понимаешь? – Морс восхищенно покачал головой. – Ну и сильна, сволочуга! Но мы ее все равно поймали.

– Мне нужно увидеть зверя.

Взгляд Голика был направлен мимо Морса, на что-то, известное лишь ему одному. Теперь лицо сумасшедшего выражало непоколебимую, спокойную решимость.

– Мне нужно его увидеть, – повторил Голик. – Он мой друг.

Морс осторожно отступил на шаг.

– Что за чепуху ты несешь? – сказал он и оглянулся на дверь.

Голик молниеносно сорвал со стены небольшой огнетушитель. У Морса округлились глаза. Он метнулся к двери, но... слишком поздно. Огнетуши-

тель опустился ему на голову раз, другой, и Морс упал без чувств.

Голик задумчиво посмотрел на товарища и с искренним сожалением сказал:

– Извини, брат, но я боялся, что ты не поймешь. Цыгарками больше делиться не будем.

Он перешагнул через тело Морса и бесшумно исчез в коридоре.

12 Эрон суетился возле коммуникатора. По должности он имел право доступа к системе дальней космической связи, но за все проведенные на Фиорине годы ему так и не пришлось ни разу воспользоваться этим правом. В тех редчайших случаях, когда возникала необходимость установления почти мгновенной двусторонней связи между колонией и Компанией, на коммуникаторе работал сам Эндрюз. Эрон почувствовал большое облегчение, когда на экране зажглись сигналы, которые свидетельствовали о том, что контакт со всеми ретрансляционными станциями установлен.

Эрон стучал по клавишам, а Рипли не отходила от него ни на шаг. Она не подсказывала, не надоедала советами, за что Эрон втайне был ей очень благодарен.

На главном экране появилось отправленное Эроном сообщение; каждая буква этого сообщения требовала огромных затрат энергии. К счастью, с исправно работавшим термоядерным реактором жители Фиорины не испытывали недостатка в энергии. Что же до затрат энергии и средств на ретрансляционных станциях, то Эрон предпочитал об

этом не думать, – придет время, Компания сама напомнит.

**ФУРИЯ-361 – КОЛОНИЯ КЛАССА С, ФИОРИНА
СООБЩАЮ О ГИБЕЛИ НАЧАЛЬНИКА
КОЛОНИИ ЭНДРЮЗА, ФЕЛЬДШЕРА
КЛЕМЕНЗА, ВОСЬМИ НИЖЕПЕРЕЧИСЛЕННЫХ
ЗАКЛЮЧЕННЫХ...**

Эрон закончил набирать фамилии погибших и оглянулся на Рипли.

– Итак, с этой частью покончено. Все коротко и ясно, как требует того Компания. Что передавать дальше?

– Объясните, что именно произошло. Что на аварийно-спасательном корабле вместе с нами прибыла чужая тварь. Что она пробралась на комплекс и уничтожила одного человека за другим, пока мы не разработали план ее захвата и не воплотили этот план в жизнь.

– Да, конечно. – Эрон снова повернулся к клавиатуре и в нерешительности замер. – Как ее назвать? Просто чужой тварью?

– Для Компании вполне сойдет. Они сразу поймут о чем речь. Но правильнее называть тварь ксеноморфом.

– Ага. – Эрон снова заколебался. – Как это слово пишется?

– Вот так. Вы разрешите?

Рипли нетерпеливо оттолкнула Эрона и склонилась над клавиатурой.

– Сделайте одолжение, – ответил Эрон.

Он восхищенно следил за пальцами Рипли, ловко мелькавшими над клавишами.

ПОЙМАН КСЕНОМОРФ. ПРОСИМ РАЗРЕШЕНИЯ НА УНИЧТОЖЕНИЕ

Рипли встала и отошла от панели коммуникатора. Эрон нахмурился.

– Это уже лишнее. Мы все равно не сможем его убить. У нас нет никакого оружия, разве вы забыли?

Рипли пропустила замечание Эрона мимо ушей: все ее внимание было приковано к экрану.

– Это они знают и без нас.

– Тогда зачем запрашивать разрешение?

Эрон явно чего-то недопонимал, а Рипли не торопилась рассеять его недоумение – ее мысли были заняты куда более важными проблемами.

Ну конечно, не прошло и минуты, как на экране уже стали появляться буквы. Рипли нерадостно улыбнулась. Ответ не заставил себя ждать. Сомневаться не приходилось: Компания опасалась, что, не получив разрешения, Рипли начнет действовать по собственному усмотрению.

ФУРИИ-361 – КОЛОНИИ КЛАССА С ОТ СЕТИ КОМКОН УЭЙЛЕНД-ЮТАНИ СООБЩЕНИЕ ПОЛУЧЕНО

Эрон устало откинулся на спинку стула.

– Видите? Они всегда так отвечают. Относятся к нам, как к последнему дерьму. Как будто ради нас не стоит тратиться на пару лишних слов...

– Подождите, – прервала его Рипли.

Эрон не успел моргнуть, как вслед за обычным официальным подтверждением на экране стали появляться и другие слова:

**СПАСАТЕЛЬНАЯ БРИГАДА ПРИБЫВАЕТ ВАШУ
ОРБИТУ 12.00 БУДЬТЕ ГОТОВЫ ПРИЕМУ В
РАЗРЕШЕНИИ УНИЧТОЖИТЬ КСЕНОМОРФА
ОТКАЗАНО ИЗБЕГАЙТЕ ЛЮБЫХ КОНТАКТОВ
ДО ПРИБЫТИЯ СПАСАТЕЛЬНОЙ БРИГАДЫ
ПОВТОРЯЮ – В РАЗРЕШЕНИИ
КАТЕГОРИЧЕСКИ ОТКАЗАНО**

Даже и этим послание не кончалось, но дальше ничего нового не было сказано. Для Рипли и этого было достаточно.

– Черт! – Она отвернулась и задумалась, покусывая губы. – Я так и знала!

Не отрывая глаз от экрана, Эрон забросал Рипли вопросами:

– Что вы хотите сказать? Что вы знали? Это еще ничего не значит. Они же понимают, что у нас нет оружия.

– Тогда почему “категорически отказано”? Почему Компания так упорно настаивает, чтобы мы не делали того, что, как им хорошо известно, мы не сможем сделать при самом большом желании?

Эрон недоумевающе пожал плечами:

– Должно быть, они хотят исключить всякую возможность нарушения приказа.

– Вот именно, – мрачно пробормотала Рипли, – они хотят исключить всякую возможность.

– Послушайте, – вдруг забеспокоился Эрон, –

надеюсь, вы не собираетесь отменить приказ Компании?

На этот раз Рипли улыбнулась:

– Кто, я? Разве я на это способна?

Помещение возле входа в хранилище токсичных отходов освещалось неважно, но недостаток освещения не смущал двух заключенных, стоявших на страже у дверей. Теперь в тоннелях и коридорах комплекса не было ни единого существа, которое могло бы причинить вред людям, и даже пойманная тварь давно утихомирилась. На тяжелой двери по-прежнему красовались все те же три огромные шишки. Они не увеличивались в размерах, и число их не изменилось.

Один из караульных небрежно прислонился к стене и заостренным обломком пластика старательно выковыривал грязь из-под ногтей. Его напарник, сидя прямо на холодном полу, негромко рассуждал:

– А я говорю, эта зверюга уже сдохла.

У заключенного был крупный нос с горбинкой; в другом месте и в другое время его можно было бы принять за ливанского купца.

– Почему ты так думаешь? – спросил его любитель чистых ногтей.

– Ты же слышал, что сказал хозяин. Эта коробка закрывается наглухо: оттуда ничего не выходит, туда ничего не попадает. – Он ткнул пальцем в сторону двери. – Даже газы.

– Да. Ну и что?

Второй караульный покрутил пальцем у виска.

– Пошевели мозгами, дубина. Если оттуда не выходят даже газы, значит, туда воздух не попадает. Эта зверюга сидит там уже столько, что успела не раз передышать всем воздухом, который там был.

Первый караульный бросил осторожный взгляд на искореженную дверь.

– Ну, может, оно и так.

– Что значит – может? Зверюга-то огромная. Стало быть, ей нужно много воздуха. Намного больше, чем человеку.

Первый караульный оставался при своем мнении:

– Откуда мы знаем? Она же не человек. Может, ей нужно меньше воздуха. А может, она впадает в спячку или что-нибудь в этом роде и тогда совсем не дышит.

– А может, ты откроешь дверь и посмотришь, как зверюга себя чувствует?

Первый караульный бросил свое занятие, тоскливо зевнул, но тут же встрепенулся:

– Эй, ты слышал?

Второй повернул голову направо, в сторону тускло освещенного главного тоннеля и усмехнулся:

– В чем дело? Тебе уже привидения мерещатся?

– Да нет же. Будь я проклят, если не слышал.

Теперь и второй караульный услышал приближавшиеся шаги.

– Черт!

Любитель чистых ногтей оторвался от стены, встал в центре тоннеля и внимательно посмотрел вдаль.

Скоро караульные увидели направлявшегося к

ним мужчину. Он шел, заложив руки за спину. Они облегченно вздохнули и смущенно рассмеялись.

– Голик, дьявол тебя поберит! – сказал второй караульный и снова опустился на пол. – Мог бы дать знать, что это ты. Свистнул бы что ли.

– Точно, – поддержал напарника первый караульный и махнул рукой в сторону хранилища. – Не думаю, что зверюга умеет свистеть.

– Ладно, в следующий раз свистну, – сказал Голик. Слегка покачиваясь, он отрешенным взглядом смотрел куда-то вдаль, мимо караульных.

– Эй, парень, с тобой все в порядке? Вид у тебя какой-то странный, – сказал любитель чистых ногтей.

– У него всегда странный вид, – засмеялся его напарник.

– Все в порядке, – пробормотал Голик. – Ну давайте, открывайте дверь. Мне нужно туда. – Он кивнул в сторону хранилища.

Караульные обменялись удивленными взглядами. Первый осторожно сунул свой маникюрный инструмент в карман и присмотрелся к Голику.

– Что за чертовщину он несет? – не понял второй караульный.

– Бедолага совсем спятил, – убежденно заявил его напарник.

– Слушай, а что вообще тебе здесь надо? И почему тебя выпустили из лазарета?

– Со мной все в порядке. – На лице Голика была написана непоколебимая решимость идиота. – Мне нужно только войти туда и увидеть зверя. Нам с ним

надо кое о чем потолковать, – добавил он, как будто его слова объясняли все. – Я должен туда войти, понимаешь?

– Нет, не понимаю. Но одно я знаю точно: ни ты, болван, и никто другой туда не войдет. Та здоровенная зверюга сожрет тебя живьем. К тому же ты ее выпустишь, и тогда нам всем крышка. Или ты ничего не знаешь, брат?

– Если хочешь покончить жизнь самоубийством, – добавил другой караульный, – пойди и прыгни в любую шахту. Но здесь у тебя ничего не получится. Начальник нам головы оторвет.

Один караульный осторожно направился к Голику.

– Начальник испустил дух, – торжественно объявил Голик и, выхватив из-за спины дубинку, с размаху ударил караульного по голове.

– Что за...? Держи его...!

Голик оказался намного проворнее, чем могли предположить его бывшие товарищи. К тому же на этот раз им двигали куда более могучие стимулы, чем простое желание набить брюхо. Через секунду оба караульных, обливаясь кровью, лежали на полу. Все было кончено очень быстро. Голик даже не обернулся, потому что в сущности ему было наплевать, живы ли еще его приятели или нет. Им овладела навязчивая идея, которой были подчинены и мысли его, и чувства, и все его существо.

Однако напоследок Голик все же бросил взгляд на распростертые на полу тела:

– Я этого не хотел. Я поговорю с вашими родителями и все им объясню.

Бросив уже ненужную дубинку, он подошел к двери, провел пальцами по ее вздувшейся поверхности и, прижавшись ухом к металлокерамической преграде, прислушался. Ни звука. Голик негромко хихикнул, шагнул к панели управления и довольно долго ее рассматривал; так ребенок знакомится с новой замысловатой игрушкой.

Что-то бормоча про себя, безумный поиграл с панелью, нажимая на все кнопки подряд. Вдруг одна из них подалась и осталась в утопленном положении. В толстом слое металлокерамики зажужжали двигатели, послышался скрежет металла по металлу. Дверь скользнула в сторону и... остановилась, когда одна из выбитых тварью шишек уперлась в монолитную стену.

Голик нахмурился, с трудом втиснулся в узкий зазор. Упершись руками и ногами в дверь, он решил помочь ей преодолеть неожиданное препятствие. Двигатели протестующе завывали. Дверь приоткрылась еще на несколько сантиметров и снова остановилась, на этот раз окончательно. Моторы умолкли, снова воцарилась тишина.

Безуспешно пытаясь хоть что-то разглядеть в кромешной тьме, Голик приветливо улыбнулся и сказал:

— Ну вот я и здесь. Все в порядке. Все в порядке. Ты только намекни, что тебе надо. Скажи, что делать мне, брат.

В темной камере было тихо, как в могиле. Ни звука, ни малейшего движения.

— Слушай, давай говорить начистоту. Я всегда

буду на твоей стороне. Я хочу делать свое дело и больше ничего. А ты будешь говорить, что мне нужно делать.

Истекавшие кровью караульные так и не пришли в себя и потому не слышали единственного пронзительного крика, хотя эхо еще долго носило его по мрачным тоннелям.

Лежа на койке, Диллон в тысячный или десяти-тысячный раз раскладывал пасьянс. Он неторопливо перевернул очередную карту, потерев свой чуб и сказал стоявшей перед ним Рипли:

– Значит, вы боитесь, что они заберут зверюгу с собой?

– Во всяком случае попытаются забрать, – заверила его Рипли. – Компания категорически запретила нам убивать чужую тварь.

– Зачем она им? Чепуха какая-то.

– Конечно, чепуха, но тем не менее они попытаются забрать тварь живьем. Я уже сталкивалась с Компанией. Директорат считает чужую тварь потенциально ценным источником нового генетического материала и, вероятно, ценным объектом для разработки новых видов биологического оружия.

Диллон звучно рассмеялся, но сама мысль об использовании чужой твари в качестве оружия его явно обеспокоила:

– В таком случае они сошли с ума.

– Директорат Компании не станет слушать доводы разума. Они полагают, что знают все. На Земле они обладают огромной властью и потому считают, что тварь тоже подчинится им. Но чужой твари все

равно, сколько власти у Компании и сколько политиков пляшет под ее дудку. Специалисты Компании непременно попытаются забрать тварь для детального изучения, а она может сбежать. Риск слишком велик. Нам нужно найти какой-то способ разделаться с тварью до прилета корабля Компании.

– Если дело обстоит так, как вы говорите, Компании это не понравится.

– А мне плевать, понравится это Компании или нет. Я знаю лучше всех, лучше любого из их так называемых специалистов, на что способны чужие твари. Конечно, в принципе можно построить специальную клетку и содержать одну особь в неволе. Мы это уже доказали. Но твари невероятно терпеливы и упорны. Они используют малейшую возможность. Допусти один ничтожнейший просчет – и все будет кончено. На крохотной далекой колонии типа той, что была на Ахеронте или пока еще существует здесь, это приведет к гибели колонии – и только. Но если чужие твари станут разгуливать по Земле, то Армагеддон покажется нам невинным школьным пикником.

– Сестра, когда мы заманивали это исчадие ада в западню, я уже потерял много своих братьев, – теребя свой чуб и дымя сигаретой, проговорил Диллон. – Я потерял близких, которых хорошо знал и с которыми долгие годы делил все беды и печали нашей горькой жизни. И без того нас было немного, и мне всегда будет их не хватать. – Диллон поднял голову. – Я не стану посылать моих братьев с палками на исчадие ада. Да и зачем нам его убивать,

если Компания уже послала людей? Пусть они занимаются этой зверюгой.

Рипли с трудом сдержалась, чтобы не сорваться на крик.

— Я же все объяснила. Компания собирается забрать чужую тварь на Землю.

Диллон равнодушно пожал плечами:

— Ну и что? Пусть забирает.

— Тварь всех их убьет. Они не смогут удержать ее в неволе. Я же говорила, она обязательно убьет всех, всех до единого.

Диллон перевернулся на спину и с удовольствием выпустил в потолок столб дыма.

— Ну и что? Пусть убивает.

Из соседнего коридора донесся звук торопливых шагов, и в комнату вбежал запыхавшийся Морс. Он растерянно посмотрел на Рипли, потом на Диллона. Очевидно, он никак не ожидал увидеть здесь лейтенанта.

— Эй, Диллон!

Диллон неторопливо вынул сигарету изо рта.

— Брат, ты прерываешь частную беседу.

Морс снова бросил взгляд на Рипли, потом сказал торопясь:

— Беседа подождет. Кажется, мы влипли в чертовски неприятную историю, брат.

Эрон не имел никакого медицинского образования, но и ему было ясно, как погибли двое заключенных. Оба лежали с расколотыми черепами. У чужой твари был иной почерк. Валявшаяся неподалеку окровав-

ленная дубинка лишь подтверждала догадку. Что же касается убийцы, то и он недолго наслаждался плодами преступления. В нескольких шагах лежал его изуродованный труп.

Эрон выпрямился и присоединился к своим спутникам, ошеломленно смотревшим в полуоткрытую дверь хранилища токсичных отходов. Диллон сунул в дверь факел. Помещение было пусто.

– Все понятно, – со злостью пробормотал Эрон. – Несчастный сукин сын выпустил зверюгу. Ну и кретин! Ладно, он свое получил. Но, черт побери, что теперь делать нам? Эндрюз был прав. Нужно было держать этого идиота на цепи или накачать его лекарствами так, чтобы он и пальцем не мог пошевелить. Тупицы эксперты! Подсунули нам такого психа! – Эрон замолчал и озабоченно посмотрел на Рипли. – Что с вами? Опять побочные эффекты?

Опершись одной рукой о стену и прижимая другую к животу, Рипли жадно хватала ртом воздух.

– Плюньте на эту бабу, – прорычал Морс. – Зверюга разгуливает на свободе. – Он бешено завертел головой. – Что теперь делать, а?

– Этот вопрос я уже задавал, – рявкнул Эрон. – Это ты, дубина, выпустил Голика. Ничтожное дерьмо, ты же погубил всех нас!

Никто не ожидал такого мощного удара от неблиставшего физической силой Эрона. Морс упал, неловко ударившись об пол, из его носа ручьем потекла кровь. Не на шутку разошедшийся Эрон снова рванулся было к Морсу, но кто-то крепко обхватил его сзади. Диллон легко оторвал начальника

от пола и поставил на ноги в нескольких метрах от Морса. Эрон, тяжело дыша, оглянулся.

– Вот этого не надо, – предупредил Диллон.

– Диллон, вы забываетесь! Пока что я здесь начальник.

– Я и не спорю. Но этого делать вы не будете. Понятно? Вы не будете бить братьев. Это моя забота.

Диллон и Эрон еще с минуту испепеляли друг друга взглядами, потом Эрон глубоко вздохнул, отвернулся и кивнул в сторону корчившегося Морса:

– Тогда скажите этому типу, чтобы он не придуривался. Из-за него мы снова по уши в дерьме!

Диллон уже не обращал внимания ни на Эрона, ни на Морса. Он повернулся к Рипли:

– А что вы думаете? Один раз мы поймали зверюгу. У нас есть еще надежда?

Рипли стояла все в той же позе. Она тяжело дышала, ее лицо исказил приступ невыносимой головной боли и тошноты, глаза слезились. Наконец она с трудом подняла голову.

– Мне нужно... мне нужно на спасательный шлюп.

– Да, конечно, но сначала надо решить, что нам делать со зверюгой.

– Нет. – Рипли встрепенулась. – Сначала на шлюп. Сейчас же.

Теперь и Эрон не сводил с Рипли встревоженного взгляда.

– Ладно. Нет проблем. Как скажете. Но зачем?

– Нейросканер. Мне нужен сканер, который стоит на любой капсуле для гиперсна. Не знаю, есть ли

что-нибудь похожее в лазарете, но это не важно. Клеменз погиб, а я умею работать только со своими приборами. Если они еще могут что-то показывать.

Рипли сморщилась от боли, согнулась вдвое и прижала обе руки к животу. Оттолкнув Эрона, Диллон шагнул к ней. На этот раз Рипли пришлось принять помощь. Опершись на руку Диллона, она ждала, когда восстановится дыхание.

– Что с вами? – спросил Диллон. – Вы неважно выглядите.

– Побочные эффекты от тех лекарств, что давал ей Клеменз, – объяснил Эрон и менее уверенно добавил: – Может быть.

– Кому какое дело, что с этой бабой? – не вытерпел пришедший в себя Морс. – Лучше скажите, что делать теперь нам?

Эрон бросил на него свирепый взгляд:

– Хочешь еще раз получить по морде, мешок с дерьмом? Заткни свою непутевую глотку и не паникуй.

Морс не собирался отступить:

– Не паникуй! Да ты, тупица, небось даже не знаешь, как это слово пишется. И не рассказывай мне про панику! Мы и должны паниковать! Мы же влипли по уши!

– Да! И по чьей же вине?

– Вы оба, заткнитесь! – гаркнул Диллон.

На минуту установилась тишина. Мужчины молча обменивались злобными взглядами.

– Ладно, – пожал плечами Эрон, – признаюсь, у меня нет конкретных предложений. Что мы будем делать?

– Может, спрячемся на берегу? – с надеждой в голосе спросил Морс.

– Ага, – язвительно отозвался Эрон. – До восхода здешнего светила еще целая неделя, а когда оно не греет, там минус сорок. Спасательная бригада прибудет через десять часов, а что от нас останется к тому времени при таком морозе, объяснять не надо. Блестящая мысль!

– Прекрасно, – проворчал Морс, – значит, нам остается сидеть и ждать, когда эта чертова зверюга нас сожрет?

Пока Эрон и Морс обменивались колкостями, Рипли молча вышла.

– Давайте соберем всех оставшихся, – прервал Морса Диллон. – В конференц-зале. Лейтенант, вы можете... – Диллон удивленно огляделся. – Куда она делась?

Аварийно-спасательный шлюп одиноко покоился на том же постаменте в просторном грузовом отсеке комплекса. В тишине далеко разносилось гулкое эхо четких шагов по металлическим мосткам. Освещающая путь, в полумраке перед шагавшим двигался круг света.

В тесном закутке корабля Рипли разделась донага, аккуратно сложила одежду и села за панель управления. После нескольких неудачных попыток крохотный экран ожил и засветился.

Пальцы Рипли забегали по клавишам, замерли, словно в раздумье, и снова принялись за работу. Потом Рипли долго размышляла, глядя на экран. Наконец она встала и направилась к капсуле для

гиперсна, к той самой, в которой ее забросило на Фиорину.

Втиснуться в капсулу оказалось не так просто. Кроме того, из капсулы она еле дотягивалась до клавиатуры и совсем не видела экрана.

– Вам помочь?

Рипли вздрогнула и уставилась на невесть откуда взявшегося Эрона.

– Прошу прощения, я не хотел вас напугать. Послушайте, вам все-таки не стоит бродить по комплексу одной.

– Это я уже слышала. Раз уж вы появились, сделайте одолжение, посидите за клавиатурой. Я могу дотянуться сама, но не вижу клавиш и экрана.

Эрон кивнул и занял место Рипли за панелью управления, а она устроилась в капсуле.

– Что я должен делать?

– Надеюсь, совсем немного. Процедура довольно проста. Вы готовы? – спросила Рипли, не поворачивая головы.

Сбитый с толку перечнем команд и инструкций, Эрон растерянно смотрел на экран.

– Вроде бы да. Что теперь?

– Не обращайтесь внимания на специальные термины. В нижней части экрана есть набор команд.

Эрон опустил взгляд и еще раз кивнул.

– Нашел. Что дальше?

– Нажмите клавишу “В” или “С”. Что такое “С”?

– Отображение биофункций, – прочел Эрон.

– То, что надо.

По команде Эрона на мониторе появился новый набор инструкций и команд.

– Так, теперь у меня целый экран тарабарщины.

– Действуйте точно так же. Набор команд внизу. Там должна быть команда “V” – визуальный контроль. Нажимайте.

Эрон оглянулся на Рипли и послушно нажал клавишу “V”.

В тесной капсуле тихо зажужжал моторчик. Несмотря на мягкое, удобное ложе, Рипли невольно поежилась – она почувствовала себя очень неуютно, как букашка под микроскопом. Ей казалось, что вот-вот стены корабля сойдутся, потолок рухнет и замурует ее в капсуле навечно. Рипли закрыла глаза, стараясь успокоить дыхание и замедлить бешеный пульс. В какой-то мере ей это удалось.

Экран замигал, непонятные слова исчезли, и появилось изображение мозга Рипли в разрезе.

– Все нормально, – сообщил Эрон, – мы почти попали в точку. Я вижу ваш мозг. Рядом с изображением словесная информация, а в нижней части экрана тьма новых команд.

– Это для системно-специфического сканирования, – к собственному удивлению начала объяснять Рипли. – Знаете, центральной нервной системы, системы кровообращения и всего прочего. Поддерживайте самый общий режим, без специализации. Оставьте всё, как есть.

– Нет проблем. – Эрон восхищенно смотрел на экран. – А что мне нужно искать? Я понятия не имею, как разбираться во всей этой чертовщине.

– Не обращайтесь внимания на объяснения и команды, следите только за изображением, – сказала Рипли. – Что сканируется сейчас?

– Ваша шея. Сканер движется дальше вниз. Что я должен найти?

– Если оно там, вы сразу узнаете.

– Ладно, пока вроде бы все нормально. Конечно, я не Клеменз.

– Пусть вас это не беспокоит, – сказала Рипли. – Вам и не нужно быть Клемензом.

Рипли прислушивалась к ненавязчивому, тихому жужжанию сканера, медленно перемещавшемуся где-то в глубине напичканной приборами стенки капсулы. Хотя между сканером и человеком не было прямого механического контакта, Рипли казалось, будто она чувствует, как луч сенсора скользит вдоль ее тела, и невольно поеживалась. Лишь тот, кто не провел в гиперсфере годы, может утверждать, что человек не чувствителен к излучению.

– Появилась верхняя часть грудной клетки, – говорил Эрон. – Вижу верхушку легкого. Теперь появляется сердце.

Рипли давно решила провести самообследование и все же в этот момент невольно напряглась. Мышцы правого предплечья судорожно задергались. Голос Эрона, казалось, доносился откуда-то издалека.

– Теперь на экране изображение всей грудной клетки. По крайней мере так утверждает надпись. Судя по всему, сердце и легкие в порядке. Сканер перемещается дальше.

Судороги прекратились, дыхание выровнялось.

– Вы уверены?

– Я не вижу ничего необычного. Если вы хотя бы намекнете, что мне нужно искать... может, я проглядел.

– Нет. – В голове Рипли вихрем пронеслись тысячи мыслей. – Нет, проглядеть вы не могли.

– Как повысить усиление?

– Попробуйте клавишу “В”.

Эрон последовал совету Рипли. На экране ничего не изменилось.

– Все по-прежнему. – Он попытался еще раз, бормоча себе под нос. – Надо бы изменить угол сканирования...

Эрон еще немного повозился с клавиатурой и вдруг застыл.

– Черт возьми, – только и сказал он, уставившись на экран.

– Что? – требовательно спросила Рипли. – Что там?

– Не знаю, как и сказать. Похоже, у вас внутри маленькая тварь.

Эрон никак не мог оторвать взгляд от экрана. Он не верил своим глазам. Сомневаться не приходилось: маленький эмбрион был явно сродни тому огромному монстру, что губил жителей Фиорины, хотя изображение на экране было не просто уменьшенной копией монстра – эмбрион заметно отличался от взрослой особи.

Это несправедливо, подумала Рипли. Уже не один день она не просто подозревала, а была почти уверена. Потом сканирование грудной клетки вселило

в нее слабую надежду. А теперь вот это – как не подлежащий обжалованию приговор, пусть даже и не неожиданный.

Теперь, когда ее худшие опасения подтвердились, Рипли ощутила странное облегчение. Ее судьба решена. Теперь она может действовать без оглядки, твердо зная, что ею выбран правильный путь. Единственно правильный.

– На что оно похоже?

– Дьявольски омерзительная тварь, – сообщил Эрон с отвращением и восторгом одновременно. – Очень похожа на большую зверюгу, только маленькая. Впрочем, от взрослой зверюги чем-то отличается.

– Вы уверены? Я хочу сказать, может быть или в самом деле отличается?

– Я ни в чем не уверен. Большая зверюга мне не позировала.

– Нажмите на клавишу “стоп”, – приказала Рипли.

– Уже. Сканер остановлен.

– Теперь подвиньте экран. Мне нужно посмотреть самой.

Эрон заколебался:

– Мне кажется, вам не стоит...

– Здесь последнее слово за мной. Делайте, что вам говорят.

Эрон поджал губы.

– Ладно. Если вы полагаете, что способны...

– Я ничего не полагаю. Делайте, что я сказала.

Эрон подвинул экран. Рипли, не мигая, долго рассматривала изображение.

– Хорошо. Достаточно.

Эрон тотчас выключил нейросканер.

– Искренне сочувствую вам, – пробормотал он, стараясь говорить как можно мягче. – Не знаю, что и сказать. Если я могу чем-нибудь...

– Да. Помогите мне отсюда выбраться, – сказала Рипли и протянула Эрону руки.

13 После гибели еще троих конференц-зал стал казаться совсем огромным и пустым. Оставшиеся в живых негромко переговаривались. Разбив кулаком стекло протовопожарного щита, Диллон сорвал с него топор и, подняв свое оружие над головой, выкрикнул:

– Господи, дай нам силы все вынести. Пока не придет назначенный день. Аминь.

Как прежде, взмыли вверх сжатые кулаки. Люди не знали, что их ждет, но были преисполнены решимости. Диллон внимательно оглядел уцелевших товарищей.

– Чудовище, это исчадие ада, сбежало, – сказал он. – Оно бродит по комплексу. К нам спешит спасательная команда с оружием и прочим дерьмом. Места, где мы могли бы надежно укрыться, у нас нет. Я считаю, что следует оставаться здесь. В потолке нет вентиляционных отверстий. Чудовище может попасть сюда только через дверь. Мы выставим охрану; охрана предупредит остальных об опасности. В любом случае соблюдайте спокойствие, а если придет ваш час, будьте готовы встретить его достойно.

– Ерунда, – сказал Дейвид. – Здесь мы, как крысы в клетке.

Диллон бросил на Дейвида свирепый взгляд:

– Каждый из вас припрятал где-то свой нож. Вооружитесь ножами.

– Ага, – язвительно проворчал Уильямс. – Ты думаешь, ими можно прикончить зверюгу?

– Этого я не думаю, – ответил Диллон. – Но надеюсь, что ее можно будет хотя бы задержать, пока вы не скроетесь в более укромное место. Это будет уже кое-что. Лучшие предложения есть?

Уильямс лучшего предложения не имел. Равно как и другие.

– Скажу честно, – продолжал Диллон, – пока не прибудет спасательная команда, мы будем сидеть по уши в дерьме. Будьте готовы ко всему.

– Я здесь не останусь, – сказал Уильямс. – На меня на рассчитывайте. – Он повернулся и вышел из конференц-зала.

Диллон сплюнул.

– Твое дело.

Эрон отстучал кодовый сигнал, потом прижал большой палец к идентификатору отпечатков пальцев. Дверь, закрывавшая доступ к центру космической связи, скользнула в сторону. В ожидании ввода данных на пульте управления зажглись контрольные сигналы, а экран засветился. Эрон повернулся к Рипли:

– Итак, – сказал он, – что вы хотели бы передать?

– Вы установили связь с космической ретрансляционной сетью?

Эрон, наморщив лоб, проверил показания приборов:

– Да, связь есть. Так что вы хотите сказать?

– Я хочу сообщить, что весь комплекс заражен токсичными веществами. Думаю, они поверят. Отходов здесь больше чем достаточно, так что в принципе заражение вполне возможно.

Эрон удивленно уставился на Рипли:

– Вы шутите? Если я передам такое сообщение, они сюда и носа не покажут. По крайней мере до тех пор, пока не получат и тысячу раз не перепроверят результаты дистанционного контроля. А спасательная команда вернется на Землю.

– Вот именно.

– Тогда о чем вы говорите? Мы ждем корабль, как манну небесную. Если нам на что-то и можно надеяться, так только на то, что спасатели прилетят и убьют эту зверюгу раньше, чем она сожрет всех нас. Возможно, они смогут помочь и вам. Об этом вы не подумали? Вы убедили себя в том, что тварь непобедима, какое бы оборудование ни привезли спасатели. Но на самом деле вы никак не можете знать, так ли это в действительности. Может, они заморозят вас, сделают какую-то особую операцию.

Вы говорили, что научный центр Компании давно собирает информацию о чужой твари. И вы полагаете, что специалисты попытаются забрать тварь с собой, даже не будучи уверены, что смогут удержать ее в неволе? Да что там говорить, даже мы поймали тварь, хотя были совсем не подготовлены. А у спасателей будет все: оборудование, специальная техника.

Рипли оставалась при своем мнении.

– Кроме несокрушимой алчности, у Компании нет ничего. Поверьте, уж это я знаю точно. Мне приходилось иметь дело и с Компанией, и с чужими тварями, и, честно говоря, я не уверена, кто из них по большому счету опасней. Я не могу рисковать. В одном я уверена: если хотя бы одно чудовище сбежит на другие обитаемые планеты, оно уничтожит все население. Таково предназначение этих тварей: уничтожать и размножаться.

Мы просто не имеем права пускать сюда людей Компании. Они сделают все возможное, чтобы забрать тварь с собой. – Рипли с отвращением фыркнула. – Ради барышей.

– Дьявол бы вас побрал. Я чертовски сожалею, что в вас сидит детеныш этой зверюги, но я хочу спастись. Очевидно, я склонен верить Компании больше, чем вы. Мне кажется, вы оцениваете ситуацию не вполне объективно, и я допускаю, что у вас на то достаточно оснований. Но отсюда вовсе не следует, что я должен во всем соглашаться с вами. Вот я и не соглашаюсь.

Мне плевать на этих проклятых заключенных. Может, они убьют зверюгу или как-то спасутся – например, зарюются в шахты, а потом до изнеможения будут петь осанну. Но у меня есть жена и ребенок. Я женился очень рано, так что даже с учетом эффекта относительности времени я могу прожить с семьей еще не один счастливый год. По контракту я должен оставаться здесь еще несколько лет. Но после всего случившегося, возможно, мне удастся доказать, что степень опасности здесь оказалась

намного выше оговоренной в контракте, и мне разрешат улететь вместе со спасателями. Тогда я получу зарплату плюс премию за полный срок. Если мои надежды оправдаются, ваш ксеноморф сослужит мне добрую службу.

– Мне очень жаль. Я понимаю: вам не просто принять такое решение, – стараясь сдерживаться, настаивала Рипли, – но послать сообщение необходимо. На карту поставлено куда больше, чем ваша мечта о счастливой жизни пенсионера в зеленом пригороде. Если чужая тварь станет разгуливать по Земле, то все ваши глупые фантазии ровным счетом ничего не будут стоить.

– Я верю Компании, – продолжал твердить Эрон.

– Эрон, черт вас возьми, мне нужен код!

Эрон откинулся на спинку стула.

– Прошу прощения, мэм. Это секретные сведения. Вы ведь не хотите, чтобы я нарушал правила, не так ли?

Рипли знала, что в ее распоряжении остается немного времени, а здесь она только зря тратит драгоценные минуты. Уже в который раз ей приходится сталкиваться с типичной для Компании позицией, когда правила и инструкции удачно скрывают полное отсутствие человечности и морали.

– Послушайте, вы, болван, плюньте на ваши драгоценные правила! Нам нужно послать сообщение! Дайте мне код!

– Ни черта не выйдет, уважаемая леди. Вы получите код только через мой труп.

Рипли уже было угрожающе наклонилась к Эрону,

но в последний момент заставила себя отступить. Она снова ощутила безмерную усталость. И зачем ей все это нужно? Она ничего не должна никому на свете, и уж тем более людям Компании. Пусть забирают чужую тварь на свой корабль, пусть тварь сожрет весь экипаж, что ей до того?

– Надеюсь, вы понимаете, я не хотел оскорбить вас лично, – бормотал Эрон, впрочем, не сводя с Рипли пристального взгляда. Он ожидал от нее любого подвоха. Конечно, Эрон не думал, что ему угрожает реальная опасность, но за те несколько часов, в течение которых ему пришлось наблюдать действия Рипли, он понял, что недооценивать эту женщину было бы неумно. – Думаю, с вами все в порядке.

– Благодарю, – вяло ответила Рипли.

– Итак, решено. Мы снова работаем вместе. – Эрон был очень доволен. – У нас есть какой-нибудь план?

Рипли повернулась, и Эрон моментально напрягся, но она равнодушно прошла мимо него к стойке и налила стакан воды. Жажда – явно не от нервного напряжения – не оставляла ее ни на секунду. Теперь ее организм постоянно требовал влагу не только для себя. Рипли остановилась рядом с Эроном и сказала:

– Взрослая тварь не тронет меня.

– Да? И почему же? – поднял брови Эрон.

Рипли отпила несколько глотков.

– Она не может схватить меня, не рискуя нанести вред эмбриону матки. Я знаю, что одна тварь может воспроизвести на свет множество подобных тварей,

но, скорее всего, только одну матку. Может, такова генетика этих существ, в этом я не разбираюсь. Доказательств у меня нет, но пока тварь ни разу не попыталась убить меня, а это кое о чем говорит.

– Вы в самом деле считаете это существо таким умным?

– Возможно, ум здесь вовсе ни при чем. Это может быть голый инстинкт. Нанесение увечий организму-хозяину может погубить еще не родившуюся матку. Вполне разумно. – Рипли посмотрела в глаза Эрону. – Тварь уже могла убить меня по меньшей мере дважды, но пощадила. Она знает, кого я вынашиваю. – Рипли задумчиво провела рукой по подбородку и вдруг решительно заявила: – Есть способ разрешить наши сомнения. Посмотрим, насколько тварь умна.

От изумления Эрон широко раскрыл рот.

– Вы собираетесь отправиться на ее поиски?

– Да. Я догадываюсь, где она может быть. Над нами, на чердаке.

Эрон недоумевающе наморщил лоб.

– На каком чердаке? У нас нет чердаков.

– Это метафора.

Рипли допила воду.

– Ах так... – Эрон не сводил с Рипли пристального взгляда.

– Хотите составить мне компанию?

Эрон молча покачал головой. Рипли усмехнулась, поставила пустой стакан на стойку и направилась к выходу. Эрон проводил ее взглядом.

– Черт меня побери! – пробормотал он про себя.

14 Коридор был пуст. Рипли остановилась, укрепила факел в стенной щели и осмотрелась. Вдоль стены тянулся пучок старых проржавевших труб. Рипли обеими руками ухватила за ближайшую и дернула ее изо всех сил. Труба треснула и отогнулась. Рипли дернула еще раз, и в ее руках оказался кусок трубы. Вооружившись им, Рипли направилась к лазарету.

Лазарет казался пустынной прежнего. Рипли огляделась. Она почти надеялась, что вот-вот появится Клеменз, сядет за свой рабочий стол и, подняв голову, улыбнется ей. Но кресло за столом пустовало, экран компьютера не светился.

Забраться в потолочное вентиляционное отверстие с полутораметровой трубой и фонарем в руках было непросто, но Рипли справилась и с этим. Воздуховод оказался пустым и темным. Отрегулировав фонарь так, чтобы луч света был возможно более широким, она прежде посветила назад, а потом поползла вперед по узкой трубе.

Рипли не могла сказать, как долго она находилась в воздуховоде и сколько метров успела проползти, но слабый свет, пробивавшийся из лазарета, давным-давно остался позади. Она позвала тварь – сначала тихо, потом, по мере того как страх уступал место злости, все громче и громче. Чего ей бояться? Ее судьба решена. Ей просто нужно еще раз убедиться, встретиться с чужой тварью лицом к лицу.

– Ну, иди сюда, – стоя на четвереньках, говорила Рипли. – Я же знаю, что ты здесь. Иди сюда. Делай то, что ты делаешь всегда.

Воздуховод резко повернул налево. Рипли поползла дальше. Она то чуть слышно бормотала, то кричала во весь голос:

– Ну, иди сюда, сволочь! Куда ты запропастилась, когда ты нужна?

Кожа на коленях уже начинала саднить. Остановившись, Рипли прислушалась. Это какой-то шум? Или ей просто послышалось, подводит чрезмерно разыгравшееся воображение?

Преодолевая боль в локтях и коленях, Рипли миновала еще один поворот.

Воздуховод вывел Рипли в камеру, настолько высокую, что она смогла, наконец, выпрямиться, и с облегчением потянулась. Здесь размещалась ветхая, насквозь проржавевшая установка для очистки воды – резервуар примерно на тысячу галлонов и сложное переплетение корродировавших труб.

За резервуаром продолжался бесконечно-длинный, темный воздуховод. Вновь подкатившая тошнота заставила Рипли покачнуться и прислониться к резервуару.

В этот момент притаившаяся поблизости чужая тварь взмахом хвоста выбила фонарь из ее рук. Фонарь упал на пол, покрутился, но не погас. Чувство беспомощности и отчаяния охватило женщину.

Спрятавшись за густой паутиной труб и кабелей, чужая тварь разглядывала Рипли.

– Сволочь, – пробормотала Рипли, собралась с силами и с размаху вонзила острый конец трубы в грудь чудовища.

Эхо разнесло рев обозленной твари. Ломая трубы, как соломинки, она вырвалась из своего убежища и, выпрямившись, нависла над Рипли. С ее челюстей капала густая слюна.

Рипли не отступала ни на шаг.

– Ну иди сюда, сволочь! Убей меня!

Тварь не сдвинулась с места. Рипли еще раз изо всех сил ударила ее трубой, и существо, снова заревев, протянуло лапу, выхватило трубу и отшвырнуло ее в сторону. Пот струился по лицу Рипли, но она не сводила взгляда с мерзкого существа.

И тут тварь неожиданно повернулась и скрылась в темноте.

– Ублюдок, – пробормотала Рипли, без сил опускаясь на пол.

Диллон нашел лейтенанта Рипли в конференц-зале. В огромном полутемном помещении она сидела совершенно одна, бессильно опустив голову и спрятав лицо в ладонях. Диллон с пожарным топором в руках остановился неподалеку от Рипли. Она не могла не заметить его, но позы не изменила и не произнесла ни звука.

Обычно Диллон уважал желание человека остаться в одиночестве, но сейчас ситуация была далеко не обычной.

– С вами все в порядке? – спросил он.

Рипли не ответила, не подняла головы.

– Что вы здесь делаете? Как и всем, вам не мешало бы где-нибудь спрятаться. А что, если зверюга появится здесь?

Рипли, наконец, подняла глаза.

– Меня она не тронет.

– Это почему же?

– Потому что я вынашиваю в себе еще одну тварь.

Зверюга не станет кидаться на себе подобного.

Диллон вытаращил глаза:

– Чушь собачья.

– Послушайте, час назад я видела взрослую чужую тварь. Я стояла совсем рядом с ней. Она запросто могла бы пообедать человечинной, но даже не прикоснулась ко мне. Убежала – не стала убивать свое потомство.

– Откуда вы знаете, что в вас сидит маленькая зверюга?

– Видела на экране нейросканера. Это эмбрион матки, а матка может произвести на свет тысячи тварей вроде той, что вертится возле нас.

– Вы имеете в виду что-то вроде пчелиной матки?

– Или термитной, или муравьиной. Но это всего лишь аналогия. Чужие твари не имеют никакого отношения к насекомым. Просто они создают похожие социальные структуры. К сожалению, мы знаем о них очень немного. Вы, вероятно, заметили, что твари – не слишком благоприятный объект для исследователя.

– А откуда вы знаете, что это матка? – невольно вырвалось у Диллона.

– Во-первых, у матки очень характерная форма головы. Ее как бы поддерживает большой, вытянутый вверх нарост в виде жабо. Зачатки этого жабо были отчетливо видны на экране нейросканера. Во-вторых,

период созревания эмбриона рабочей твари или твари-бойца очень короток, иногда всего лишь около суток. Твари проходят разные стадии развития невероятно быстро. Очень эффективный способ выживания, – хладнокровно объяснила Рипли. – Если бы во мне зрел эмбрион обычной рабочей твари, он уже давно вышел бы наружу, прорвав грудную клетку. А этот зародыш растет в утробе, а не в груди. Поскольку тварь-матка представляет собой значительно более сложный организм, для вызревания ее эмбриона требуется больше времени и пространства. В противном случае я была бы давно мертва.

Я видела, как действует матка. Поверьте, зрелище не из приятных. Взрослая матка огромна, она во много раз больше той твари, с которой мы воюем сейчас. Тот эмбрион, что зреет во мне, определенно будет маткой, откладывающей яйца. Миллионы яиц. Ничего похожего на того монстра, который сейчас хозяйничает в комплексе. – Рипли продолжала упавшим голосом: – Повторяю, ни один человек никогда не сталкивался с зародышем матки чужих тварей. Я понятия не имею, как долго продолжается период ее созревания, хотя, разумеется, он намного больше, чем у эмбриона рабочей твари.

Диллон по-прежнему недоуменно таращился на Рипли:

– Все же мне это кажется совершенно невероятным. Если зародыш зверюги действительно растет в вас, как он туда попал?

– Очевидно, это случилось, когда я находилась в

состоянии гиперсна, — не поднимая головы и не отрывая взгляда от своих ладоней, сказала Рипли. — Я видела кошмарный сон; теперь я понимаю, что это был не только сон. Меня, если так можно выразиться, изнасиловали. Не в том смысле слова, как его понимаем мы: для человека изнасилование есть акт преднамеренного надругательства. Для тварей же это просто необходимая ступень в самовоспроизведении, хотя мое участие в этой ступени не было добровольным. Для нас — это изнасилование, для чужих тварей, скорее всего, нет. Возможно, им само понятие изнасилования... чуждо. — Вспомнив давно пережитое, Рипли задумалась. Та тварь, что появилась на свет во время моего полета на «Ностромо», тоже готовилась воспроизвести себе подобных, но она не была маткой. Если не все чужие твари, то, должно быть, по крайней мере некоторые из них двуполые. Они способны к самооплодотворению, так что даже одна единственная тварь может продолжить свой род. Рабочая тварь или тварь-боец откладывает яйца, но медленно, по одной штуке. И так до тех пор, пока не появится тварь-матка и не возьмет на себя заботу о продолжении рода. Вот примерно так эта тварь зачала матку во мне. Во всяком случае более убедительного объяснения я дать не могу. Я не ксенобиолог. — Рипли снова задумалась. — Здорово, да? Я стану матерью матери апокалипсиса. Я знаю, что должна сделать, но не могу. Значит, вам придется мне помочь. Вам придется меня убить.

Диллон отступил на шаг.

– Что за чертовщину вы несете?

– До вас, Диллон, очевидно, еще не дошло. В любом случае со мной все кончено. Я погибну, как только рожу тварь-матку, потому что с той минуты тварям буду уже не нужна. Я видела, как это происходит. Если позволите мне такой каламбур, отношение тварей к себе я бы еще пережила. Я смирилась с мыслью о смерти, когда впервые встретила с ними. Но будь я проклята, если позволю этим идиотам из Компании забрать живую тварь на Землю. Их удача будет означать конец человечества. А может быть, и всей жизни на планете; я не исключаю, что твари могут размножаться не только в человеке, но и в любом животном, чуть большем, скажем, кошки. Так что тварь-матка должна сдохнуть, а для этого кто-то должен убить меня. Теперь дошло?

– Не стоит вам забивать себе голову такими мыслями.

– Это даже смешно. Последнее время мне пришлось столько убивать... а теперь я не могу совершить всего лишь еще одно убийство. Может быть, дело в том, что мне приходилось прилагать все силы, всю волю на то, чтобы выжить. Так что вам придется мне помочь. – Рипли, не мигая, смотрела в глаза Диллону. – Убейте, и все. Без торжественных речей. – Рипли повернулась к Диллону спиной. – Ну давайте же, – требовательно сказала она, – давайте! Вы же сами говорили, что вы убийца... так убейте меня. Диллон! Заставьте себя. Оглянитесь на свое прошлое. Уверена, вы можете это сделать, вы, здоровый, уродливый сукин сын!

Диллон смотрел на хрупкую фигуру Рипли, на ее бледную шею, чуть ссутулившиеся плечи. Перебить шейные позвонки можно одним верным ударом. Смерть наступит практически мгновенно. Потом нужно будет оттащить труп с зародышем монстра в плавильный цех и бросить в печь. На все потребуется минуты две. Он поднял топор.

Руки Диллона судорожно сжали топориче, лицо исказила гримаса. Топор со свистом рассек воздух. Диллон вложил в удар всю силу... и лезвие топора глубоко врезалось в стену рядом с головой Рипли. Она вздрогнула, потом резко повернулась.

– В чем дело, черт возьми? Вы считаете, что сделали мне одолжение?

– Я не люблю проигрывать никому, тем более какой-то неведомой зверюге. Она убила уже половину моих братьев, остальные перепуганы досмерти. Пока зверюга жива, вы не спасете никакую вселенную.

– В чем дело? Я думала, что вы настоящий убийца.

– Я должен добраться до этой зверюги, а для этого нужны вы. Если она вас не тронет, то вы сможете нам помочь.

Рипли беспомощно смотрела на Диллона.

– А если не поможете, так черт с вами. Тогда можете сами выбирать любой способ самоубийства, – добавил Диллон.

– Если мы прикончим тварь, вы обещаете убить меня?

– Без проблем. Быстро и безболезненно, – ответил Диллон и вырвал топор из стены.

Оставшиеся собрались в большом зале. Эрон, держась чуть в стороне, время от времени потягивал что-то из высокого бокала. Диллон и Рипли стояли бок о бок.

– У нас два пути, – говорил Диллон. – Можно, не отрывая задниц от стульев, сдохнуть здесь. Но можно умереть там, где мы по крайней мере попробуем прикончить зверюгу. Она сожрала многих наших братьев, пора с ней расквитаться. Может, нам повезет. Теперь выбирайте.

– О чем ты говоришь? – недоумевающе уставился на Диллона Морс.

– Я говорю, что со зверюгой надо кончать.

– Подождите, – обеспокоенный, неожиданно вмешался Эрон. – К нам летит корабль Компании. Почему бы нам не дождаться его прибытия?

Рипли в упор посмотрела на бывшего заместителя начальника колонии.

– Кого собирается спасти та спасательная команда?

– Нас.

– Чепуха, – огрызнулась Рипли. – Им нужна только чужая тварь. И вам это отлично известно.

– Плевать мне на то, что им нужно. Не убьют же они нас?

– Я в этом не уверена. Вы не знаете Компанию так, как знаю ее я.

– Перестаньте. Спасатели заберут нас с собой, и скоро мы будем дома.

– *Нас* они с собой не заберут, – констатировал Диллон.

– Пусть так, но это еще не значит, что мы должны таскаться по тоннелям и голыми руками драться со зверюгой, – заныл Морс. – Господи Иисусе, дай мне силы!

– Вы так и так конченные люди. – Эрон медленно покачал головой. – А у меня жена. У меня ребенок. Я хочу домой.

И выражение лица, и тон Диллона говорили о том, что он не собирается уступить:

– Давайте начистоту. На тебя, Восемьдесят Пять, любому из нас наплевать. Ты не наш. Ты не принял нашу веру. Ты просто человек Компании.

– Конечно, – охотно согласился Эрон, – я человек Компании, а не какой-нибудь дерьмовый уголовник. Вы не устаете твердить, что я страшно туп, но у меня хватило ума, чтобы не схлопотать пожизненный срок. Хватит и на то, чтобы подождать, пока у нас не появится оружие. Потом можно будет выйти и повоевать.

– Ладно. Хорошо. Сиди здесь и грей стул своей задницей. Меня это устраивает.

Снова взметнулась рука Морса.

– А как насчет того, чтобы я тоже погрел здесь какой-нибудь стул? – выкрикнул он.

– Нет проблем, – заверил его Диллон. – Я же забыл, ты тот самый парень, которому Господь Бог даровал бессмертие. Все остальные тоже могут остаться. Мы с ней, – он показал на Рипли, – справимся без вашей помощи.

Заклученные поглядывали то на Морса, то на Диллона и Рипли. Морс почувствовал себя неудобно

и, с минуту поколебавшись, изменил решение:

– Ладно, я пойду с вами. Я тоже хочу, чтобы зверюга сдохла. Ненавижу ее. Она убила и моих друзей. Но только не лучше ли нам подождать несколько часов, пока на подмогу не подспеют ребята с оружием из этой чертовой Компании? Почему мы должны изображать из себя каких-то камикадзе?

– Потому что люди Компании не станут убивать чужую тварь, – объяснила Рипли. – Они прикончат тебя только за то, что ты ее видел, но тварь не тронут никогда.

– Бред какой-то, – Эрон недоуменно покачал головой. – Чушь собачья. Никогда не поверю, чтобы Компания распорядилась убить нас.

– Не поверите? – злобно оскалилась Рипли. – Когда Компания в первый раз услышала о чужой твари, директорат решил, что можно пожертвовать экипажем «Ностромо». Во второй раз они послали горстку космических десантников. Их тоже можно было списать со счета. Почему вы думаете, что Компанию беспокоит судьба кучки уголовников, заброшенных на самый край Вселенной? Или вы всерьез надеетесь на то, что Компания позволит вам мешать разработке новых видов вооружения? Директорат Компании считает вас отбросами общества. Если одним заключенным или десятком их станет меньше, им на это решительно наплевать.

Когда Рипли замолчала, воцарилась тишина. Первым отозвался кто-то из заднего ряда:

– У вас есть какой-нибудь план?

– У нас ведь не только шахты, – начал Диллон, еще раз оглядев своих товарищей, – но есть и расплавленный металл, верно? Зверюга боится огня, я правильно говорю? Значит все, что нам нужно сделать, – это загнать проклятую тварь в большую форму и залить ее расплавленным металлом. – Ногой он отшвырнул стул. – Все мы смертны, все умрем, только одни раньше, другие чуть позже. Первый шаг на пути к небесам можно сделать и здесь. Не лучшее на свете место, но оно наше. В жизни самое главное, как вы с ней распрощаетесь: стоя во весь рост и глядя в лицо смерти или упав на колени и вымаливая пощады. Я не люблю просить. Никто и никогда не подавал мне милостыню. Поэтому я скажу так: давайте драться, и пусть зверюга боится нас, а не мы ее.

Заключенные переглядывались, как бы выжидая, кто первым осмелится согласиться с Диллоном. Когда, наконец, кто-то сказал “да”, то уверенные ответы посыпались один за другим:

- Ладно, согласен. Я присоединяюсь.
- Почему бы и нет? Нам терять нечего.
- Да... ладно... правильно. Я тоже.

Кто-то крикнул громче других:

- Поджарим зверюге задницу!
- Договорились, – послышалось в ответ, – ты ее поддержишь, а я буду поджаривать.

– Провались все пропадом, – подвел итог Морс. – Пошли ее бить.

Каким-то чудом им удалось включить освещение в тоннелях, проходах и коридорах. Проблема была

не в электроэнергии – термоядерный реактор давал ее с избытком, – но за долгие годы бездействия распределительные щиты, контакторы и контрольные устройства не проверялись ни разу, поэтому не приходилось удивляться, что, хотя в некоторых тоннелях и проходах свет еще горел, в большинстве других мест влажный климат Фиорины ускорил наступление царства вечной темноты.

Рипли задумчиво смотрела на гигантскую литейную форму. Диллон и Трой стояли рядом. Из оставшихся в живых Трой разбирался в технике намного лучше других. На воле он даже успел немного поработать инженером. Ему прочили блестящую карьеру, которая неожиданно оборвалась, когда Трой застал жену в постели со своим начальником.

Приложив немалую инженерную и техническую смекалку, Трой убил и жену, и ее любовника. Обнаруженные судом симптомы временного помешательства обеспечили ему билет до Фиорины.

Теперь Трой объяснял, как пользоваться панелью управления и показания каких приборов определяют режим работы литейной формы. Рипли слушала его внимательно, но особой уверенности не ощущала.

– Когда последний раз включали эту машину?

– Лет пять-шесть назад. Это была плановая проверка. С той поры форма стоит.

Рипли поморщилась.

– Вы уверены, что поршень еще работает?

На этот раз вместо Троя ответил Диллон:

– Здесь ни в чем нельзя быть уверенным. Даже в вас.

– Я могу лишь сказать, что, если верить контрольным приборам, литейная форма должна работать, – беспомощно пожал плечами Трой. – Лучшего варианта все равно нет.

– Итак, – в который раз повторил Диллон, – сначала загоняем зверюгу сюда. Потом включаем машину, поршень приходит в движение и заталкивает тварь прямо в форму. Верный способ. Тут придет конец зверюге и всей этой истории.

Рипли повернулась к Диллону:

– А если кто-нибудь струсит?

– Тогда всем нам хана, – спокойно констатировал Диллон. – У нас только один шанс. Этой машиной мы сможем воспользоваться только один раз. Отступить будет некуда и некогда. Запомните, после того как будет включена машина, на несколько секунд вы останетесь в ловушке вместе со зверюгой.

– За меня не беспокойтесь, – кивнула Рипли. – Не струсьте вы, а я не подведу.

Диллон внимательно посмотрел на нее.

– Сестра, молю Бога, чтобы вы оказались правы и эта зверюга вас не тронула. Ведь если она захочет вылезти, то у нее будет только один путь – прямо через вас.

– Тогда тварь избавит вас от лишних забот, не так ли? – парировала Рипли.

Трой непонимающе мигнул, но времени на распросы не оставалось.

– Где будете вы? – спросила Рипли Диллона.

– Где-нибудь поблизости.

– А другие? Они где?

– Молятся.

Все, кто остался в живых, поодиночке или парами пробирались по тоннелям и коридорам, колотя по стенам, крича и громко ругаясь. Все делалось для того, чтобы их услышала чужая тварь.

Неровный свет факелов отражался от стен тоннелей, бросая резкие тени на возбужденные лица. Грегор вылез из ниши и едва не споткнулся о своего приятеля Уильямса, склонившегося в молитве.

– Эй, Уилли! Ты веришь в эту святую брехню?

– Не знаю, – отозвался Уильямс.

– Вот и я тоже не знаю.

– А во что еще нам верить? Правда, теперь, когда мы по уши влипли, начинать поздновато, но лучше поздно, чем никогда.

– Правильно говоришь. А, плевать на все! – Грегор от души рассмеялся.

Потом вместе с Уильямсом он долго слушал, как эхо носило его искаженный смех по тоннелям и коридорам.

Морс прислушивался к нервному смеху товарищей, в котором ему чудились страх и даже истерика. Ему поручили пост у одной из переборок. Он нажал на кнопку. Загудел двигатель, переборка начала открываться и... на полпути ее заклинило. Нервно поежившись, Морс сунул голову в образовавшуюся щель.

– Эй, парни! Подождите, подождите. Я в этих машинах ни хрена не понимаю. Может, здесь надо что-то придумать. Я хочу сказать, эта чертова перегородка толком не открывается. Эй, ребята!

Из тоннеля никто не отозвался.

- Грегор на ходу повернулся к напарнику:
– Что он там бормочет?
– Черт его знает, – пожал плечами Уильямс.

Кевин шел впереди, касаясь рукой стены тоннеля. В другой руке он нес факел. За ним следовал второй заключенный, за вторым – третий, потом четвертый. Цепочка факельщиков растянулась не на один десяток метров. Впрочем, в тот момент Кевин не видел никого из товарищей, и нервы его были напряжены до предела.

– Эй, вы слышали? – пробормотал Кевин в слабой надежде, что кто-то окажется в пределах слышимости. – Похоже, это был Морс. Только голос какой-то...

Внезапно раздавшийся отчаянный вопль заставил его замолчать. Кричавший был где-то рядом. Кевин машинально продолжал двигаться вперед, как будто паралич, моментально поразивший его сознание, еще не успел передать нужную команду ногам.

Кевин увидел впереди чужую тварь, она рвала на куски тело его друга Винсента. Долго не раздумывая, Кевин крикнул:

– Ну, иди сюда, чертово отродье! Попробуй добраться до меня!

Чужая тварь, будто поняв Кевина, с готовностью отшвырнула тело Винсента и бросилась на живого человека.

В свое время Кевин был неплохим атлетом. Когда он рванул назад по тоннелю, ему невольно вспомнились спортивные состязания. Всего пару лет назад

Кевину не доводилось встречать человека, который смог бы его обогнать. Но теперь за ним гнался не человек. Несмотря на отчаянные усилия Кевина, тварь быстро сокращала разрыв. Кевин начинал выбиваться из сил, а гнавшееся за ним исчадие ада лишь набирало скорость.

В невероятном финишном рывке Кевин бросился на панель управления переборкой. Едва успев нажать кнопку и развернуться, он врезался спиной в стену тоннеля. Его грудь вздымалась, как кузнечные мехи.

Стальная переборка опустилась, через долю секунды раздался оглушительный удар, и толстый лист металла выгнулся наружу. У Кевина чуть не подкосились ноги. Еще не отдышавшись, он с трудом выдавил:

– Переборка... С9... закрыта.

На противоположном конце того же тоннеля появился Джуд. На этот раз вместо швабры он размахивал большим факелом, освещая им весь тоннель.

– Йо-хо-хо! Эй, чертов ублюдок, иди сюда! Покажи, на что ты способен.

Сообразив, что с переборкой ей совладать не удастся, чужая тварь развернулась и бросилась на голос. Джуд бегал не так быстро, как Кевин, зато у него было большее преимущество на старте. Тварь быстро сокращала расстояние. И на этот раз все решили доли секунды. Захлопнувшаяся перед мордой твари переборка разделила жертву и хищника.

– Восточное крыло, переборка В7. Все в порядке, – с трудом переводя дыхание, выкрикнул Джуд.

Мгновением позже чужая тварь пробила крохотное смотровое окошко и просунула переднюю лапу. Джуд вскрикнул и, прижимаясь к стене, осторожно отполз подальше от страшных когтей.

– Ну, началось, – вполголоса пробормотал Диллон, оставаясь на своем посту.

Морс мчался по тоннелю, крича во весь голос:

– Оно в тоннеле. Должно быть, побежало в тоннель А!

На перекрестке Уильямс чуть не столкнулся с Грегором.

– Я слышал, – пробормотал Грегор. – Тоннель Е, будь он проклят!

– Ты сказал В?

– Нет, Е.

Они побежали.

– Но нам надо бы оставаться... – неуверенно начал на бегу Уильямс.

Грегор был явно не склонен обсуждать, где по плану им следовало находиться.

– Поживей шевели своей толстой задницей, – сказал он и прибавил ходу.

Уильямсу ничего не оставалось, как последовать за ним.

В небольшом проходе, соединявшем два тоннеля, столкнулись Джуд и Кевин. Они обменялись понимающими взглядами.

– Ты тоже? – спросил Джуд.

– Да, – Кевин никак не мог отдышаться.

– Отлично, тогда пошли в тоннель Е. Все собираются там.

– А где этот чертов Е? – пытаюсь вспомнить, Кевин наморщил лоб.

Его напарник показал рукой:

– Вон там. Давай поживей, дьявол тебя побери.

Дейвид все еще мерял шагами свой тоннель. Затянувшееся одиночество было ему совсем не по душе. Иди все по плану, к нему уже давно бы кто-нибудь присоединился. Обнаружив на одном из перекрестков останки Винсента, Дейвид замедлил шаг, но не остановился.

– Кейвин! Грегор! Морс! – позвал он. – Где вы? Я нашел Винсента!

Ответа не последовало. Дейвид почти бежал, страхась остановиться хотя бы на секунду.

Хотя впереди было еще темнее, ему казалось, что путь безопасен.

Тем временем Диллон с Рипли и остальными заключенными находились в главном тоннеле.

– Помоги им, – сказал Диллон Трою.

Тот кивнул и, помахивая картой, исчез в лабиринте тоннелей, коридоров и проходов.

Стоявший неподалеку Эрон смотрел то на Диллона, то на Рипли. Сначала он кусал губы, потом принялся за ногти.

Рипли следила за показаниями приборов. Если верить датчикам, Грегор направился в одну сторону, а Морс – в другую. Лицо Рипли исказила недовольная гримаса:

– Куда он идет, черт его побери? Почему они действуют не по плану?

– Вы для зверюги неприкосновенны, – напомнил ей Диллон, – а их она запросто сожрет.

– И все же, что они творят?

Внимание Диллона было сосредоточено на тускло освещенном дальнем конце тоннеля.

– Импровизируют.

Рипли положила руку на панель управления огромным поршнем. Эрик не сводил с нее взгляда, по его щекам стекали струйки холодного пота.

Дейвид ковылял по темному тоннелю, настороженно глядя вперед. Свет его факела лишь отчасти рассеивал мрак.

– Иди сюда, кис-кис-кис. Иди сюд... – Дейвид замолчал на полуслове, заметив в дальнем конце тоннеля огромную фигуру твари. Чудовище безуспешно ломилось в дверь, за которой несколько секунд назад скрылся Джуд.

Оно обернулось, и Дейвид поднял руку:

– Иди сюда, киска. Давай поиграем!

Потом он бросил факел и что было сил бросился назад. Шипящее пламя факела не успело коснуться пола, а чужая тварь уже ринулась вдогонку.

До следующей переборки было сравнительно недалеко. Дейвид не сомневался, что успеет раньше твари. И действительно, когда он домчался до переборки, тварь была еще далеко позади. Он надавил на кнопку «закрыто». Переборка скользнула вниз и тут же остановилась.

У Дейвида округлились глаза. Он издал негромкий звук, похожий на мяуканье, и медленно попятился, не сводя глаз с переборки.

Стальная плита опускалась рывками, то падая сантиметров на десять, то застывая на несколько секунд. Тварь с размаху врезалась в переборку. Толстая стальная плита заметно прогнулась, но продолжала опускаться.

Лапа твари протиснулась в щель и потянулась к ноге Дейвида. Он с воплем вскочил на выступ в стене тоннеля. Лапа шарила по сторонам в поисках близкой, но недоступной жертвы. К счастью, переборка снова двинулась вниз. В последний момент чудовище успело выдернуть лапу.

В тоннеле воцарилась тишина.

Дейvidу потребовалось немало времени, чтобы снова обрести дар речи. Дрожащим от испуга и волнения голосом он сообщил:

– Переборка три, тоннель F. Закрыта... я надеюсь.

Морс не слышал Дейвида. Спотыкаясь, как слепой, он брел по своему тоннелю.

– Кевин! Грегор! Куда вас черти унесли! Где вы все? Тоннели K, L и M закрыты и герметизированы. – Он бросил взгляд на табличку на стене. – Я опять в тоннеле A.

В одном из боковых проходов Грегор тоже ориентировался больше по табличкам.

– Тоннель V закрыт. Тоннель P тоже.

Уильямс еле поспевал за ним.

– Что ты сказал? Р или D? – крикнул он. – Я тебя как человека прошу...

Грегор на ходу обернулся:

– Заглохни, твою мать! Лучше шевели ногами!

Кевин вдруг сообразил, что ходит по кругу.

– Черт! Я в тоннеле Р. Тоннель Р безопасен. Безопасен... или?

Услышав слова товарища, проходивший неподалеку Джуд крикнул:

– Эй, парень, ты забыл. Тоннель Р снова выходит в тоннель F. Я сейчас как раз иду по тоннелю F. Собираюсь его закрыть.

Спеша, Трой полагался лишь на свою память и не сверялся с картой. На одном из перекрестков, окончательно потеряв ориентацию, он остановился. Пришлось признаться, что он недооценил, насколько запутан этот лабиринт.

– Тоннель F... Что за чертовщина? Нет здесь никакого тоннеля F.

Трой сделал еще несколько шагов вперед; засомневавшись, он снова остановился и, наконец, выбрал тоннель, поворачивавший направо.

Однако Трой ошибся: тоннель был уже занят другим злобным существом.

До Диллона и Рипли донесся приглушенный расстоянием крик. Как обычно, он быстро стих.

– Морс! – позвал Диллон. – Кевин, Грегор!

Рипли безуспешно пыталась что-то разглядеть.

– Что там происходит?

Диллон бросил на женщину суровый, недовольный взгляд.

– Все, что от них требовалось – пробежать по этим проклятым тоннелям с чудовищем на хвосте. – Он поднял топор и сам пошел вперед. – Оставайтесь здесь.

Боковой проход, из которого по их плану должен был выбежать незванный гость, пустовал. Ни чужой твари, ни людей. Лишь эхо далеких голосов, в которых прорывалось отчаяние.

Провожая Диллона взгядом, Эрик выразил немой вопрос, мучавший всех:

– Где же спряталась эта чертова зверюга?

Диллон не ответил.

Набравшись, наконец, храбрости, Дейвид вернулся к переборке и заглянул в окошечко. Тоннель был пуст. Он повысил голос:

– Я потерял зверюгу. Понятия не имею, куда она подевалась. Похоже, опять спряталась в чертовых воздуховодах.

Дейвид медленно повернулся и поднял голову, чтобы проверить единственное на этом участке тоннеля вентиляционное отверстие.

Его подозрения оправдались.

Рипли слушала, как умолкало эхо последнего вопля. Эрик неуверенно шагнул в сторону; его глаза безостановочно бегали, предвещая неминуемый нервный срыв. Если ничего не предпринять, то через минуту-другую он кинется бежать. А бежать было некуда. Рипли подошла к Эрику, заглянула ему в

глаза, пытаюсь успокоить его взглядом, передать хотя бы малую долю своей уверенности.

Диллон исчез в боковом проходе. Очень скоро он наткнулся на останки Троя, быстро осмотрелся и повернул назад.

Столкнувшись друг с другом в узком проходе, Морс и Джуд довольно долго бежали бок о бок, пока Джуд, поскользнувшись, не распластался на полу. Под руками он ощутил теплую, мягкую массу.

– Твою мать... Что за гадость?

Джуд поднес находку к свету, и Морс в ужасе отпрянул. Потом и сам Джуд сообразил, что он подобрал. Крики мужчин слились в единый вопль.

Крики приближались. Это было уже не эхо. Забыв об Эрике, Рипли внимательно прислушивалась, а тот, не выдержав напряжения, резко развернулся и молнией устремился к панели управления поршнем. Рипли бросилась за ним...

И тут в тоннеле появилась чужая тварь.

Пальцы Эрика уже почти дотянулись до кнопки, и Рипли едва успела схватить его за руку.

– Подожди! Тварь еще не там, где нужно!

Ей пришлось приложить все силы, чтобы оторвать Эрика от панели. Для того это оказалось последней каплей. В состоянии полного изнеможения Эрик отступил и, задрожав, без сил опустился на пол.

Кевин шел медленно. Теперь и до той ниши, где находился поршень, было уже недалеко. Не то чтобы там было безопаснее, просто Кевин сделал все, что

ему было приказано, и требовать от него большего было нельзя, по крайней мере сейчас.

Что-то заставило его взглянуть наверх. Высунувшемуся из вентиляционного отверстия чудовищу не понадобилось даже спрыгивать на пол. Оно просто протянуло лапу и схватило несчастного, приложив не больше усилий, чем лягушка при ловле мухи. Брызнула кровь.

Диллон, заметив безвольно болтающиеся в воздухе ноги Кевина, бросился из противоположного конца тоннеля ему на помощь и успел обеими руками схватить товарища за колени. От неожиданности тварь разжала когти, и оба мужчины упали на пол.

Увидев, что Диллон несет раненого товарища, и бросив мимолетный взгляд на Эрика – пользы теперь от него не было никакой – Рипли оставила панель управления и поспешила на помощь.

Из раны в шее Кевина ручьем текла кровь. Сорвав с себя куртку, Рипли как можно плотнее затянула рану. Кровотечение замедлилось, но недостаточно. Диллон крепко держал раненого, приговаривая:

– Нет смерти, лишь...

Закончить молитву Диллону не пришлось. Из бокового прохода показалась чужая тварь. Рипли, встав, медленно попятилась.

– Оставьте тело. Помогите заманить гадину.

Диллон кивнул и присоединился к осторожно отступавшей к панели управления поршнем женщине.

Пока тварь лишь наблюдала. Рипли и Диллон пятились очень медленно. Бежать было некуда. В

раненом еще теплилась жизнь и, прыгнув, чудовище кончило мучения Кевина.

Рипли рывком повернулась, отчаянно махнула рукой Эрику. Сообразив, тот выскочил из своего укрытия и чуть ли не всем телом лег на кнопку.

Поршень двинулся, толкая перед собой тело Кевина с чужой тварью на нем к месту сброса в форму. Тоннель заполнился свистом сжатого воздуха и нестерпимым жаром плавильни.

Внезапно чужая тварь исчезла.

– Куда она делась? – Пот катился по лицу Рипли.

– Черт! – Диллон недоуменно вертел головой. – Должно быть, зверюга за этим... за поршнем.

– За поршнем? – не поняла Рипли.

– Закрывай переборки! – вместо ответа заорал Диллон. – Еще не все потеряно. Сейчас ее снова загоним.

Быстрый, все понимающий взгляд – и Диллон с Рипли помчались в противоположные стороны.

– Джуд, Морс! – на бегу кричал Диллон, собирая оставшихся в живых.

Тем временем Рипли искала Эрика и Уильямса. И нашла их. Правда, в кошмарной мешанине невозможно было понять, что еще несколько минут назад принадлежало Эрику, а что было частью тела Уильямса. Зато теперь им не нужно было беспокоиться. Ни о чем. Рипли неслась дальше.

Теперь Морс не бежал, а осторожно крался вдоль тоннеля. Услышав подозрительный звук, он остановился, с опаской заглянул в боковой проход, из

которого донесся звук. Ничего не обнаружив, Морс облегченно вздохнул и так же осторожно двинулся дальше, глядя прямо перед собой.

Неожиданно он наткнулся на что-то мягкое.

– Что за... !

Оказалось, это Джуд. Перепугавшись не меньше Морса, он резко развернулся и выбросил вперед руку с резаком, которым вооружился. Морс успел перехватить руку Джуда. Немного успокоившись, он согнул пальцы товарища так, чтобы острие резака было направлено вверх.

– Держи вот так, недоумок!

Морс шлепнул товарища по затылку. Джуд мигнул, кивнул и скрылся в другом тоннеле.

В главном тоннеле снова появился Диллон.

– Джуд! Джуд! – звал он.

Джуд услышал крик, завертел головой и только тогда заметил подкрадывавшуюся сзади тварь. Он помчался к Диллону, а тот подгонял его.

– Не оглядывайся! Быстрее шевели ногами, мать твою...

Спасая свою жизнь, Джуд старался изо всех сил. К сожалению, он был не столь быстр, как Кевин или Грегор. Чудовище легко настигло его. Кровь брызнула на переборку, которую Диллон успел захлопнуть в самое последнее мгновение.

Из соседнего тоннеля крики Диллона услышала Рипли. Она застонала от досады и собственного бессилия. Поршень неумолимо продолжал свое движение, к сожалению, теперь бесполезное. Времени оставалось все меньше.

Грегор мчался, не разбирая дороги, натываясь на углы и громко крича. Он чуть не врезался в Морса, вылетевшего из другого тоннеля. Скрывая под нервным хохотом огромное облегчение, не веря собственным глазам, они уставились друг на друга.

Недолгий смех Грегора прервала неожиданно появившаяся откуда-то чужая тварь, которая кинулась на него.

Кровь брызнула в лицо Морсу. Он неуверенно попятился, упал на колени, словно безмолвно вымаливая пощады у существа, которое не понимало и не могло понять его отчаяния. Какое-то время Морс оцепенело смотрел, как чудовище методично расчленяет тело его товарища, потом на четвереньках, бешено работая руками и ногами, пополз назад.

Наконец, врезавшись во что-то жесткое, он оцумело замотал головой. Вроде бы перед его глазами были чьи-то ноги. По-собачьи склонив голову набок, он посмотрел вверх. Оказалось, это ноги Рипли.

Рипли метнула в чужую тварь, которая намеревалась скрыться в вентиляционном отверстии, горящий факел. Огненные брызги магниевого сплава напугали чудовище и заставили бросить то, что осталось от тела Грегора.

– Иди сюда, ублюдок! – крикнула Рипли.

Морс как зачарованный смотрел на невероятную сцену. Чужая тварь не бросилась на женщину, не оторвала ей голову, а настороженно и даже испуганно прижалась к стене. Не обращая внимания на злобное шипение, Рипли подходила все ближе.

– Иди сюда. У меня есть то, что тебе нужно. Иди за мной. Я тебе кое-что покажу. Иди же, черт тебя поberi!

Хвост чужой твари, взметнувшись, осторожно ударил Рипли. Казалось, тварь старается вежливо ее отстранить.

Появившийся в этот момент в тоннеле Диллон застыл в изумлении.

– Уходи! Не стой на пути! – крикнула ему Рипли.

Тварь повернулась мордой к Диллону и снова приняла угрожающую позу. Рипли в отчаянии метнулась к мужчине и заслонила его своим телом. Сообразив, что здесь происходит и чего добивается Рипли, Диллон крепко схватил ее за плечи.

Чужая тварь яростно шипела, но не решалась приблизиться к людям. Рипли и Диллон медленно попятись, заманивая чудовище в ловушку.

Тварь следовала за людьми в главный тоннель, не сокращая, но и не увеличивая расстояние между ними и собой.

– Давай сюда, чертово отродье! – крикнул Диллон, оглянувшись на подготовленную плавильную форму.

Тварь немного замешкалась, потом вспрыгнула вверх и поползла к открытой переборке.

– Закрывайте! – отчаянно завопила Рипли.

Диллону не нужно было повторять. Он нажал кнопку, и переборка захлопнулась, оставив их с Рипли лицом к лицу с исчадием ада.

С другой стороны тоннеля появился Морс. Увидев тварь и людей за ней, он истошно завопил:

– Бегите! Бегите сейчас же!

– Закрой переборку! – закричала в ответ Рипли.

Морс оцепенело уставился в одну точку: чужая тварь уже поворачивалась к нему.

– Да шевелись же!

Резко рванувшись, Морс с размаху ударил по кнопке кулаком. Переборка упала, отделив Морса от Рипли, Диллона и твари. Через мгновение появился поршень, но этого Морс уже не видел. Он повернулся и помчался назад.

Поршень толкнул чужую тварь, чуть не свалив ее на пол. Чувство самосохранения заставило ее на время забыть о двуногих существах. Она стала пытаться просунуть лапу под тяжелой машиной, но между поршнем и стеной не оказалось даже узкой щели. Неумолимо продвигаясь, поршень подталкивал тварь к литейной форме.

Диллон и Рипли стояли уже на самом краю. Дальше отступить было некуда.

Тем временем Морс, на ходу вспоминая, как управлять краном, карабкался по лестнице к его кабине. Вспомнить это нужно было обязательно, времени на то, чтобы листать инструкцию, не оставалось. Спрашивать тоже было не у кого.

Пилоты не рискнули сажать огромный челночный корабль на пришедшую в негодность посадочную площадку Фиорины. Корабль опустился неподалеку прямо на каменистую поверхность планеты. Реактивные струи из дюз маневровых двигателей подняли тучи пыли, грязи и камня. Не прошло и минуты, как к главному входу в горнообогатительный комплекс уже бежали до зубов вооруженные десантники.

Через иллюминатор шлюза Эрон с довольной улыбкой наблюдал за высадкой десанта. У них были смартганы, инфракрасные искатели, скорострельное ручное оружие. Они понимали, на что идут, и основательно подготовились. Эрон одернул форму и приготовился открыть люк, чтобы торжественно приветствовать долгожданных гостей.

– Я знал, что они не оставят нас в беде. Эй, сюда! – крикнул он и протянул руку к пульта управления шлюзом.

Торжественная встреча не состоялась. Гости поспешили взорвать люк снаружи. Не успела осесть пыль, как в пролом проскочили шесть десантников и два военных медика. Десантники деловито рассредоточились, прикрыв все подходы к сектору шлюза. Эрон направился к старшему по званию, капитану. Печатая шаг, он никак не мог отделаться от мысли, что капитан как две капли воды похож на того искалеченного андроида, что прилетел вместе с лейтенантом Рипли на аварийно-спасательном корабле.

– Разрешите представиться, сэр, – сказал Эрон, щелкнув каблуками и четко отдав честь. – Охранник Эрон, личный номер 137512.

Капитан не счел нужным ответить.

– Где лейтенант Рипли? – вместо приветствия спросил он. – Она еще жива?

Несколько смущенный неучтивостью капитана, но все еще горя желанием помочь, Эрон ответил:

– Слушаюсь, сэр. Если она еще жива, то находится в плавильном цехе. Все они там, где мы выплавляем

свинец, сэр. Вместе со зверюгой. Это чистейшее сумасшествие. Как будто нельзя было подождать. Я пытался им объяснить...

Капитан прервал Эрона:

– Вы видели ксеноморфа?

– Так точно, сэр. Ужасное создание. Нечто невообразимое. Лейтенант вынашивает еще одну зверюгу.

– Это нам известно. Теперь здесь распоряжаемся мы. Покажите, где вы видели ее в последний раз.

Эрон кивнул и поспешно повел гостей в глубины комплекса.

Рипли и Диллон отступали до тех пор, пока не уперлись спинами в керамическую футеровку литейной формы. Под их ногами осталось всего несколько квадратных дюймов опоры. Услышав скрип механизмов, Рипли на секунду запрокинула голову. Наверху, подчиняясь заданной программе, задвигались машины и блоки.

– Забирайтесь! – сказала Рипли Диллону. – Это наш единственный шанс.

– А как же вы? – засомневался Диллон.

Подталкиваемая массивным поршнем, чужая тварь уже отступила на самый край с другой стороны литейной формы.

– Со мной ничего не случится.

– Бред! Здесь скоро будет не меньше десяти тонн расплавленного металла.

– Ну и что? Сколько раз вам нужно повторять, что я хочу умереть!

– Да, но я не...

Скоро чужая тварь окажется над ними.

– Диллон, поторопитесь! – крикнула Рипли. – Через секунду будет поздно. Давайте же!

Диллон никак не мог решиться, потом вдруг схватил Рипли.

– Тогда я заберу и вас! – сказал он и подтолкнул ее вверх.

Несмотря на сопротивление женщины, Диллону все же удавалось понемногу карабкаться наверх. Она поняла, что уговорить Диллона не удастся; пришлось сдаться и взбираться по стенке литейной формы впереди упряма. Чужая тварь повернулась к поршню спиной, заметила беглецов и последовала за ними.

На уровне верхнего края литейной формы Рипли, уцепившись покрепче, обернулась к Диллону. Тот ногами и топором отбивался от преследовавшей их твари.

Скрип порталного крана привлек внимание Рипли. Отчаянно сражаясь с рычагами и кнопками, в кабине оператора уже сидел Морс.

На наблюдательной площадке появился отряд Компании. Моментально среагировав на происходящее возле литейной формы, капитан что-то закричал. Морс слышал, точнее видел это, но, не обращая внимания на крик, продолжал бешено работать рычагами.

Огромный ковш с расплавленным и пузырившемся металлом уже накрылся.

– Остановитесь! – кричал капитан. – Приказываю немедленно остановиться.

Чужая тварь была совсем рядом, но крохотный разрыв между ней и Диллоном сохранялся. Струя раскаленного добела жидкого металла хлынула мимо людей, и нестерпимый жар заставил их отвернуться. Поток металла обрушился на тварь, и та, охваченная пламенем, грузно шлепнулась в литейную форму.

Через окошечко кабины довольный Морс пожелал:

– Пожри дерьма, сволочь проклятая!

На краю литейной формы Диллон присоединился к Рипли, и они заворуженно уставились на пузырившийся под ними жидкий металл. Неожиданно Рипли заметила суету на наблюдательной площадке.

– Они идут сюда! – крикнула она, схватив за руку Диллона. – Выполняйте свое обещание!

Диллон в нерешительности смотрел на Рипли.

– Вы это серьезно?

– Да! Ведь во мне же сидит тварь! Бросьте валять дурака!

Диллон неуверенно обхватил пальцами шею Рипли. Та рассерженно крикнула:

– Ну же!

Пальцы Диллона легко сжались. Совсем небольшое усилие, потом поворот, и шея хрустнет. Только-то и всего. Секундное дело. К тому же нельзя сказать, что Диллон был совсем новичком: когда-то, очень давно, он уже делал нечто подобное.

– Не могу! – то ли прохрипел, то ли простонал Диллон. – Не могу!

Он бросил на Рипли почти умоляющий взгляд, потом отвернулся и... с ужасом увидел прямо перед собой объятую пламенем, дымящуюся, но все еще

живую тварь. В полном оцепенении Диллон почти не сопротивлялся, когда тварь стащила его вниз. Хищник и жертва на мгновение скрылись в бурлившем металле, а потом над поверхностью снова появилась морда чудовища. Рипли, словно зачарованная, не могла отвести глаз, а тварь снова стала выкарабкиваться из формы. Струйки расплавленного металла стекали по ее шкуре.

Рипли оглянулась направо, налево, заметила болтавшийся на цепи аварийный пульт системы пожаротушения. Коробка пульта проржавела от времени; возможно, давно не работала и сама система. Впрочем, проверять было некогда. Рипли щелкнула тумблером.

Гигантский огнетушитель, висевший чуть сбоку от литейной формы, обрушил потоки воды на форму, на ее футеровку, на все вокруг. Рипли запуталась в цепи и никак не могла освободиться. В мгновение ока она промокла насквозь, сильные струи больно били по телу, но цепь не отпускала.

Холодная вода обрушилась и на чужую тварь, не успевшую стряхнуть свою новую оболочку из жидкого металла. Сначала лопнула голова твари, потом треснуло ее туловище, а вслед за тем, не выдержав давления пара, взорвалась и литейная форма, разбросав по всему цеху металл и куски футеровки. Портальный кран сорвало с тормоза, и Морса бросило на пол кабины, а десантники поспешно юркнули в ближайшие укрытия.

Какое-то время в плавильном цехе шел теплый ливень и сыпался град быстро остывавших капель затвердевшего металла.

Когда это прекратилось, десантники снова бросились к Рипли, но она успела ухватиться за край платформы портального крана. Морс протянул ей руку и помог подняться.

Прислонившись к перилам, женщина опустила голову. Снова тошнота и невыносимая боль. Несмотря на слабость, она заметила, что по лестнице уже карабкаются десантники. Впереди поднимался Эрон. Бежать было некуда.

— Не подходите! — крикнула она. — Стойте!

Эрон остановился.

— Послушайте, они хотят помочь вам.

Рипли даже пожалела этого простака. Он никак не мог понять, насколько высоки ставки в игре и какая судьба его ждет, если Компания в конце концов получит предмет своих мечтаний. Но только Компания ничего не получит.

Новый приступ рвоты заставил Рипли перегнуться через перила. Когда она выпрямилась, из-за спин вооруженных до зубов десантников вышел капитан. Рипли не поверила своим глазам. Лицо капитана показалось ей удивительно знакомым.

— Бишоп? — неуверенно пробормотала она.

Капитан остановился. Десантники ждали приказа. Капитан сделал жест, который должен был означать команду “вольно”, и доверительно улыбнулся Рипли.

— Я всего лишь хочу помочь вам. Мы ведь не противники.

— Хватит! — прервала его Рипли. Она напряглась, чтобы ее слова прозвучали по возможности убедительней: — Я только что снова почувствовала. Да, во мне шевелится это проклятое создание.

Все взгляды были устремлены на нее, а она, почувствовав очередной приступ боли, словно удар в грудь, скорчилась и отступила от края платформы.

Это Бишоп. Нет, не Бишоп, конечно, а его идеальная копия. Абсолютно те же черты лица, тот же раздвоенный подбородок, что и у разбитого вдребезги и кибернетически мертвого Бишоба. Бишоп II, вертелось у нее в голове. Воскресший Бишоп. В шахматах “бишоп” – это слон. Слон идет на d2 и бьет королеву. А королева – это я, или матка чужих тварей? Нет, пока я жива, этот слон не возьмет ничего, даже пешку.

– Вы знаете меня, – сказал капитан.

– Да. Андроид. Той же модели, что и Бишоп. Посланный той же... Компанией.

– Нет, я не андроид Бишоп. Я его создатель. Я был его прототипом, поэтому, естественно, творил по собственному образу и подобию. Но я настоящий человек. Меня послали сюда с единственной целью: продемонстрировать дружественное лицо Компании и показать, насколько мы вас ценим. В том числе и я лично. Я изначально участвовал в разработке этого проекта. Вы очень много значите для меня, лейтенант Рипли. И не только для меня. Прошу вас, спуститесь. Мое единственное желание – помочь вам. Для этого у нас есть все необходимое.

Капитан, не скрывая тревоги, следил за каждым движением Рипли, а она рассматривала знаки различия на форменной одежде двух сопровождавших капитана военных. Военные биомедики. А Клеменза уже нет... невольно вспомнила она.

– Пошли вы все... “Дружественное” лицо Компании мне хорошо известно. На моей памяти последнее принадлежало отменному мерзавцу, некоему Берку.

Улыбка на лице капитана поблекла.

– Мистер Берк не оправдал возложенных на него Компанией надежд. Сопровождая вас в предыдущей экспедиции, он больше пекся о личном обогащении, чем об интересах Компании. Уверяю вас, подобная ошибка не повторится. Между прочим, провал Берка – одна из причин того, что сюда послали меня, а не какого-нибудь неопытного и слишком честолюбивого мелкого чиновника.

– А у вас, разумеется, нет ни честолюбия, ни заботы о личном обогащении.

– Я хочу помочь вам.

– Вы лжец, – спокойно констатировала Рипли. – Вам наплевать и на меня, и на кого угодно другого. Вы хотите заполучить живую тварь. У нее в жилах вместо крови течет кислота, а у вас, верных слуг Компании, – деньги. Не вижу большой разницы.

Какое-то время капитан внимательно изучал пол у себя под ногами, потом снова принялся за уговоры:

– У вас немало оснований не доверять нам, но, к сожалению, не так уж много времени. Мы хотим лишь доставить вас домой. Нас уже несколько не интересуется судьба монстра. Мы знаем, что вам пришлось пережить. Вы проявили незаурядную смелость и мужество.

– Чушь и вранье!

– Вы ошибаетесь. Мы действительно хотим вам помочь.

– Каким образом?

– Мы хотим избавить вас от эмбриона ксеноморфа.

– И сохранить его?

Капитан покачал головой:

– Нет, уничтожить.

Рипли немного пошатывало. Ей очень хотелось верить этому двойнику Бишопа, а тот, уловив ее колебания, поторопился закрепить успех:

– Рипли, вы измотаны и истощены. Попробуйте на минуту отвлечься от всего пережитого и подумать. Я искренне желаю вам только добра. Корабль, на котором мы прибыли, оснащен самыми современными хирургическими приборами и инструментом. Мы можем удалить этот эмбрион или личинку, называйте, как хотите. У нас еще нет установившихся терминов для различных форм этого организма. Операция пройдет успешно! Вам будет обеспечена долгая, плодотворная жизнь.

Рипли спокойно и даже немного отрешенно смотрела на него сверху вниз.

– Благодарю, но моя жизнь уже кончена. Правда, я никого не просила о такой жизни, зато и отчитываться ни перед кем не собираюсь.

Капитан умоляюще поднял руки:

– Рипли, вы ошибаетесь! Признаю, мы допускали ошибки. Мы слишком многого не знали. Но мы можем возместить нанесенный вам ущерб, все ваши потери. Вы еще сможете иметь детей. Мы оплатим все контракты. Вы получите все, что заслужили. Мы перед вами в долгу.

Рипли засомневалась.

– Вы действительно не собираетесь забирать тварь на Землю?

– Нет, теперь мы понимаем, с чем столкнулись. Вы были правы буквально во всем. Но время идет. Решайтесь. Хирургическое отделение на корабле готово приступить к операции в любую минуту. – Из-за спины капитана шагнул биомедик. – Операция будет быстрой и абсолютно безболезненной. Два-три разреза. Вы будете под наркозом два часа – и все. Потом снова живы и здоровы, как будто заново родились.

– Какие гарантии вы можете дать, что сразу уничтожите эмбрион?

Капитан поднялся еще на одну ступеньку. Теперь он был совсем рядом с Рипли.

– Вам придется просто поверить мне. – Дружески улыбнувшись, он протянул ей руку. – Верьте мне. Пожалуйста. Мы хотим лишь помочь вам.

Рипли не спешила с ответом. Она посмотрела на Эрона, Морса, потом снова повернулась к капитану и одним словом сожгла все мосты:

– Нет! – сказала она и сделала знак Морсу.

Тот тотчас нажал на кнопку. Громадный порталный кран вздрогнул и со скрипом покатился от лестницы и литейной формы. В последний момент капитан перегнулся и схватил Рипли за руку. Она вырвалась и отскочила на середину платформы.

По команде капитана десантники открыли огонь. Одна пуля попала в плечо Морсу, и тот свалился на пол кабины, укрывшись за пультом управления.

Эрон схватил подвернувшуюся под руку трубу и,

пробормотав: “Ах ты, чертов андроид!” – с размаху опустил ее на голову капитана.

Удар был нанесен удачно. Капитан пошатнулся. Лицо его заливала настоящая алая человеческая кровь.

– Я... не... андроид, – удивленно протянул он и потерял сознание.

На этот раз десантники не стали ждать приказа. Расстреляв в упор Эрона, они бросились к капитану.

Рипли прижала руки к груди:

– Оно движется!

Капитан пришел в себя и снова обратился к Рипли:

– Вы должны отдать нам эмбрион. Ради своего же спасения.

На мгновение на лице Рипли появилась довольная улыбка понимания.

– Ни за что! – выкрикнула она.

Платформа крана остановилась прямо над ковшом. Почувствовав очередной приступ, Рипли пошатнулась, но, взяв себя в руки, уверенно подошла к краю платформы. Под ней кипело озеро расплавленного металла, поднимавшийся жар опалая кожу, словно приглашая спуститься в этот рукотворный ад.

– Слишком поздно!

– Нет! – умолял капитан.

Рипли прижала ладони к груди.

– Прощайте, – сказала она.

– Не-е-е-т!! – завопил капитан.

Рипли шагнула в пустоту и исчезла в кипящем металле.

Морс, поднявшись, проводил ее взглядом. Зажимая рукой рану, он пробормотал:

– Уходящие в мир иной не умирают. Они возносятся. Возносятся на небеса.

Поскольку биомедикам Компании больше нечего было делать, они перевязали Морса. Остальные десантники молча, не разговаривая даже друг с другом, занялись отключением плавильного цеха и всего, что осталось от исправительно-трудового учреждения Фурия-361.

В космосе послания человека могут бродить очень долго. Духи радиопередач дрейфуют вечно, как эхо слов, произнесенных очень давно, как отзвук некогда ушедших жизней. Случается, их обнаруживают, принимают и записывают. Иногда они что-то значат для тех, кто их услышал, иногда нет. Порой они бывают очень длинными, порой короткими, как вот это:

“Рипли, последний оставшийся в живых член экипажа «Ностромо», конец передачи”.

*Автор выражает искреннюю признательность компании
Insight Computers из Темпе (Аризона) за ее прекрасные
компьютеры.*

Алан Дин Фостер

Литературно-художественное издание

Зарубежная фантастика

Алан Д. Фостер

ЧУЖОЙ-3

Заведующий редакцией А.А. Кирюшкин.

Ведущий редактор А.Г. Белевцева.

Редактор Е.В. Самсонова.

Художник К.А. Сошинская.

Художественный редактор Ю.Л. Максимов

Технический редактор О.Д. Эшлиман

Корректоры О.А. Волкова, С.И. Каштанова

ИБ № 8513

Лицензия Л.Р. № 010174 от 22.01.92 г.

Подписано к печати 23.03.94. Формат 70 x 100 ¹/₃₂.

**Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 4,50 бум. л.
Усл. печ. л. 11,70. Усл. кр.-отт. 12,11. Уч.-изд. л. 10,71.**

Изд. № 9/9393. Тираж 30 000 экз. Заказ 234.С 028

**Оригинал-макет подготовлен на настольной издательской
системе Apple Macintosh в издательстве “Мир”.**

**Издательство “Мир” Комитета Российской Федерации по
печати.**

129820, ГСП, Москва И-110, 1-й Рижский пер., 2.

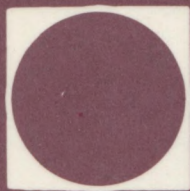
Можайский полиграфкомбинат

Комитета Российской Федерации по печати

г. Можайск, ул. Мира, 93

Зарубежная

фантастика

Аланд Д. Фостер
ЧУЖОЙ-3

Издательство «Мир»

